

Начало века

2023

№ 4

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2023/4

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК

Александр КАЗАРКИН

Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Павел Чекчев.
Зима.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Александр КАЗАРКИН
Рассказы 2
Дмитрий ИВАНОВ
Четыре рассказа 10

ПОЭЗИЯ

Ефим ГАММЕР 41
Георгий ТОРОЩИН 44

ПРОЗА

Олег ЛАПШИН
Люлька 50
Евгений ВЯЗАНЦЕВ
Миниатюры 55
Юрий КОЗЛОВ
Эссе 59

ПОЭЗИЯ

Сергей ГУРЕЕВ 80
Светлана УЛАНОВА 85
Ольга КОМАРОВА 90

ПРОЗА

Александр МУЛЕНКО
Королевское сердце 96
Ольга АНИКУШИНА
Жемчужины 100

ПАМЯТЬ

Журналист, поэт, краевед
(П. Сукачёв) 105

КРАЕВЕДЕНИЕ

Зоя БАРАШЕВА
Школа Лигачёва 118
Анатолий ПШЕНИЧКИН
Когда о них потомки говорят 121

БЫЛОЕ

Эмилия КАДЕТОВА
Русская любовь Назыма 127

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

Томский класс 132
АВТОРЫ НОМЕРА 157

Александр Казаркин

рассказы

Томская и российская культура понесли большую утрату. Умер Александр Петрович Казаркин.

Он родился в деревне Дресвянка Новосибирской области в крестьянской семье. После окончания школы работал сварщиком, монтажником-верхолазом. Писал стихи, интересовался литературой, потому и поступил в Томский университет на историко-филологический факультет, который с отличием окончил в 1968 году.

После окончания университета началась его преподавательская деятельность в родном университете, затем в Кемеровском, и снова в Томском. В 1974 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Будучи вузовским преподавателем, А. П. Казаркин не оставался академическим учёным. Его статьи на литературные и литературоведческие темы печатались в сибирских и союзных журналах, выходили отдельными книгами. И совершенно закономерно в 1988 году А. П. Казаркин стал членом Союза писателей СССР.

А в 1990 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук. Немало ярких страниц посвятил он жизни и творчеству сибирских авторов. Он вернул современному читателю книги большого писателя Георгия Гребенищикова. Он писал о Г. Н. Потанине, В. А. Обручеве, Н. И. Наумове, о сибиряках-современниках.

Казаркин сотрудничал с журналами «Сибирские огни» и «Наш современник». В журнале томских писателей «Начало века» постоянно печатались его статьи и литературные произведения (нередко под псевдонимом Александр Кержак, намекающим на его старообрядческие корни). Он – собиратель народных сказаний, мифологических и исторических, а кроме того, создатель литературных сказов собственного сочинения (опубликованы в антологии «Преданья старых трактов», серия «Сказы народов Сибири», 2011). В 2017 году его книга «Ермаки-Кучумы» удостоена Губернаторской премии Томской области.

Особо необходимо отметить работы А. П. Казаркина о проблемах творчества и судьбе наследия русского поэта Н. А. Клюева.

Александр Петрович ушёл из жизни полный творческих сил и новых замыслов. Оттого особенно горько переживается этот уход. Память о нём сохранится в сердцах его коллег-учёных, его учеников, его товарищей по писательскому делу.

ЖАРЕННЫЙ ПЕТУХ

Куку-маку, съем собаку, кошку драну, мышь погану, куда плюну, туда прыгну. И с забора, через канаву – кто дальше. Видать, далековато плюнул, раз не доскакнул.

Ближнему планированию, вот чему учили игры в детстве. Но хрень на плетень выходит, какой-то бес мутит душу. Злобный дух забился на кафедре во все щели. И вот с этим пришёл на отчёт.

– На повестке заседания кафедры отчёт по НИР. В целом мы на общефакультетском уровне, но некоторые до сих пор отчёт не представили. Я от всех услышал более-менее внятные ответы. Только у Архипа Петровича дела в минусе. Он всё ещё не понимает, чем занимается. Давайте послушаем.

Решительно наезжает Кирилл Никандрович, и все закивали на всё готовыми головами. Видно, есть уже решение. Чё делать?..

Взяли ассистентом, и любимые преподы обернулись ощеренными рылами. Для успеха надо играть заданные роли. Все здесь против всех. И все на один аршин: любезничают – клыки прячут. Аж ночью, спросонья от них подскакиваешь.

– Но я же сдал две статьи. И по студенческой конференции одна напечатана. Три – уже хватает для защиты.

– А вы ещё школьные заслуги посчитайте. Тема какая, материал статей? Одна – по преданиям староверов, другая – по сказам Нарыма. Одна – про Фому, другая – про Ерёму. Как вы свяжете это с современностью?

– Почему про Ерёму? Один и тот же сибирский фольклор. Надо понять, почему он сменяется постфольклором.

– Так и покажите, одно и то же или совсем разное. Мотивный анализ примените. Или вы рубите дерево не по себе?

Это Митряшина встревает. Она момента не упустит, ткнёт в зад калёным шилом. А глаза закатывает в горнюю высь и ладони складывает лодочкой. Спорить с ней бесполезно, надо обтекаемо:

– Постфольклор, его можно трактовать как новую главу словесности. В нём умиление вызывает сонливость, а похабный раж – возбуждение. Связь со старой песней только в этом, она минимальная.

– Так покажите актуальность, потенциал. Дайте определение, обозначьте герменевтическую процедуру, связь с действительностью. Наверняка же есть работы.

Закивал ей Никандрович, головой широко мотанул. Почему-то с ней он никогда не спорит. И смотрит всегда мимо. Говорят, производственный роман. Были амурсы зашкафные, теперь прячутся друг от друга в слащавую любезность.

– Вот-вот, такой материал и пройдёт легче. А с тем вас любой оппонент стопчет. Отдайте Каролине Егоровне на рецензию.

Ну да, её рецензии – доносы, строго научные по форме. Злоба замкнутого пространства? Фантазм учёности – вот где бес-то пристроился. Провоцирует, гад. Смысл жизни велел искать в старых песнях. А кто его теперь там выкопает?.. Ты сам, кто потерял. Жареный петух в зад клюнул – хода нет.

Кто-то повесил кривые зеркала. Всё здесь называется не своим именем. Если петушиное слово сказано, от него не отбояришься. А откуда он взялся, петух этот? Не его ли называли василиском? Во всех он тут. Ну да, василиск – так, кажется, это чудище называли. С петушиной головой был он почему-то. И не ночной, он бес полуденный. Все души наизнанку повыворачивал.

Староверы, одни они его помнили. Павел Амосыч, покойный, говорил: «Душа, она как блудная девка, её легко сманить в прелесть, чтоб красой величаться. А нонче со всех сторон всё ко греху зовёт. Все сдались, а хуже всех последним в роду. Этих уж и отпевать будет некому».

– Архип Петрович, отвечайте же, мы ждём. Что понимать под современным фольклором? Вы где вообще-то? Обозначьте хоть границы объекта.

Судилище, что ли? Они чё, на дверь указывают, от науки отлучают? Фольклор – легко сказать, а где его нынче взять? Он невозможен, когда нет народа. Зато структуралистам огромный оперативный простор. Дыхание века. Так надо бы сказать.

– Фольклор, он был лицом деревни. Его сперва удушила литература, а попса теперь кости доглаживает. А постфольклор, он уже после песни. На мой взгляд, расхлябень деревенская – вот где исток постфольклора.

Марксист Шаромов в углу завозился. Видать, вспомнил что-то из заветов. Никандрыч сдал свой партбилет, а этот – нет. И вставляет, начётчик, максимы из окаменелой эпохи:

– Не нами же сказано: все обойдутся без отечества. Так у всех народов. Пока надо описывать, и граница сама наметится. Но, в общем и целом, болото. Ну совсем как старовер: не нами сказано. Только всё навыворот.

Всполошилась Альбина Фаритовна, руками взмахнула. Спровоцировал старый пень самый тёмный выплеск:

– Да какое болото, коллеги? Подмена темы, классический образец. На школьных экзаменах за это двойку ставят. Вы посмотрите: специалист не видит своего материала. О чём тут говорить? Хоть пример приведите, покажите свой материал.

– Это пожалуйста. Возьмём старое: *Я матаню звал за баню – Не сулилась, а пришла. Лучшие баня бы сгорела, чем матаня родила...* Это элегия, классический лиризм. А в постфольклоре всё непосредственно: *Вставай, чувырло, пошли на тырло; там будет швырло, а после тырло.* Вот язык новой песни, книжной поэзии за ним не успеть. Или возьмём детское, самое непосредственное: *Восьмое марта близко-близко, расти скорей, моя пиписка.*

– Ну вы хоть немного-то редактируйте, при коллегах всё же!.. Вы согласны, Маргарита Евсеевна? С тем, что материал значительный?

– Язык и стиль теперь действительно ни при чём. У нас сын принёс на днях такой слоган: *Почему ты человек?* И мы, взрослые, не справились с задачей. А внук ответил легко. Я, говорит, люблю тушканов, пусть копаются в Васьюганском болоте. Если вам их жалко – вы человеки.

– И что это, фольклор или постфольклор?

– Наука пока не установила. Новый феномен.

– Ну а вы-то, раз уж взялись, так устанавливайте.

Не туда пошёл, не на тот факультет. Надо было на агронома. Писал за

Илюшку Полухина сочиненье, когда он в сельхоз-навоз поступал. Теперь большой человек Илья Семёныч. С дипломами редко в родные Мухосрамки ворочаются, а Илюха вернулся. Встретились позапрошлым летом – начальниче лицо, ездит по полям на совхозном газике, возит молодых доярок под берёзку, под заветную. Всегда по одной катает, тут он однолюб. А в школе был Илюшка-полушка...

Да, не тот факультет выбрал. Здесь тем же заниматься хотел, что знал в деревне, и взял тему: Концепт Душа в любовной песне. А песен-то не стало, душа в закуток забила, поскуливает, как щенок на цепи возле будки.

Уходил из дома – ночами курица пела. Плохой знак, каверзы сулит. Такой башку сразу рубят. А всё нипочём, стихи тогда накатал:

*Пой, курица, под гомон псов –
сопрано посреди басов,
и проводов подхватит хор:
Запела – значит, под топор.*

Хор проводов там – самое памятное. Зимой они тоскуют горше, чем летом. Ревёт железо, нас отпевает. Столбы как шли, так и идут с детства – вдоль улицы. Они не знают, что заимки распаханы вместе с кладбищами.

По реке плывёт кувалда из села Чугуева. Ну и пусть себе плывёт... Тут весь интерес в рифме, в последнем слове-затычке. Замени его – пресно и скучно. Да, найди затычку – и дело в шляпе.

ПОСЛЕ НАС

«Весть ошпарила: лучший друг мой изгнан на поверхность. То есть сам решил и тем всех вогнал в ступор. Там же смерть, что-то немислимое. Здесь за спиной у каждого сотни перерождений, а он взял да и оборвал нить. Кто ж обратно-то пустит *в обитаемую среду*. Там, наверху, – окружающая среда, барханы из золы и пепла на месте городов. Откипело, улеглось, возвращаться некуда. Мечта была о прогрессе: роботы вынчат людей-аскарид, чтобы жили на всём готовом. Эра клонов, она бесконечна. Пофигизм не здесь начался, а там ещё, под солнцем.

Одни говорят: планета оскальпирована, другие – очищена. Ну и что из того, было или не было? Сны истории, сны-сказания о любви... все сны равны. Умерли все, кто отказался от вечного перерождения. А друг присвоил себе звание: последний поэт. Псевдоним взял вопрекор старому: был Короед, стал Цепень. Закончил поэму «Не оставайтесь снами» и решился на смерть, на безвозвратную. *В аскардном раю, Бытия на краю...* не захотел жить.

Одно здесь остаётся – сны. Каждый просматривает сотни жизней прежних поколений. Сколько тысяч лет назад было переселение сюда, никто не подсчитывал. Всё это история, кладбище идей. Мечтали там о бессмертии – и вот получили. Смысл жизни нашли – победа над её бессмыслицей. То есть – над стихией.

Но тают дни, вымывается вещество, которое было тобой. Тогда возжигается жизнь в одной клетке, взятой на сохранение ещё в молодости. И душа-матрица выходит из снов-закромов, вновь ты вырастаешь – родинка в родинку и ноготок в ноготок. И смотришь былые сны, шагаешь по стопам предшественников. По своим следам.

На меня косятся: дружил с еретиком. Он закончил поэму-исповедь – и умер на ступеньке. Сосуд лопнул. А чуть раньше, отхлебнув эрзац-сомы, рассуждал: – Когда уйду насовсем, тогда поймёте, кто я такой. И скажете: Цепень поставил последнюю точку. Больше поэм не будет. У клонов нет поэтов».

Бредятина какая-то. Откуда взялся этот текст?.. А, вспомнил: ходил к мозгоправу, он и дал, ехидный этот душелекарь. Вопросы задавал, в глаза не глядя.

– Вы сами пришли к нам или кто-то принудил?

– Жена ультиматум поставила... в половом вопросе. Лечись, говорит, или развод. Она для семейного счастья негодной стала. Кажется, сам я тоже...

– На нервной почве? Ну, это совсем не страшно. Понятие нормы ушло на задворки. Реклама ставит образцы недостижимые. Гены-то у вас какие?

– У кого, у меня? Здешние гены, чалдонские. Литература вот не та стала, одни от неё аборты. Она по инстинкту бьёт. И скоро все будем жить стариками с молодости...

– Ничего особенного. Один пациент считал, что у него пенис усыхает, и делал дорогие операции каждую пятилетку. Эпоха такая... Да вот, обернитесь-ка.

Картина на противоположной стене – как в лоб молотком долбанула. В простой деревянной раме – мир в два яруса. Две эры схлестнулись: вверху – драконья реальность, внизу её отраженье в ласковых водах. Художник по-своему увидел конфликт отцов и детей. В верхнем этаже, к скале прижатые, сбились в плотную кучку последние оскалившиеся ящеры, вчерашние хозяева мира, а их оцепила стая гигантских бескрылых птиц, хищники более поздние. Третиный период, свои обречённые и победители свои. Внизу, в водном зеркале, скала округлилась, стала храмом с куполом, а отцы и дети – торжественное шествие, молебен. Рябь на воде времени...

– Нравится? Мне помогает ставить диагнозы. Пациент на память оставил. Талант, два сезона лечили. Сам принёс и повесил её, только наоборот.

– Наоборот? Как это?

– Вода сверху была, скала снизу – мрачный прогноз. Вверху молебен шёл, драконы и птицы – внизу, в озере. А название – ни за что не угадаете: «После нас». Он так толковал картину, записать надо было. Навязчивые виденья у него были. Он будто вернулся из долгой командировки...

– И что, застал супругу в объятиях?

– Да нет, хуже: в трёхтысячном году побывал. Заглянул и всё стал видеть в перспективе. Детали называет подробные – вот и сочли параноиком. Если бы он сел за книгу, в Союз писателей приняли бы, а он ходит и рассказывает... Идейная диверсия, подрывает веру в светлое будущее. Его и раздавили словновыми порциями мажептила.

Ну да, в душелекари идут садисты. Чешет по-своему, будто я без него продепруг не знаю. А тот парень, может, сперва он тюльку гнал, чтоб не запаковали, а ему мозги вскипятенили.

– Не вылечился он, значит?

– Рисовать перестал. Работает учителем труда, табуретки сколачивает. Тур-рум-буб-бум... Итак, рекомендация. Говорите себе: здоров я, здоров, и буду как все.

– В каком смысле?

– Я создал группу «Прочь излишки», играют роли, выбирают клички: кто Коза, кто Жеребец. Хорошо пошло, возвращаются в природу. По четыре тысячи в месяц с каждого. Даже не раздумывайте, метод одобрил сам Утюген-оглы.

И с гламурной ласковостью выставил за дверь. Всё время мимо тебя смотрит. Ты ещё в дверях, а он уже кинул медсестре:

– Юленька, дай ему текст того, Ильича Третьего. Вы, говорят, литератор. Оцените, в следующий раз побеседуем.

Про конец истории, что ли? Или про что? Предвидение или простое помешательство – поди пойми тут.

Думал об авторе, встретиться захотелось. И вот на трамвайной остановке услышал шёпот:

– Смотри, вот он, Ильич Третий.

Шагнул к нему, а он обернулся с поклоном и оказался очень общительным. Знаменитость Сибирских Афин, выпускник филфака и психушки. Тихий, ищет с кем поговорить, а на остановке всегда есть с кем. Сразу преподнёс сен-тенцию:

*Товарищ, верь, пройдёт она,
Вся передроченная гласность,
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.*

– Ну, вряд ли. Назад уже ходу нет.

– Да мы-то те же остались – загонные. Из котлована ничего не вынесли.

Стоит обшарпанный, замусоленный, глаза как у пса бездомного. И глаза эти пропитущие в глубь тебя смотрят.

– Закурить не найдётся. А если на шкалик попрошу? Пошли на Ушайку, раздавим. Там в кустах уютно, никто не подслушивает. Ты, я смотрю, начитанный. Дневник ведёшь? Время требует. *Во всём величьи видел ты закат звезды его кровавой.*

– Ага, величья кругом выше пуза, аж ступить некуда.

– Что ж, русская харизма – по харе и клизма... Я в комсомол долго не вступал – вызвали и давай вертеть. А я, я же только понять хочу, что за эпоха пришла. И зачем институт, если вы мыслить отучиваете? «На психушке такие, как ты, мыслят. Если дальше будешь болтать, там окажешься». Там и оказался, по доносу.

– Так это ты, выходит, написал тепличную исповедь? С бодуна или как?

– Я скорее за Армагеддон, за традиционный, за Апокалипсис. А если нет, – ждёт нас аскаринный конец. О нём все и мечтают. Хаос преодолеть хотят, а в нём – весь смысл истории. Уберут его – и будут счастливы. Без песен, без

музыки, без обычаев и праздников. Уже навсегда и безвозвратно. Эра клонов – последняя.

– А по специальности кто? Для души чем занимаешься?

– Эсхатология. Хороший проект конца света стоит всех наук. Нынешний перетрях – самая пора для наблюдений.

Ничего себе ирония. Как-то вдруг передёргивает его, да с подскоком!

– Конец света, что ли? И скоро он?

– По вере, по вашенской. У причастия когда бывал, вспомнил про лекции?

– При чём тут это? На исповеди – про работу?

С особым ехидством, со сладострастием:

– Покаялся, что ты лектор? Лектор, он что? – он актёрствует. Актёров до причастия не допускали. Покаешься – значит, отречёшься, тогда на лекцию – ни ногой. Сейчас каются и опять грешат. Вот скажи: о чём вещали просветители? О счастливом завершении истории. И оно вот-вот состоится. Кто-то сказал, что смысл истории будет виден в конце её. Удобно, когда нет стихии, так безопасней. А человеки? Живут аскаридами под землёй, небо забыли и мечтать разучились. А сновидения не требуют напряженья.

Галактики разбегаются, пустота расширяется. В числителе – единица, в знаменателе – бесконечность. Эта дробь раздавила многих, появились похеристы. Галактики схлопываются – пропеллер вечности. Похеризм – новая парадигма. Вечность, кто же её вынесет? Я вот уже устал от себя... Главное: остановить лавинообразное наше размножение. Планета хоть вздохнёт. А долгую память – нет, не заслужили.

ВЕДЬМИНА МЕТЛА

«С новым годом, сынок. Письма от тебя не дождёшь, даже в новый год не поздравил. Трудно что ли, ты же быстро пишешь. Как там в городе? И в деревне молодые не признают ни царсково, ни боярсково, девки детей в брюхе травят, будто так и положено. Люди уже бесам радуются, сами на них похожи. Пляшут, визжат, кувыркаются в клубе-то, так черти в кипятке ныряют да выскакивают. Корова отелилась, бычка принесла. Доброй телёнок, краснопёстрой. Овец двоих прирезала, сена боюсь не хватит. У вас же каникулы скоро, приехал бы хоть денька на два. Думаете, легко, когда ни от кого ни строчки.

Пиши хоть раз в полгода».

Прочитал письмо благоверной – передёргивает жёнушку. Приглашаю к философствованию – отвечает скандалом. Но чай пьём, чай с клубничным вареньем. Не чудо ли!? Чуть не развелись, а сегодня полный мир. Подводим итоги, историю женитьбы составляем. О чём ещё мечтать, как не о лёгком смысле?..

– Самые экзотичные – лунатики, они странники в тонком теле. Ими, сноходцами, все народы очаровывались. Теперь – про них не слышно.

– По-твоему, не стало их – снохачей? Хватает! – смело обобщает. Видно, знает примеры. Посмотрим, как вот на это среагирует:

– Пофигизм, он предсказан: *Блаженны неплодные, и утробы не родившие, и*

сосцы не питавшие. Действительно, чёрные дыры диалектику скомпрометировали, они поглощают пространство.

Ага, она в ступоре. Смотрит и не мигает... Стоп, а зачем я это? Какой-то старик Хоттабыч внутри...

– Слушай, есть такая сказка. Пришелец предложил лузеру, неудачнику стать автоматом, и тот согласился. И вот ощупывает себя утром: я или не я? А в компьютере выскакивает каждый день: докажи, что ты живой. Чем, спрашивает, докажу? Зачатием? А из компа говорят: тленное им не интересно. Они уже всё регулируют. И вообще нас, прежних, нет, кругом другие...

Да нет же, все вон шагают с веком в ногу, их же не колдобит. А ты... не ушёл бы из деревни – не искал бы смысл... Наперекосяк жизнь пошла, распался род, и осколки его не узнают друг друга. Опустели поля, заросли осинником...

Тетрадки в углу всем своим видом умоляют: не бросай, собирай дальше. Песни в них, на летних практиках собраны. А бес-поперечник своё: хрень через плетень, никому не нужны они. Песни отжили своё, им уж не воскреснуть. На кафедре, там их – завал, лет двадцать никто пыль не смахивал.

Берёзку во сне видел, со своей она, особой долей, а ей дали чужое имя: Ведьмина метла. Уткнулся в неё, чуть не каждую ночь снится. И видел ведь её, ведьмину метлу. Увидал берёзку на сосне и пожалел её: засохнет же. Сильный вихрь занёс снизу семя берёзы, и выглядывала она младенцем. На вершине она выросла, в развилке сучьев, и мечтала о земной доле.

Телеуты ехали мимо в сёдлах и дивились:

– Хитрый стал русдерево, сосне на горб забрался.

А чалдоны испуганно тыкали пальцем:

– Гляй-ко, ведьмина метла!

В ту осень, ещё школьную, привели меня птичьи голоса к сосне. Вспомнил берёзку и влез на сосну. Пожалел её, выдернул без труда, домой принёс и посадил украдкой у рассадника: узнают – заставят вырвать. Притулилась карлица к забору, жила вровень с ним, а большой так и не стала: молодость минула. Шептала что-то своё, а при сильном ветре лепетала, но ни репей, ни чертополох не понимали её. Любоваться потомством – это не дано ей было: затоптал его скот и люди не пощадил. А потом и домов не стало. А ради них кедров упали первыми, а за ними сосны. И теперь весь народ тамошний – осинник. Снова открылся ей простор, но безрадостный.

Дмитрий Иванов

рассказы

АНДРЮШКА В «СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ»

В центре Томска на улице Ленина, там, где сейчас высится здание Облсо-впрофа, в шестидесятые годы стоял старинный двухэтажный деревянный дом. Из-под его иссохшей до стеклянной хрупкости тесовой обшивки выглядывали почерневшие от времени брёвна, окна первого этажа имели ставни, и весь он, со старомодной верандой с резными перилами, с покосившимся парадным крыльцом, чем-то походил на дряхлого, но ещё пытающегося сохранить гордую осанку старорежимного старика-профессора. Говорили, что до революции усадьба и в самом деле принадлежала какому-то университетскому профессору... Это был дом моего детства.

В те времена деревянные районы только начинали пробиваться островками «хрущёвской» застройки, и наша усадьба мало чем отличалась от тысяч других старинных томских усадеб с такими же ветхозаветными сараями, пышными лопухами и запахом колотых дров. Но она была единственной и неповторимой, потому что для нас, дворовой ребятни, с неё начинался большой мир. Она, мир малый, его заменяла.

У нас не было смартфонов и компьютерных игр с монстрами – у нас был двор. Для шантрапы дошкольного возраста он действительно был огромным, как белый свет, некоторые из нас могли заходить под листья росших у сарая гигантских лопухов почти не сгибаясь... Кроме дома, во дворе имелись два жилых флигеля, буйно разросшиеся яблони, вербы – для нас настоящие джунгли. На задах у забора безмятежно дремали высоченная конопля, дровяные поленницы, грядки с луком, а в заборе зияла дыра в соседний двор на Советскую. В таком месте сам Бог велел играть в войну, прятки и догоняшки, чем мы и занимались.

Но больше всего мы любили громадный старинный сарай, наверное, бывший каретник, молчаливый, таинственный и такой же до костяной твёрдости иссохший, как и сам дом. В нём был длинный тёмный коридор с паутиной на стенах, с дверьми от ячеек жильцов, где хранились дрова, а в погребках стояли кадки с квашеной капустой. Бывало, играешь в прятки, забежишь в этот коридор из солнечного дня и канешь в его пахнущую пылью и столетним деревом темноту, как в омут. Сначала ничего не видишь, потом глаза начинают привыкать. Входит тоже ничего не видящий голящий, ощупывает стены, сослепу проходит мимо тебя, и ты, опережая его, с победным воплем выскакиваешь назад в сияние дня и мчишься к условленному месту застучаться.

Особым нашим расположением пользовалась просторная плоско-покатая крыша сарая, раскинувшаяся между небом и землёй, как второй двор. Мы бегали и играли на ней, как на земле. Хорошо забраться поближе к облакам, пробежать, гремя ржавым железом, до края кровли и заглянуть на зеленеющие глубоко внизу, ставшие вдруг такими маленькими лопухи! Хорошо где-нибудь

в мае просто лежать на этой уже тёплой крыше и смотреть на окружающий мир, на притихший под весенним солнцем двор, в котором желтеют дымки цветущих верб, горят огоньки первых одуванчиков! Простучит на Советской трамвай, и снова тишина...

С крыши видно всю нашу вселенную: соседние дворы с такими же старыми домами и сараями, голые ещё огородики в ямках от прошлогодней картошки, пустыри, летом превращающиеся в леса крапивы и чертополоха... Из этих пустырей и огородиков поднимается в небо огромная кирпичная труба (котельная бани на Советской), возле которой, как начинает вечереть, повисает, загадочно смотрит на нас из своего космического далека полупрозрачная луна... И куда ни взгляни – море таких же деревянных домов и сараев: старинный, привольный, ещё не привыкший к асфальту и железобетону Томск.

* * *

Хозяевами этого сарайно-лопухового мира были мы – Мишка, Зёзик, Андрюшка, Васька и я. Старшим был Мишка: когда играли в войну, он назначал себя командиром, а нас с Васькой – заместителями. Самую низшую должность имел Мишкин младший брат Зёзя (так он выговаривал своё имя «Серёжа») – по причине малолетства. Когда его определяли в «немцы» или «белые», которыми никто не хотел быть, он ударялся в протестующий рёв и орал ровно до тех пор, пока Мишка не переводил его в «красные». Он сразу умолкал.

Самого Мишку постоянно распирали идеи, в основном на военную тему. Если, например, мы, глядя на крапиву у забора, думали, что это крапива, то он имел достоверные сведения, что это расположение вражеских частей, скрытно, болотами, выводил нас к ним в тыл и одерживал победу. Иногда он, простреленный пятнадцатью пулями, героически погибал: содрогаясь, испуская тяжкие стоны от каждого попадания, выделявая немислимые кульбиты, он падал посреди двора и, отдав последние приказания, умирал на руках боевых товарищей в страшных корчах... Время от времени кому-нибудь из нас надоело, что Мишка всё время командир, и бунтарь заявлял, что тоже хочет командовать. У Мишки, который и сам чувствовал справедливость претензий, делалось обиженное лицо, он сразу принимался оправдываться, что не так уж часто командует, неохотно сдавал власть. Однако проявлял своеволие, приказы нового начальства нарушал, и к концу игры как-то само собой получалось, что опять командовал он. Всё возвращалось на круги своя.

Но ярче всех помнится Андрюшка. Он был из тех, кто, не сгибаясь, забегал под лопухи. Будучи одним из самых маленьких, во время игры в прятки он мог просто упасть в невысокую траву и исчезнуть. У него были большие тёмные глаза и задорный вихор на макушке, который частенько ерошила ему мать. Андрюшка этого не любил, извивался в её руках, вырывался и убегал.

Жили они с матерью в половинке тоже маленького, почти игрушечного двухквартирного флигеля, походившего на домик Дядюшки Тыквы из «Приключений Чиполлино». Он так врос в землю, что пол их квартирки был на полметра ниже уровня земли, ступеньки с крылечка вели не вверх, а вниз. Весной Андрюшкина мать, тётя Галя, мастерила возле него из земли и кирпичей дамбы, чтобы талая вода не зашла в дом. Единственное окно касалось земли,

самосейкой росшие возле него ноготки и золотые шары всё лето нескромно заглядывали в Андрюшкино жилище. Там в крошечной комнатухе еле помещались покосившаяся печка, обшарпанный шифоньер, старенький диван да общепитовский обеденный столик у окна, за которым, когда убирали посуду, Андрюшка готовил уроки. Когда же кто-нибудь из нас, ребяташек, приходил к нему в гости, играть было фактически негде. Помучившись, мы отправлялись на улицу.

Мы все топили печи и заготавливали дрова, но у меня, Мишки, Зёзика и Васьки, живших в профессорском доме, были хоть квартиры побольше, был пусть единственный на этаж, но всё же кран с холодной водой, канализация. Андрюшка с матерью не имели и этого. Вдобавок Андрюшка был безотцовщиной. Бывало, долгими августовскими вечерами во дворе уксусно-остро пахнут свежими поленьями, наши отцы колют дрова на зиму, а к Андрюшкиному флигельку подвозят, сваливают ворох какого-то горбыля, и тётя Галя ширькает его пилкой, вместе с Андрюшкой таскает в свою сараюшку...

Тётя Галя никому ни на что не жаловалась, растила Андрюшку одна: ни бабушки, ни дедушки, ни тётей-дядей рядом с ним я никогда не видел. Не наблюдалось мужиков и возле самой тётки Гали, хотя внешности она была вполне привлекательной и, работая мастером в мастерских одного из университетских институтов, в мужском коллективе, возможность устроить свою судьбу, наверное, имела. Но почему-то этого не делала, нелёгкую свою долю ни с кем не делила. Единственной соседкой, с кем она дружила, была тоже одинокая, бездетная тётя Зина. Они ходили друг к другу в гости, часами сидели на лавочке во дворе, разговаривая о чём-то своём, время от времени замолкая и подолгу отрешённо глядя перед собой.

Андрюшку же, наоборот, жизнь вполне устраивала, не было во дворе человека веселее и беззаботнее. Он никогда не унывал, на призыв «пошли играть» готов был откликнуться в любое время дня и ночи. Тёплыми ясными утрами где-нибудь в начале лета, когда уже пригретые поднимающимся солнцем одуванчики сладко млели у заборов, и мы, ребятня, позавтракав, выбегали во двор, маленький Андрюшка одним из первых колом выкатывался из своего игрушечного домика и потешно, как клоун в цирке, кричал: «А вот и я!». У нас начинался большой, до самой темноты, игральный день.

С приходом лета во дворе появлялось множество соблазнительных вещей. Мир становился просторным и тёплым, наполнялся зеленью, одуванчиками, бабочками, в него так радостно было выбежать из дома, из тёмного, пахнущего пылью коридора, и оказаться вдруг в океане солнца и красок. В первые летние дни от этого солнца, тёплого ветерка с запахом цветущих яблонь у нас наступало лёгкое сумасшествие. Мы носились по крышам сараев, до упаду играли в догоняшки, прятки, и загонять нас вечером домой приходилось силой.

Андрюшка был в первых рядах. Он соглашался на любую игру: в войну так в войну, в машинки в песочнице – пожалуйста, в прятки – ещё лучше! Он не спорил, если ему выпадало голить, или когда его «убивали» в бою. Охотно делился всем, что имел, будь то игрушка или книжка, хоть имели мы по тогдашней бедности мало, а он – меньше всех. В любой момент от него можно было ждать какой-нибудь фортель. Натянет, например, на лицо горловину свитерка

и начнёт изображать Фантомаса (фильм только вышел на экраны), да так умирительно, что все смеются, и он вместе со всеми... С ним всегда было весело.

В одно из таких одуванчико-безоблачных лет у Андрюшки, а, значит, и у всего двора, откуда-то появились и сразу пошли нарасхват книжки «Незнайка и его друзья» и «Незнайка в Солнечном городе». Кто ещё не умел читать – смотрел картинки.

Помню, мы с Андрюшкой сидим на тёплой от утреннего солнца лавочке, он листает чудесные картинки с забавными коротышками, их маленькими, выглядывающими из-под огромных цветов домиками, увлечённо объясняет, кто такие Незнайка, Винтик, Шпунтик и доктор Пилюлькин. Рядом с трудом выглядывает из ноготков и золотых шаров, почти достающих тяжёлыми головами крышу, его собственный домик. Я смотрю на этот домик, и мне кажется – он тоже из Цветочного либо Солнечного города.

Так читали мы, беспечные «коротышки», не подозревая того, сказку про самих себя, и бегали, как Незнайка, под лопухами и золотыми шарами, и надевали на запястья солнечные часики из одуванчиков. Они не показывали времени. А высоко над двором, над нашим «Цветочным-Солнечным городом» стояло и, казалось, никуда не двигалось золотое солнце нашего детства.

* * *

И всё же время шло, из лопухов мы потихоньку вырастали. Когда мы с Андрюшкой пошли в школу – восьмую, на Кирова, где уже учился Мишка – и оказались в одном классе, мир перестал уместиться в одном дворе. Мы начали осваивать близлежащие улицы, по которым лежал путь к знаниям – Советскую, Кузнецова, Кирова. Но полдня вольной жизни, какой мы до сих пор жили среди своих сараев и пустырей, у нас отобрали. В школе, конечно, было интересно, однако на последнем уроке мы уже с нетерпением поглядывали в окно, за которым стояло хрустальное бабье лето.

После уроков, вырвавшись на свободу, мы себя вознаграждали – возвращались домой не торопясь, со вкусом. С оживлённой Кирова мы сворачивали на безлюдную, в те времена почти сплошь деревянную Советскую, одуванчиковую тишину которой нарушал лишь стук колёс изредка пробежавшего двухвагонного трамвая. То крутя над головой, то чуть не подметая по земле ранцами, мы с Андрюшкой последовательно перемещались по улице, заглядывали в каждый двор, на каждый пустырь, время от времени садились отдохнуть на тёплые от сентябрьского солнца рельсы. Во дворах, очень похожих на наш, так же хорошо пахло колотыми дровами, тронутой увяданием зеленью, безмолвно-торжественно клонились у заборов на нежарком уже припёке разросшиеся за лето крапива и конопля, а на лавочках под желтеющими клёнами так же сидели, неторопливо беседовали пожилые женщины. Когда же проходил трамвай, мы бросались врассыпную, прятались за заборы и вели по нему огонь из всего имеющегося оружия...

А потом наступала зима, наш вольный летний мир исчезал под снегом. Дворы и пустыри, как панцирем, покрывали высокие, с зализанными ветром гребнями, сугробы, на крышах повисали тяжёлые белые шапки. Деревянный Томск странно пустел, становился похож на заметённое снегом поле, в кото-

ром сами по себе торчали чёрные дома и темнели узкие тропинки. Но мы, не унывающие «коротышки», проваливаясь по грудь, лазили по этим сугробам, прыгали в них с крыш сараев и строили крепости из снежных глыб.

Перед единственным Андриюшкиным окном за зиму тоже выросстал огромный сугроб, который почти касался свисавшего с крыши снежного козырька и закрывал от Андриюшки белый свет. Когда, делая уроки, он взглядывал в окно, то видел снежную гору с языкастым гребнем да узкую полоску неба над ним. На утренней заре гребень нежно розовел, а к вечеру, когда в ранних зимних сумерках над ним проплывала шерстяная шапочка возвращавшейся с работы тёти Гали, становился голубым. Тётя Галя приносила из сарая беремья стылых поленьев, растопляла печь, по нахолодавшей за день каморке начинали ходить волны тепла. Андриюшке становилось веселее.

Обычно к этому времени у нас уже были сделаны уроки, я заходил за Андриюшкой, и мы бежали на улицу. Мы катались с ледяной горки у забора, барахтались в снегу, а набегавшись и налазившись, сидели на горке, смотрели, как в густеющей синеве двора одно за другим повисают жёлтые окна. Нам казалось, они висят над сугробами сами по себе... Иногда прямо с высокого натопанного сугроба мы без труда залазили на спящую под снегом крышу Андриюшкиного домишки, падали на спину в снежную перину и смотрели в мерцающее звёздами небо. Рядом над трубой вился, уходил в эту звёздную бездну смутно белеющий хвостик (внизу тётя Галя подбросила в печку дров), в морозном воздухе пахло дымком, нам чудилось, что мы одни в этой заколдованной ночи, среди снегов и звёзд. И только висящая рядом с трубой бани большая круглая луна смотрела на нас строго, словно говорила: «Как бы не так, вижу вас, голубчиков!». Но Андриюшка, верный себе, изображал, что прицеливается, стреляет в луну из невидимого ружья, и она взрывается: трах-тарарах!..

К концу зимы сугроб под Андриюшкиным окном становился гигантским, ослепительно сверкал под набравшим силу солнцем, в его заветренных складках лежали голубые тени. А в марте он начинал оседать, превращался в шершаво-серый, словно покрытый всклокоченной шерстью, и Андриюшке наконец открывался белый свет. Показывались идущая к дому почерневшая тропинка, угол сарая, весь весенний, в солнечных пятнах и голубых тенях двор. Андриюшка радовался пришедшему в его каморку свету. Вытаивавший из сугробов домик наполнялся яростным солнцем, по комнатушке ходили волны света, а под окном била в продолбленные в снегу ледяные лунки, брызгала на стёкла капель, от чего на стенах играли зайчики. И переживший зиму Андриюшка высовывался в форточку, весело подставлял ладошку под сверкающие капли.

* * *

Как-то в середине зимы, когда до весеннего солнца было ещё далеко, и сугроб под окном флигеля высился во всём величии, мы с Васькой зашли к Андриюшке пораньше. В школе по какой-то причине отменили занятия, подаренной свободой мы решили воспользоваться по полной: ещё не растаяли синие утренние сумерки, а мы уже выкатились во двор и направились к засне-

женному флигельку звать Андрюшку строить крепость. На крылечке темнели полузанесённые метелью следы – рано утром тётя Галя ушла на работу... Когда, впустив с собой облако морозного пара, мы ввалились в домик, оказалось, хозяин только встал и собирается завтракать. На столе среди Андрюшкиных учебников и тетрадей стоял оставленный тётей Галей завтрак: варёное яйцо, два гренка и стакан остывшего чая.

В ожидании, пока Андрюшка поест и соберётся, мы разделись, раскидав куда попало свои шубейки и шапки, вольготно разлеглись – один на диване, другой прямо на полу – и сразу заняли всю комнатушку. И уж не помню, кто начал, но как-то сама собой вспыхнула дурацкая игра. Один из нас от нечего делать взял попавшийся под руку Андрюшкин валенок, шутя, кинул в другого. Тот, разумеется, ответил тем же. И пошло... Мы начали «беситься» – прыгать по каморке, хватать и бросать друг в друга подушки, шапки, клубок тётя-Галиных ниток... Всё азартнее, бесцеремоннее. Нас охватило буйство, какое-то злое веселье.

Сначала Андрюшка, человек компанейский и не меньше нас любивший «побеситься», принял участие в общем веселье, тоже немного покидался. Но скоро сник, дурачился уже через силу, а потом и вовсе остановился. В комнате всё было сдвинуто с места, перевёрнуто, колченогая табуретка лежала на боку, на полу вперемежку с одеждой и валенками валялись Андрюшкины учебники.

– Э, кончайте! – крикнул Андрюшка, опустившись на пол и подбирая учебники.

Но мы не могли остановиться, на нас нашло безумие. Прыгай, кидай! Здорово, всё вверх дном! Мы продолжали бесноваться, а Андрюшка лазил по полу, подбирал разбросанные вещи, что-то кричал, но мы не слушали.

В пылу этих скачек Васька схватил со стола гренки, откусил и, размахивая им и кривляясь, запрыгал по комнатке. Я, бездумно его повторяя, схватил второй. Андрюшка, ползавший на коленках, уже весь пунцовый, вскочил, погнался за нами, безуспешно пытаясь выхватить свои гренки, но вдруг остановился. И заревел... Мы с Васькой, сделав по инерции ещё несколько прыжков, тоже остановились. Дурь слетела разом, словно нас окатили холодной водой. Андрюшка стоял посреди своей разгромленной каморки, размазывал по лицу слёзы и с судорожными всхлипами причитал:

– Мне мама напекла... поесть оставила... а вы хватаете...

У меня вдруг пронеслось в голове: у Андрюшки же нет отца, только мать!

Наконец мы осознали, что натворили, струсили, как нашкодившие коты. Вернули надкусанные Андрюшкины гренки, начали подбирать разбросанное. Андрюшка перестал реветь. Лишь изредка всхлипывал, лазил с нами по полу, сопел...

Но не умел он долго обижаться. В тот же день мы уже бегали вместе во дворе, и Андрюшка рыл с нами в снегу окопы, строил крепости, как ни в чём ни бывало, выдавал свои потешные номера. Утреннее происшествие он забыл.

Но не забыл я. И сегодня, как живой, вижу заметённый снегами Андрюшкин домик, слышу его судорожные всхлипы...

Эх, Андрюшка! Ты-то давно всех простил! А я себя – нет.

* * *

Это была последняя зима, которую мы провели вместе, весной усадьбу начали расселять. Многие переехали в невиданно роскошные по тем временам квартиры-«хрущёвки» с центральным отоплением и горячей водой, другие – в благоустроенные «деревяшки». А через пару лет усадьбу снесли и на её месте построили железобетонное здание Облсовпрофа. Наш сарайно-лопуховый мир исчез. Навсегда.

Дунул ветер, разлетелись по свету семена одуванчика. «Коротышки» разъехались по разным адресам, по новым отдельным квартирам, и у каждого началась новая отдельная жизнь. Много было потом городов, даже стран. Но ни в чьей жизни не повторился больше тот «Цветочный-Солнечный город», в котором мы так счастливо жили.

2022

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жена, ходившая в управляющую компанию разбираться с платёжками, принесла новость: старый родительский дом Валерия Петровича, относившийся к ветхому муниципальному жилью, теперь, оказывается, можно приватизировать.

– Вышел какой-то новый закон – ветхое тоже разрешили, – взволнованно рассказывала жена. – Мне так и сказали: «Если хотите – подавайте заявление в районную администрацию, готовьте документы».

Это было важное известие. Родители давно умерли, дом обветшал и был в тягость – и сделать ничего нельзя, и бросить жалко. Валерий Петрович из него не выписывался, чтобы не потерять, а сами они жили в двухкомнатной «хрущёвке», числившейся на жене. Этот дом, точнее, половину старого деревянного двухквартирника на окраине города они при случае втихую сдавали, чтобы хоть как-то оправдывать коммунальные. Но желающих квартировать в таком жильё находилось немного, а использовать его самим, хотя бы в качестве летней дачи, было не с руки – и огородик маленький, и окружающий пейзаж городской... И вдруг такой шанс!

Решение созрело быстро: приватизировать и продать, ведь думали об этом давно. Конечно, дорого не получится, но, если прибавить их «хрущёвку» в центре, то на всё вместе можно попробовать наскрести на приличное жильё в новостройке.

– Может, хоть под старость лет поживём, как люди, – с надеждой в голосе говорила жена.

Это действительно был шанс, быть может, единственный. Вот только что они спокойно жили в своей скромной панельной, с проходными комнатами, «хрущёвке», уже не надеялись и не строили планов на смену жильё. И вдруг эта устоявшаяся жизнь полетела в тартарары. Задуманная комбинация была трудной, даже авантюрной, но они решились. Спланировали так. Они переезжают в старый дом, продают «хрущёвку», дозанимают денег и вступают в

долевое строительство на ранней стадии, чтобы подешевле. Купленную в черновой отделке квартиру доделывают своими руками, по самому экономному варианту. Потом продают старый дом и рассчитываются с долгами.

Главный риск состоял в том, что они не знали, где и сколько придётся занимать. Решили – там будет видно. А кроме того, прежде чем переезжать в старый дом, надо было привести его в жилой вид.

* * *

Как все заброшенные дома, он стоял безмолвный и безучастный, словно погружённый в обморочный сон, и пустые, кое-где закрытые изнутри пожелтевшими газетами окна слепо глядели на мир. Валерий Петрович толкнул подавшую знакомый голос калитку, вошёл в маленький, отгороженный штакетником дворик перед покосившимся крыльцом. У крыльца разрослась старая рябина, на ступеньки стеной напирала крапива и лопухи, видно было, что давно уже никто на них не ступал.

Что-то дрогнуло в душе Валерия Петровича, когда, отомкнув входную дверь, он вошёл в полутёмные сени, почувствовал с детства знакомый застоялый запах пыли и старого дерева, нисколько не изменившийся за все эти годы. Старый дом, как скряга, хранил свои запахи и звуки... Валерий Петрович прошёл по почти пустым, с остатками старой мебели, комнаткам, где с потолков, как сталактиты, свисали чёрные нити пыльной паутины и с басовитым гудением билась об оконное стекло одинокая муха. Прикинул, какой нужен ремонт, чтобы можно было прожить до новой квартиры, а потом продать. «Всё обдирать, штукатурить, клеить новые обои, белить потолки, – думал он. – Оконные рамы совсем сгнили... Работы до хрена».

Он присел на колченогую табуретку, невольно прислушался к тишине заброшенного дома. Она была такой глубокой, что отчётливо слышались гудение мухи в соседней комнате, негромкое потрескивание старой половицы, какие-то непонятные шорохи. Казалось, дом хотел что-то сказать. И Валерий Петрович подумал, что в последние годы, в спешке забегая сюда проверить квартирантов или забрать платёжки за коммунальные, почти не замечал сам дом – дом, где родился и вырос. Он был заботой, обузой. И вот всё изменилось, обуза превращалась в ликвидность, на которую уже можно было строить планы.

Вдруг из тишины пришёл новый звук, кто-то топтался на крыльце. Скрипнула входная дверь, на пороге, осторожно щупая дорогу палочкой, появилась Мария Андреевна – старушка-соседка из второй половины дома.

– А я гляжу в окошко... вроде кто прошёл в калитку... думаю, пойду посмотрю... гляжу – дверь открыта... – медленно и одышливо, обращаясь куда-то в пространство, проговорила она, словно сама с собой, подслеповато взгляделась в Валерия Петровича. – Знать-то ты, Валера?.. Здравствуй...

– Здравствуйте, тётя Маруся, – поднявшись навстречу, громко, чтобы полуглухая старушка услышала, поздоровался Валерий Петрович. – Это я, я хожу... всё в порядке...

– А, ну ладно, раз ты... а я думаю... кто там ходит... – тётя Маруся так же медленно и невозмутимо, как пароход на реке, развернулась и, продолжая щупать впереди себя палочкой, пошла назад. – Тогда ладно...

Немного опешивший, Валерий Петрович хотел было остановить соседку, спросить о здоровье, о делах, но, вспомнив, как трудно с ней разговаривать из-за глухоты, передумал. Тёте Марусе было уже за восемьдесят, и она так давно жила в этом доме, что, кажется, стала его неотъемлемой частью, как крыша или фундамент.

Стихли шаги соседки, снова сомкнулась тишина, но опять, разбив её, донёлся из большого мира новый, неожиданно радостно отозвавшийся в сердце Валерия Петровича звук. Да, здесь по-прежнему, как в детстве, гудели поезда.

Валерий Петрович любил гудки поездов. Рядом с домом проходила железная дорога, и весь район назывался Железнодорожный, в народе – «Железка». «Железка» здесь чувствовалась во всём: в воздухе с привкусом креозота, в плавающих по тихим улочкам голосах бессонных поездов, в названиях улочек – Вокзальная, Деповская, Паровозная... В районе жили в основном железнодорожники, и, хоть родители Валерия Петровича работали не на железной дороге, но вырос он здесь, на улице Вокзальной.

От прозвучавшего гудка словно осыпался груз прожитых лет, обожгло детством, юностью. В гудке локомотива звучала надежда. От поездов, уходящих в дальние края, всегда веет надеждой... Валерий Петрович вспомнил, как в юности, слушая эти гудки, был уверен, что там, куда идут поезда, – большая, красивая жизнь. Он не сомневался, что однажды тоже сядет в поезд и уедет в своё большое будущее. Но это будущее, ставшее теперь уже прошлым, оказалось совсем не таким, о каком мечтал. И вот сейчас в свои пятьдесят он всё ещё пытается вскочить на подножку. Удастся ли?

«Ладно, попробуем, – слушая, как раскатился над «Железкой» новый гудок, сказал он себе. – Вдруг получится?»

* * *

Всё ещё не веря, что получится, они начали собирать документы на приватизацию. Инстанций было много, и на каждом этапе Валерия Петровича не отпускал страх: вдруг какой-нибудь из этих чиновников найдёт что-то запретное! Ведь он уже пытался приватизировать дом... Но, как ни странно, всё двигалось, многочисленные шестерёнки огромной бюрократической машины проворачивались, куда надо, и она исправно выдавала недоступные раньше справки и разрешения. Собрав весь пакет, они подали документы в районную администрацию, а сами начали ремонт дома.

Странное, доселе незнакомое чувство появилось у Валерия Петровича в эти погожие дни ранней осени, когда, взяв у себя на заводе отпуск, утрами он приезжал на трамвае на «Железку» и входил в старый дом. Казалось, он возвращается в прошлое. Только переступал порог, начинал переодеваться в рабочую одежду – из угла, из стены, из двери тихо, как призраки, выплывали видения. Вот мать стоит в кухне у плиты, улыбаётся, вытирает руки полотенцем... Отец с сосредоточенным лицом что-то делает в кладовке на верстачке, зовёт его: «Иди-ка помоги, поддержи вот тут...». В комнате за столом сидят гости, слышен громкий говор, смех... Это были добрые, ненавязчивые призраки. Валерий Петрович встряхивал головой, и они исчезали, а он шёл работать, с удивлением отмечая, что становится сентиментальным.

Работы действительно было много, вскоре они стали приезжать уже вдвоём с женой, которая тоже пошла в отпуск. За последние годы дом сильно обветшал: прохудилась давно не чищенная, заваленная палой листвой соседнего тополя крыша, в комнатах обваливалась штукатурка, отставали обои, в старые, в лохмотьях развевающейся паутины оконные рамы сквозило, и было страшно уходить с ними в зиму. Дом походил на больного, неухоженного старика, который со всем смирился, живёт ожиданием конца. И всю эту долгую тёплую осень они, как могли, его оздоравливали.

Валерий Петрович залез на поржавевшую крышу, сбросил вниз палую листву прошедших осеней, положил, где надо, заплаты. Потом заменил подгнившую плиту крылечка, оно весело подало голос, упруго забумскало под ногами людей. А потом уже в комнатах они обдирали и штукатурили, шпаклевали и белили, клеили новые обои... Домик словно просыпался от своего обморочного забытья, недоуменно прислушиваясь к стуку и скрёбу – что это с ним делают?

Они работали, пока руки и ноги не наливались тяжестью, а в горле не начинало першить от едкой пыли, поднимавшейся от старинной, пороховой сухости, штукатурки. Тогда они бросали шпатели и выползали на воздух, в маленький огородик за домом, где в солнечной тишине стояла задумчивая, словно замороженная, осень с высоким небом и летающей паутиной. Они садились на тёплую от нежаркого сентябрьского солнца лавочку, отдыхали, глядели на заброшенный, в щетине подсыхающего бурьяна, огородик, на уходящие дальше вниз по склону такие же огороды и крыши домов, на поблёскивающие невдалеке рельсы железной дороги. Перед ними в золотистой дымке бабьего лета дремала «Железка», доносились певучие гудки поездов. Валерий Петрович вспоминал, как в детстве в такие вот погожие сентябрьские дни он копал с родителями картошку, а мимо так же шли, покрикивали поезда, звали в золотые дали, и от их гудков сладко ныло внутри. И вот, уже наполовину седой, он снова в этих золотых днях, в доме своего детства.

– Ой, что мы тут делаем, зачем ввязались? – устало привалившись головой к его плечу, говорила жена. – А если не срастётся? А приватизируем – за сколько сможем продать?

Что мог ответить Валерий Петрович? Раз уж ввязались – чего теперь рассуждать. Да и что им? Под старость лет они сами себе хозяева: дочь вышла замуж и уехала с мужем в другой город, всем обеспечена, внуков пока нет. Сиди, любуйся осенью, строй жизнь для себя... И всё же, когда невдалеке с гулом и грохотом проходил очередной поезд, и под ногами тяжело вздрагивала земля, он чувствовал, как эта дрожь беспокойно отдаётся в сердце. Думал про себя: «Да уж, ввязались так ввязались...».

* * *

Но, на удивление, всё срослось, бюрократическая машина провернулась и выдала свидетельство о собственности. Валерий Петрович держал в руках выделенный документ и не верил, что в нём написано его имя.

А погожая осень продолжалась. Над старым домом уже шуршал золотой листопад, новые листья старого тополя ложились на отремонтированную крышу. Вечерами, когда они с женой заканчивали работу и спешили домой, Валерий

Петрович, стоя на крыльце и замыкая дверь, слышал в темноте их таинственный шорох. Надо было бежать на трамвай, а он вдруг поймал себя на том, что хочет сесть на крыльцо, прислониться уставшей спиной к стене и, как в детстве, слушать эту тёплую, с шуршанием листопада и гудками поездов, темноту.

Они закончили черновой ремонт, выгребли из комнат большую грязь и решили, что в доме уже можно иногда ночевать, экономить время на езде. В первый же вечер, когда они остались, Валерий Петрович долго сидел на своём крыльчке. Светились, бросали в темноту квадраты света окна родного дома. Валерий Петрович вспоминал, как в детстве в такие погожие вечера любил играть во дворе. Как затаивался в этой чернильной осенней тьме под рябиной, слушал шелест листопада, ждал, когда откроется входная дверь, на крыльцо упадёт полоса света, и раздастся голос матери: «Валера-а!.. Домой! Ужинать!».

А ночью, проснувшись, он не сразу понял, где находится. Лежал и слушал скрипы и вздохи старого дома. Дом вдруг весь ожил, заговорил. Видения, которые несмело появлялись и быстро прятались днём, теперь вставали со всех сторон. В темноте всплывали лица, голоса отца, матери, давно забытых прежних знакомых... Словно та прошлая жизнь на самом деле не прошла, а спряталась в этих старых стенах и теперь хлынула из них, наполнила ночной дом.

Долго не мог заснуть Валерий Петрович. Жена ровно дышала рядом, а он всё беседовал с прошлым, слушал долетавшие в форточку гудки поездов...

После этой ночи он с удивлением понял, что действительно стареет.

А ещё, как отголосок прошлого, приходила к ним иногда соседка Мария Андреевна. Выйдя на свою половину огорода, она замечала их, отдыхавших на лавочке, долго, подслеповато щурясь, вглядывалась, потом осторожно шла, щупая землю палочкой, обходя поникшие стебли вянущего чертополоха. Присаживалась рядом, но ненадолго. Ей приходилось почти кричать, и она старалась не быть со своей глухотой в тягость.

* * *

В агентстве недвижимости, где они выставили на продажу «хрущёвку», девушка-менеджер предупредила, что продать за приличную цену будет не просто. Как повезёт. Они немного приуныли, но не прошло двух недель, как явился покупатель, которому позарез оказалось нужно жильё в их районе. И сказал: «Беру!».

Валерий Петрович не мог надивиться – удача за удачей! Пришлось делать всё сразу: заканчивать ремонт старого дома, бегать собирать документы на продажу «хрущёвки», а вечерами укладывать вещи к переезду. Поезд счастья набирал ход.

– Всё, мосты взорваны, – сказал жене Валерий Петрович, когда подписали договор купли-продажи. – Пункт второй выполнен. Теперь только вперёд.

– Ой... да... – тяжело вздохнула жена. – Как в омут с головой...

Через несколько дней они переехали в старый дом. Когда, погрузив вещи, зашли проститься в опустевшие, сразу ставшие чужими комнаты «хрущёвки», в одночасье осознали – это уже не их квартира. Теперь они повисли между небом и землёй.

Так снова, словно отмотав четверть века назад, Валерий Петрович посе-

лился в родном доме на Вокзальной. Подремонтированный, окрепший, всем своим видом он говорил: «Ну вот, дождался!». Они расстелили в комнатах старенькие домотканые дорожки, повесили прежние, покойной матери, занавески, и всё стало, как много лет назад. А в уже подрисованные морозцем окна вставили вторые рамы, между рамами, как в детстве, Валерий Петрович положил вату и красные листья дворовой рябины. В отгородившемся от снегов и морозов домике сразу стало по-зимнему тихо, уютно, Валерий Петрович, точно возвращаясь в детство, радостно слушал эту родную, забытую тишину. Временами ему казалось, что он попал в другую реальность, где замерло время, смешалось прошлое и настоящее, а будущее не торопится наступать. Стало так спокойно и хорошо, как не было уже давно...

Но расслабляться было некогда, будущее предстояло торопить самим. Теперь надо было срочно искать новую квартиру, цены на жильё росли чуть не каждый месяц. Валерий Петрович с женой объездили с десятков новостроек, наконец нашли вариант. Кирпичную семиэтажку с лифтом в центре города, в которой уже шли внутренние работы, обещали сдать весной. Им понравилась квартира на седьмом этаже, окнами в парк.

Валерий Петрович сразу почувствовал – это их конечная станция. Даже от недостроенного, от дома веяло чем-то несокрушимо благополучным: аккуратно выложенные стены, которые не пропустят в это безоблачное благополучие бури внешнего мира, просторные подъезды с широкими лестницами, огромные в сравнении с «хрущёвскими» лестничные площадки. Ещё больше поражала размерами квартира, особенно громадная кухня. А за широкими раздвижными окнами большущей лоджии белели заснеженные деревья парка. Для Валерия Петровича с женой эта «двушка» шестьдесят три квадратных метра была безумной роскошью. Они ходили по пустым гулким комнатам и смятенно думали: «Неужели всё это будет наше?..».

Но не хватало около двухсот тысяч, не считая дальнейшей отделки. Валерий Петрович пытался оформить беспроцентную ссуду через свой заводской профсоюз, но не получилось. Осторожно поспрашивали знакомых – никто не мог занять такую сумму. А счастье висело на волоске, каждый день его могли перекупить другие... Отчаявшись, Валерий Петрович совсем было собрался идти в ипотечную кабалу, но судьба снова, в который уже раз, улыбнулась. Деньги заняла старенькая бережливая тётушка жены, годами складывавшая на книжку свою ветеранскую пенсию.

Сумеречным декабрьским днём они подписали договор долевого участия и, когда вышли из офиса строительной компании, Валерию Петровичу показалось, что в сером небе, с которого летели колючие снежинки, стоит и светит, и греет, как летом, большое золотое солнце... Мечта стала реальностью – из кирпича, железа и бетона. И не исчезнет уже никуда.

Эта новая квартира окнами в парк действительно шла к ним, как солнце нового дня. Она должна была стать оправданием всей жизни Валерия Петровича, поквитаться за всё, что он не смог и не успел.

Не в силах дожидаться сдачи, они ездили смотреть, как идут работы. Поднимались в квартиру, долго ходили по стылым комнатам с заляпанными раствором полами и холодными, в блёстках инея, батареями, обсуждали, какие

лучше сделать потолки, какую плитку положить в ванной... У себя на заводе, где все всё уже знали, отвечая на расспросы любопытствующих, Валерий Петрович нарочито скромно, сдерживая внутреннее торжество, говорил: «Так, «двушка», шестьдесят три квадрата. Тянут со сдачей...». И чувствовал – многие завидуют.

Уже пахло весной, и настоящее солнце светило всё ярче. Морозными утрами Валерий Петрович просыпался от озорного туканья в стену. Он помнил эти звуки с детства: в предвесенние дни на рассвете в стену дома начинали долбить синички. Валерий Петрович лежал в постели и представлял, как там, в холодно-звонком пробуждающемся мире по позолоченным восходом брёвнам прыгают живые, как ртуть, синички, ищут зазимовавших в щелях жучков-паучков, попискивают от радости, что дожили до весны. И поспешно вставал, собирался на работу, чтобы поскорее выйти из дома в это одетое морозно-золотой дымкой, пахнущее новой жизнью утро. Шёл по залитым яростным светом улочкам «Железки», смотрел, как поднимается над ними молодое солнце, и ему казалось – он тоже молодой, и всё в жизни впереди.

* * *

К сроку, в марте, сдать дом, конечно, не успели, долгожданные ключи получили только в мае. Осталось самое трудное – достроить квартиру, в которой не было ни полов, ни потолков, ни сантехники.

В безденежные девяностые, когда половину завода Валерия Петровича отправляли в вынужденные отпуска, он, дипломированный инженер-технолог, ходил по калымам с бригадой отделочников, кое-чему научился. И всё же вытянуть всё самим им было не под силу. На самое тяжёлое – заливку стяжки, монтаж сантехники, отделку окон – пришлось нанять двух узбеков-мигрантов, остальное взяла на себя. «Сделаем, что сможем, а потом как будет – так и переедем», – решил Валерий Петрович.

Дом быстро наполнялся такими же, как они, радостно-озабоченными новосёлами, шумно, с козлами и бетономешалками вваливавшимися вольнонаёмными бригадами, стуком молотков, воем перфораторов. И вот нежилая пустота их «черновушки», начала наконец превращаться в квартиру. На пол легла ровная стяжка, тёмный закуток с торчащим с потолка куском электропровода стал ослепительно белой ванной, неоштукатуренные оконные проёмы оделись сэндвич-панелями. Им не верилось, что это их квартира.

Рассчитавшись с узбеками и снова взяв отпуска, дальше работали сами. Валерий Петрович, когда-то отделявавший чужое жильё, теперь испытывал непередаваемые чувства, отделявая своё. Выворачивался наизнанку. Помучившись, оштукатурил-вытянул потолок в спальне. Долго бился, но положил плитку на кухне. Залил стяжку на лоджии. А когда укладывал в зале ламинат, расшиб всю правую ладонь, которой, одев толстую перчатку, бил по плитам, вгоняя их в замок друг с другом, чтоб не было щели даже с волосок...

Жена помогала, как могла: шпаклевала стены, клеила потолочную плитку, обои.

Лифт не включали, поэтому рулоны линолеума, ящики с плиткой и всё остальное на седьмой этаж таскали на себе. Глотали пыль сухих смесей, уро-

довали руки разъедающими растворами, притерпелись и уже не обращали внимания на ноющую боль в руках, ногах, спине. Приезжали рано утром, уезжали поздно вечером, когда сил оставалось только на то, чтобы поужинать, доползти до дивана и уснуть мёртвым сном.

* * *

Пролетело сумасшедшее лето. Новая квартира обретала отчётливые очертания, эпопея близилась к завершению. Горячка начала спадать, Валерий Петрович, словно очнувшись, снова увидел землю, небо, облака, осознал, что в мире наступила осень... Перекуривая у открытого окна на лоджии, глядя на уже тронутые желтизной деревья парка, он вдруг почувствовал, что смертельно устал. И хочет отдохнуть. Оставалось сделать последний рывок, и уже пора было выставлять на продажу старый дом.

«Продавать старый дом...» – Валерий Петрович запнулся об эту мысль. Вдруг отчётливо увидел и ветхую крышу под золотым листопадом, и рябиновые листья в окошках, и заросший бурьяном огородик, мимо которого идут поезда. Даже вздрогнул – так внезапно всё надвинулось. Всё это время он жил одним: доделать квартиру любой ценой, остальное потом, как-нибудь. И вот это «потом» наступило. И рядом с новой квартирой встал старенький домик с покосившимся крыльцом. Валерий Петрович пытался гнать его прочь, но он являлся снова и снова...

Была глубокая осень, холодный, солнечный день, когда они закончили работу. Прикрутив последний плинтус, Валерий Петрович устало разогнул спину, сел прямо на пол и долго глядел на блистающую натяжным потолком, ламинированным паркетом, узорчатыми виниловыми обоями залу. Косые лучи падавшего в окна предвечернего солнца наполняли её золотым светом, тускло отблёскивали на новом полу.

Подошла, села рядом жена. Они смотрели на свою горящую золотом новую квартиру и молчали.

– Господи, неужели мы это сделали? – наконец тихо проговорила жена.

– Похоже, что так, – Валерий Петрович сидел, не шевелясь.

– Значит, чудеса бывают... – голос жены дрогнул.

Им казалось, они куда-то долго бежали, падали, поднимались и, наконец, остановились в этой сказочной, полной осеннего солнца комнате... Валерий Петрович устало закрыл глаза, и перед ним снова встал старый дом.

* * *

Старый дом выставили на продажу, готовая квартира ждала в центре города, но прежней радости в душе Валерия Петровича уже не было. Он наконец осознал то, в чём давно боялся себе признаться: он не хочет продавать дом. Тот самый, который мечтал продать столько лет.

Вечерами, сидя на крыльчке, слушая гудки поездов и шорох листопада, он перебирал свою жизнь, приходил к выводу, что жил неправильно. Всё куда-то бежал, за чем-то гнался, пытался заработать какую-то копейку. На бегу воспитывал дочь, на бегу на полчаса заскакивал сюда на Вокзальную к отцу с матерью. Отметиться.

Вспомнилось, как однажды между делами заехал проведать больного отца, которому, уже было ясно, оставалось недолго. Сидел у его постели, чувствовал, как обессилевший от долгой болезни, всё понимавший, отец тянется к нему, хочет побыть, поговорить с ним подольше, но уже плохо справляется с путающимися мыслями. И он сидел и не знал, что делать, что сказать старику, а в подсознании истерично билась мысль, что надо ещё успеть заехать в сберкассу, заплатить коммунальные...

Вспомнилось, как уже после смерти отца как-то забежал к матери, которая тоже серьёзно недомогала. Она накормила его обедом, а потом, никогда ни о чём не просившая, вдруг попросила: «Посиди со мной, Валера, всё одна да одна». Но он, как всегда, куда-то торопился. Он ушёл, сказав, что завтра-послезавтра заедет обязательно. Не заехал. Через месяц мать умерла...

И вот он добежал наконец до своей чудесной квартиры, остановился, быть может, впервые за все эти годы. Огляделся вокруг. И почувствовал, что воспоминания жгут.

Впервые в жизни он подумал, что, пока гонялся за Синей Птицей, здесь, в старом доме, его ждали. Ждали отец, мать, сам дом, ведь дома тоже чувствуют... Ждали, потому что любили его. А он отвечал на эту любовь: «Забегу завтра...».

«Господи, почему всегда так поздно, так непоправимо поздно это осознаёшь? – в смятении думал Валерий Петрович. – И что теперь делать?»

Ночами он подолгу лежал без сна, слушал старый дом, разговаривал с выходящими из стен воспоминаниями. Дом стал для него одушевлённым существом, которое радуется, надеется, страдает. И его, «блудного сына», не хочет отпускать.

Валерий Петрович чувствовал себя предателем.

Он долго держал всё в себе, наконец не вытерпел, завёл разговор с женой.

– Это... насчёт дома, – Валерий Петрович отвёл глаза в сторону, словно признаваясь в чём-то постыдном. – Родной всё-таки, да и подремонтировали его... Может, не продавать, как-нибудь выкрутимся? Попросим у тётки отсрочку, будем выплачивать из зарплаты?

Жена долго молчала. Наконец тихо ответила:

– Валера, ты понимаешь, что говоришь? – у неё даже сел голос. – Из-за этого дома весь сыр-бор развели... Какая отсрочка – она на операцию ложится платную, денег ждёт... Из зарплаты сто лет будем выплачивать...

Валерий Петрович тяжело смотрел в окно на облетевшую рябину.

– Тогда возьму долгосрочный кредит... Завтра пойду в банк, проконсультируюсь...

– А ты знаешь, какой сейчас процент?

Жена с жалостью, как на ребёнка, глядела на него. Подошла, помолчала. Поправила ему растрепавшуюся прядь волос.

– Я всё понимаю... Но нет другого выхода... Поздно. Сам говорил: «Назад пути нет».

Валерий Петрович стоял понуро, как побитая собака. Да, поздно, было слишком поздно. Ничего уже не вернуть. В глубине души он и сам это понимал.

И никуда не пошёл.

* * *

Покупатель и в этот раз нашёлся быстро – не успела лечь новая зима. Валерий Петрович уже проклинал это везенье... Всё это время они продолжали жить на «Железке», чтоб удобнее было показывать дом приходившим от агентства, поэтому продавать и переезжать пришлось почти одновременно и ещё более сумбурно, чем в прошлом году.

Расхристанный, с раскрытой дверью, из которой таскали вещи и мебель, с затоптанным, в размолотой снеговой каше крылечком, домик словно растерянно спрашивал: «Как же так?.. Значит, всё-таки уезжаешь?..». Валерий Петрович, чтоб быстрее отмучиться и не видеть этих опустевших комнат, тоже торопливо таскал вещи, помогал грузчикам из компании-перевозчика.

Когда наконец всё погрузили в грузовик-будку, они с женой зашли в дом попрощаться, молча присели на ящик посреди пустой комнаты с гуляющими по затоптанному полу сквозняками. Валерий Петрович сидел, отрешённо глядя перед собой и не в силах представить, что этот истёртый ногами порожек, эту кладовочку уже считают своими чужие люди... Резко поднялся:

– Всё, пошли!

Почти бегом убежал он из родного дома.

Повалил густой снег. Уже из кабины грузовика, оглянувшись, Валерий Петрович вдруг заметил, что у соседней калитки маячит тёмная фигурка. Мария Андреевна, с которой в спешке даже забыли проститься, стояла, подслеповато щурилась на отъезжающий грузовик. Когда он развернулся и выехал на дорогу, Валерий Петрович увидел, что она уже медленно, щупая впереди себя палочкой, идёт к своему крылечку. Старый дом, одинокую фигурку заметала, растворяла в себе смешавшая небо и землю белая метель.

* * *

Только через год Валерий Петрович решился съездить на «Железку», посмотреть на свой бывший дом. Часто думал о нём, видел во сне. Но увидеть наяву боялся.

За этот год произошло то, что должно было произойти: они обжились в новой квартире, и она перестала быть чудом, стала такой же привычной, какой была «хрущёвка». А вот старый дом никак не забывался. Всё это время Валерий Петрович жил с чувством, будто постыдно убежал, бросил в беде друга, и, как преступника, его тянуло на место преступления. Он не знал, что было после того, как они оставили дом в том сумасшедшем снегопаде, не знал, живут в нём те новые люди или, может, уже продали. Не знал ничего. Дом так и стоял в памяти – брошенный, расхристанный, тонущий в буйной метели...

С сильно бьющимся сердцем Валерий Петрович шёл по знакомым улицам. Вот сейчас, за поворотом... Вон за теми тополями... Валерий Петрович старался идти спокойно, но ноги несли всё быстрее... Вот он! Родной и чужой, знакомый и незнакомый. Вместо старой калитки – новые широкие воротца, во дворике – «жигулёнок». В остальном всё, как прежде, даже покосившийся скворечник на коньке, нетронутый, торчит над заснеженной крышей.

Валерий Петрович остановился, слушая стук разбежавшегося сердца и бо-

ясь подойти ближе. Стоял, смотрел. Уже красили мир голубым ранние зимние сумерки, в домике засветилось окошко. Его, Валерия Петровича, бывшее окошко.

Долго смотрел Валерий Петрович... Протяжно прокатились в морозном воздухе гудки поездов – один, потом другой. Поезда уходили в большую счастливую жизнь. Ту, до которой он так и не доехал.

2022

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Они сидели на старой железной крыше с высокими, из потемневшего от времени кирпича, вентиляционными выходами и говорили о Великой французской революции и Робеспьере. Рядом горела верхушка поднимавшегося над домом золотого тополя, нападавшие на крышу листья узкой дорожкой желтели вдоль кровельного стока. Тополь отгораживал их от мира, за золотой листвой глухо шумел город, а оттуда, где они сидели, были видны лишь несколько соседних крыш да голубое небо над головой, в котором плыло белое облако.

– Между прочим, раньше туз был младшей картой в колоде, а после французской революции стал старшей, выше короля, – развалившись на ещё тёплом, пригретом нежарким осенним солнцем железе, поплёскивая прищуренными глазами, говорил Макар. – Прикольнo, да, Андрюха? Так они кошмарили своих королей.

Андрей, привалившись спиной к вентиляционному выходу, с улыбкой слушал Макара. Знал, что он любитель исторической литературы.

– Где это вычитал? – спросил он.

– Где – в книгах.

– А-а... – Андрей лениво протянул руку, взял упавший рядом жёлтый лист, повертел в пальцах. – Революционные книги читаешь, пора тебя в ссылку...

На первом этаже этого старого трёхэтажного дома из бывшей двухкомнатной квартиры они делали магазин, а тёплыми полднями через чердак вылазили на крышу, поближе к небу и подальше от земной суеты. Перекуривали, разговаривали об истории, о хитростях монтажа подвесных потолков и новой водке «Ностальгия». Им нравилось убежать сюда, где не было никого, кроме облаков, изредка мелькавшей в слуховом окне худой серой кошки да верхушки золотого тополя, где никто, а главное, хозяин-заказчик не мог их достать. Нравилось, сидя на припорошённой палыми листьями крыше и отдыхая от тяжёлой работы, слушать, как шумит город, вдыхать горьковатый осенний воздух. Тут было больше богов и героев древности, чем дня сегодняшнего. И всё же приходилось в него возвращаться.

– Ладно, пошли, – Макар стрельнул окурком, с хрустом потянулся. – А то прибудет начальство, а нас нет. Оно сегодня собиралось шпаклёвку привезти.

* * *

С Макаром Андрея свела безработица: оба искали заработок, случайно познакомились, сошлись и вот уже несколько лет выживали-работали вместе. Их маленькая бригада из двух человек стала одной из тысяч в том диком строительном цунами, которое захлестнуло страну после развала Советского Союза. Макар, в прошлом строитель и недоучившийся инженер, был главным, Андрей, филолог и бывший редактор заводской многотиражки, – просто рабочая сила.

За эти годы Андрей научился не только штукатурить, бетонировать и шпаклевать. Он узнал другую, открытую всем ветрам жизнь, где обо всём договаривались только на словах, вкалывали без выходных и без гарантий получения денег, а во время простоев пили водку. И где он стал делить людей на своих и врагов.

Поначалу он подсмеивался над Макаром, для которого все заказчики и вообще бизнесмены были «пырями».

– Да ты большевик, это ж классовая теория, – подначивал он приятеля. – Я-то, конечно, прослойка, а вам, работягам, они – исконные враги.

– Смейся-смейся, – играя прищуренными глазами, отвечал Макар. – Ещё насмотришься. Я с ними уже работал...

И слова эти сбылись, в бригаде отделочников-нелегалов Андрей испытал чувства, каких никогда не испытывал раньше. В прежней жизни все были равны, и вдруг он, обладатель университетского диплома, стал бесправным люмпеном, подвергавшимся той самой эксплуатации, с которой, как его учили, было покончено ещё в девятьсот семнадцатом году. И другой человек, с которым вчера они мирно жили в едином социалистическом обществе, сегодня нанимал его за деньги и больше не был ему «другом, товарищем и братом». Они вдруг оказались по разные стороны невидимой черты, которую кто-то провёл в их ещё недавно общей жизни.

Насмотрелся и нахлебался. Они месяцами ждали расчёта после окончания работы. Их «нагревали» с деньгами, недоплачивая за это и за то. Проверяли уровнем каждую положенную плитку и каждую смонтированную панель... Выручал Макар, специалист опытный, знавший себе цену и умевший разговаривать с заказчиком. Крутые бизнесмены, суровые и недоступные поначалу, вдруг начинали поглядывать на него с интересом, прислушиваться к рекомендациям, а вскоре уже обращались к нему не иначе как «Петрович»... Но с некоторыми тяжело было контактировать даже ему. Они не хотели ничего понимать кроме того, что, раз они платят деньги, то они всегда правы.

Таким оказался и их нынешний заказчик, хозяин будущего магазина Валера. Они прозвали его «классовый враг».

* * *

Не успели они спуститься в магазин, как Андрей увидел в окно Валерину «тойоту», въезжающую во дворик позади дома. Она въезжала всегда как-то вызывающе, и весь серенький дворик с покосившимся детским грибок и ржавыми железными гаражами, казалось, настораживался. А молодая мамочка с коляской у подъезда, неприязненно глянув на вставшую рядом иномарку,

недовольно перекатывала коляску на другое место. Старый дом и старый двор «тойоту» не любили, она приносила им беспокойство.

Зайдя в магазин, Валера молча сунул Андрею пакет-«майку» с баллончиком монтажной пены и банкой краски и сразу уставился на дальнюю стену, которую шпаклевал Макар. Подошёл, ковырнул ногтем штукатурку. Он никогда не здоровался, начинал сразу с производственных вопросов, будто продолжая прерванный разговор.

– Ложится нормально? Грунтовали? – отрывисто, словно отдавая команды, спросил он, рыская глазами по стене.

– Грунтовали, – Макар не прерывал работу. – Грунтовку ещё вези – штукатурка сухая, тянет.

Валера не ответил. Он встал за спиной продолжавших шпаклевать Макара и Андрея и надолго замолчал. Приехав, он всегда вставал вот так и молча смотрел, «сканировал» обстановку: сколько в его отсутствие положили плитки или залили стяжки, насколько убыва стопка мешков с цементом, много ли осталось листов гипсокартона... Казалось, было слышно, как в голове его бешено щёлкали цифры, что-то отнималось, прибавлялось, множилось. Он ни о чём не спрашивал, на лице было написано: «Какой смысл спрашивать? Мухлюете и воруете, правду всё равно не скажете. Правду мне глаза скажут».

Его маленькие выпученные серые глазки на красном лице ничего не пропускали. В них стояло какого-то загнанное бешенство, со стороны могло показаться, что у человека нестерпимо болит зуб. Он напоминал Андрею раздражённую, готовую броситься крысу: заскакивал в магазин, вечно куда-то спеша, дотошно всё осматривал и проверял, бегал с уровнем от стены к стене, считал пустые мешки и коробки из-под использованных материалов... Когда наконец уезжал, они облегчённо вздыхали, устраивали перекур, чтобы привести в равновесие нервную систему, и Макар, сплюнув, говорил: «Вот, Андрюха, что значит частная собственность, как скрутила человека. Аж рожу ему перекосило!».

...В этот раз Валера закончил осмотр быстро, повернулся к Макару:

– Пошли, шпаклёвку заберёте.

Андрей с Макаром вышли во двор, Валера открыл багажник «тойоты», из которого они вытащили и унесли в магазин два мешка сухой шпаклёвочной смеси.

– Это для торгового зала на все сопли доделки, два мешка вам хватит, – подчеркнутая значимость сказанного, Валера выпучил глаза на Макара.

– Два – в обрез, – Макар говорил неторопливо, даже лениво. – Не хватит – довезёшь.

– Я сказал – должно хватить, это ваши проблемы, – Валерины глаза ещё больше вылезли из орбит.

– Мама миа! Это будут твои проблемы, Валера! – лицо Макара дёрнулось, но он снова заговорил подчеркнуто ровно. – У тебя через полгода всё отвалится, не у меня. Тогда не жалуйся.

– Я сказал – тут за глаза! Всё, вперёд!..

Валера выкатился из магазина, хлопнула дверца машины. «Тойота» растаяла, как дурной сон.

– Достал, упырина! – Макар бросил шпатель, присел боком на козла. – Во-

руем мы его шпаклёвку, таскаем домой в карманах!.. Говоришь ведь, как лучше, для его же пользы – как будто себе выпрашиваешь!.. Пошли перекурим, не могу работать.

И они опять полезли на крышу, с которой спустились пятнадцать минут назад. Курили, смотрели, как над головой плывут облака, как весело трепещут на солнце листья золотого тополя, и в этих листьях и облаках медленно таял, растворился ненавистный Валерин образ.

* * *

Андрей с Макаром давно привыкли к обману, мелочности, сумасбродным требованиям, но когда при этом в них видели ещё и воров, становилось вовсе пакостно. Был момент, когда после очередного тяжёлого разговора с Валерой они совсем уже собирались плюнуть, уйти. Но это означало потерять заработанные деньги, потому что Валера выдал скупой аванс, а сделанного было уже намного больше. А семьи надо было кормить... Скрепя сердце они решили дотерпеть.

Перекуривая на крыше, частенько гадали, кто этот Валера и откуда.

– На меня он через Эдика вышел, помнишь, год назад ему гараж делали? – рассказывал Макар. – Эдик нас порекомендовал, Валера этот мне позвонил – надо сделать магазин. Магазин так магазин, и весь разговор... Чем занимается – хрен его знает, может, ещё какой павильон держит. Но стройку знает, видно. Наверное, или прораб бывший, или мастер. Где-нибудь хапнул удачно, в бизнес подался. Вражина!

– Вот по себе всех и судит, – заключал Андрей. – Повезло нам нынче.

И не им одним. Старый дом, который стоял на земле, может, уже лет сто, никогда не знал, что такое магазины. И вот теперь копошились в нём какие-то люди, выл перфоратор, подъезжали машины, из которых выгружали мешки с цементом... Жильцы косились, ворчали на шум и беспокойство, а старушка из квартиры над будущим магазином уже несколько раз спускалась к Андрею и Макару, просила вести себя потише, потому что у неё давление. Но что они могли поделать?

Покой старого дома закончился, Андрею самому было жаль. Чем-то нравились ему старые стены в потрескавшейся штукатурке, тихий дворик, где возле облетающей яблони по-домашнему висела бельевая верёвка... Всё это – устоявшееся, доброе, беззащитное – уходило. Наступали новые времена.

* * *

Терпеть оставалось уже недолго, но завершение работы – этап самый хлопотный. В отведённые Валерой лимиты шпаклёвки для торгового зала они с горем пополам уложились, а вот гипсокартона, которым забирали стены в подсобке, не хватило. Совсем немного. Когда сказали Валере, глаза у него сразу полезли из орбит. Он кинулся к стоявшим в углу обрезкам:

– А это что?.. Вот гипс...

Схватил обрезок, бросился к стене, приложил к незакрытому месту – мало! Схватил другой, третий... Переглянувшись за его спиной с Андреем, Макар усмехнулся:

– Говорю – не хватит, всяко примеряли.

Продолжая метаться у стены, прикладывая обрезки и так, и эдак, Валера не отвечал, только сопел. Красная физиономия его пылала. Обрезков не хватало, хоть тресни!

Он остановился, уставился на стену и впал в свой обычный ступор: в голове щёлкали цифры, в глазах стояло крысиное бешенство. Надо было покупать ещё целый лист, думать, куда пристроить излишки!

Андрей с Макаром уже с трудом сдерживали ухмылки, отводили глаза в сторону, когда наконец он уехал, совсем расстроенный.

– Откуда эти валеры взялись? – спрашивал Макар у неба и золотого тополя, когда они поднялись на крышу отвести душу. – Только что вместе коммунизм строили, ругали капиталистов, и вон сколько капиталистов оказалось! Как черти из табакерки...

– Да-а... – вздыхал Андрей. – Он ведь где-то с нами ровесник, не больше сорока. Могли учиться в соседних школах... Мама дорогая, как всё перевернулось!

Но окончательно врагами их сделал инцидент, случившийся незадолго до завершения работы: у них пропал перфоратор. Обыскали всё – нету. Как раз накануне в магазине проводили воду в подсобку сантехники. Уходили обиженные, потому что Валера, по обыкновению, поспешил при расчёте.

– Они и прихватили, больше некому, – определил Макар. – Компенсировали материальные и моральные издержки. Ищи-свищи их теперь.

Перфоратор был Валерин. Сказали ему, как есть.

– Сантехники... а я не знаю, сантехники или кто, – вылупил глаза Валера. – Давал вам – с вас и вычту...

После этого видеть его спокойно уже не могли, радовались, что работы оставалось всего на несколько дней.

* * *

Но всё когда-то кончается – долгожданный день, в который они должны были получить расчёт, распрощаться с Валерой и забыть его, как кошмарный сон, наконец наступил. Они предвкушали, как отдадут ему ключи, хлопнут на прощанье новой, собственными руками поставленной дверью, стряхнут с души тяжесть.

Это был хороший, погожий день. Валера обещал подъехать к десяти, и без пяти десять они уже стояли у уличного входа в магазин, курили, смотрели, как поредевшее золото их друга-тополя весело трепещет в холодной и чистой голубизне неба. Не терпелось. Сейчас они получают деньги – и на свободу!

Но всё пошло не так.

«Тойота» подъехала неожиданно, словно выросла из-под земли, и они увидели, что Валера не один. За стеклом на заднем сиденье маячило детское лицо: бледное, мертвенно-неподвижное, с полуоткрытым ртом и выпученными глазами. Глаза были один в один Валерины, смотрели с недетской тяжестью, не мигая. Пацан, которому можно было дать лет семь-восемь, полулежал на руках сидевшей рядом хорошо одетой женщины, голова была безжизненно откинута.

Они немного опешили. Пока Валера отстёгивал ремень и что-то забирал из бардачка, Андрей переглянулся с Макаром:

– Ребёнок его, что ли? Инвалид?

– Похоже на то, – тихой скороговоркой ответил тот.

Валера открыл дверцу, долетел обрывок его фразы: «...тогда не успеем в поликлинику...». Он вылез на тротуар, мельком, затравленно, глянул на них:

– Чё стоите тут? Пошли в магазин...

Они сразу отметили, что Валера не такой, как обычно. Он торопился, выглядел совсем загнанным. В магазине молча, сопя, выдал деньги:

– Считайте!

Всё оказалось правильно, как договаривались. Было даже странно.

Наступил момент хлопнуть дверью. Но Андрей чувствовал, что сжатая в нём, перекалившаяся от напряжения пружина, которая должна была взорваться, – ослабла. Даже Макар, казалось, был в лёгкой растерянности, молчал и как-то сник. Они переглянулись, пошли к выходу. И вдруг услышали:

– Это, мужики... сейчас тороплюсь... разговор есть...

Они удивлённо остановились. Валера застёгивал сумочку, в которой принёс деньги, смотрел не на них, а куда-то в сторону.

– Мне гараж надо поштукатурить... Про вас подумал... Чё кого-то ещё искать...

Это был другой Валера. В выпученных глазах было уже не бешенство, а просто загнанность, даже что-то обиженное. И просительное. И он впервые обратился к ним по-человечески – «мужики».

Они ошеломлённо смотрели на него, не знали, что сказать. «Мы же тебя обворовываем...» – вертелось на языке... Андрей вдруг с удивлением почувствовал, что ненависть исчезла, и ему жалко Валеру с его красной физиономией, затравленными глазами и безжизненно лежащим в «тойоте» сыном-инвалидом. Он бросил вопросительный взгляд на Макара, Макар – на него. Они поняли, что думают одинаково.

* * *

Они шли по улице и смущённо молчали. Они были свободны, но свобода оказалась не такой, как они думали. В ней осталось то, от чего хотели освободиться, – Валера, и они всё ещё не могли до конца это осознать.

Вдруг Макар остановился.

– А пойдём, Андрюха, на нашу крышу, курнём на посошок, попрощаемся. Зайдём через подъезд. Валера всё равно уехал...

Через десять минут они сидели на своей излюбленной крыше.

– Одного не пойму: чего он в нас-то вцепился? – говорил Андрей. – Не нашёл, что ли, кто гараж оштукатурит?

– Бог его знает, – Макар задумчиво выпускал дым. – Может, не нашёл. Может, надо срочно... Чёрт с ним, сделаем ему гараж, работы на три дня. Язык не повернулся отказать... Богатые тоже плачут. Кино.

– Где же твоя классовая непримиримость, товарищ марксист? – подначил Андрей.

Макар искоса глянул на него, усмехнулся.

– Там же, где и твоя. Что это у него с пацаном, как считаешь?

– Не знаю, наверное, церебральный паралич. Даже голову не держит.

Макар долго смотрел на уже явственно видный сквозь ветки полуоблетевшего тополя, бодро шумевший утренний город. Наконец вздохнул:

– Да, хреновые мы с тобой марксисты, Андрюха.

Помолчал и добавил:

– Мягкотелые...

2023

ПРАЗДНИКИ ПО СУББОТАМ

К тётё Свете ходили в выходные, по субботам – на рабочей неделе было некогда.

...Когда Юрий и Лена подошли к серенькой панельной «хрущёвке», тётя Света уже стояла на своём маленьком незастеклённом балконе, издали улыбалась и, одной рукой опираясь на костыль, другой махала им:

– Привет, привет, мои дорогие!

Они тоже махнули в ответ, поднялись в однокомнатную тётю-Светину квартиру на третьем этаже.

Сначала в крохотной кухоньке они выгрузили сумки с купленными по дороге продуктами и лекарствами. Маленькая, седенькая тётя Света стояла рядом на костылях, радостно приветствовала каждый свёрток:

– О-о-о, творожок – хорошо, давно хочу творожников! Леночка, положи, пожалуйста, сразу в холодильник!.. Сыр – замечательно!.. А сливы какие спелые!.. Спасибо, мои дорогие! Ну, будем сегодня пировать!

Потом Юрий и Лена убирались – мыли пол, пылесосили старенький ковёр. Во время уборки тётё Свете тоже не сиделось на месте. Она то и дело вставала со своего ветхого продавленного кресла, постукивая костылями, ходила, смотрела, как они моют и чистят, улыбаясь, приговаривала:

– Ой, мои хорошие!.. Мои хорошие!..

А потом они сели обедать или, по выражению тётю Светы, «пировать». Все кушанья у неё всегда были необыкновенные. Они открыли банку необыкновенно белой, волокнисто-тонко нашинкованной маринованной капусты, налили очень вкусный, приготовленный по какому-то удивительному рецепту суп, в чайничке с отколотой ручкой заварили страшно полезный, с чудодейственными травками, чай. В довершение ко всему тётя Света достала из кухонного шкафчика давно расчатую бутылку сухого вина и многозначительно заявила:

– А ну, давайте пьянствовать!

И они «запьянствовали»: тётя Света выпила маленькую рюмочку, Юрий с Леной – по рюмке большой. Никогда в жизни не пившая больше двух фужеров вина, тётя Света считала такие застолья настоящей гулянкой и, если в это время звонил кто-нибудь из её подруг, по-детски хвасталась:

– А у меня Юра с Леной, мы тут шикарно вино пьём!..

В эти минуты в маленькой кухоньке, за окном которой покачивала ветками развесистая берёза, вдруг становилось хорошо, несмотря на то, что вино было дешёвым, а удивительным супом тётя Света называла обычный свекольник с концентратами. Все тревоги мира уходили куда-то за эту законную берёзу – бело-голубую заиндеветшую зимой, зелёную летом и золотую осенью.

Так они «пировали»: тётя Света восхищалась каждым кушаньем, Юрий с Леной поддакивали.

После обеда перешли в комнату. Тётя Света, положив рядом костыли, села в своё кресло, Юрий с Леной – поблизости, на диван. Весело болтали о погоде, о нескончаемом сериале «Санта Барбара», о популярном эстрадном шлягере... Тётя Света сияла от удовольствия.

Потом наступил момент, который наступал почти всегда – тётя Света попросила поставить какую-нибудь пластинку. Юрий отворил дверцу объёмистой тумбочки, где хранилось тётя-Светино богатство – старые, накопленные за много лет пластинки, и на него пахнуло с детства знакомым застояло-галантерейным запахом, про который он, ещё совсем маленький, говорил: «Пахит музыкой». Пластинок было много – от старинных, толстых, в ломких от ветхости бумажных пакетах и с фирменным знаком «Апрелевский завод грампластинок» до современных гибких дисков. Перебирая их, Юрий вспоминал их истории. Вот эту, «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», тётя Света привезла из командировки, из Ленинграда, в конце шестидесятых... Этот диск Вивальди купила в центральном универмаге и за каких-то пару месяцев вместе с ним, Юрием, заиграла до хрипоты... Чайковский мешался здесь с Валерием Леонтьевым, Шопен – с Мирей Матье. По этим пластинкам можно было изучать историю тётя-Светиной жизни, да и его, Юрия, жизни тоже.

Он поставил увертюру к опере Россини «Севильский цирюльник», и светлую комнатку, смешиваясь с лившимся в окно солнцем, наполнила музыка. У тётя Светы так было всегда – много солнца и много музыки... Она наслаждалась: мечтательно улыбалась, покачивала в такт головой, плавно поводила в воздухе рукой, то и дело восклицая: «Ах, какое красивое место! Послушайте, послушайте, ну правда же?..».

Они засиделись до вечера. Когда подошло время прощаться, тётя Света заметно погрузилась, под конец совсем притихла. Только глаза печально улыбались. Юрию было тяжело в них глядеть.

– Ну посиди-ите ещё маленько! – с виноватой улыбкой, почти как ребёнок, уже по инерции уговаривала тётя Света, когда они начали собираться.

Но им действительно было пора, она сама всё понимала.

– Ну, бегите, бегите, – вздохнула она, стоя в прихожей, пока они одевались.
– Спасибо, мои дорогие.

Юрий не мог долго выдержать, когда она вот так с виноватой улыбкой, тяжело повиснув на костылях, провожала их в прихожей. Они торопливо попрощались и ушли, почти убежали – в большой мир, где ждали дела, работа, где весело трезвонили трамваи и по тротуарам бодро катились потоки людей. А тётя Света осталась одна в пустой квартире ждать их прихода в следующую субботу. Чтобы всё повторилось опять.

* * *

Юрий был ещё дошколёнком, когда тётя Света заменила ему рано ушедшую мать. Заменила, несмотря на все свои причуды, на то, что любовь к музыке всегда отрывала её от дел земных. Как могла. Юрка рос в семье отца, но твёрдо знал, что, если забежит к тёте Свете после школы, его и обедом покормят, и уроки помогут сделать, и за двойку не заругают. И что одинокая бездетная тётка любит его от всей души.

Но, главное, у них была общая любовь – музыка. Тётя Света имела музыкальное образование, пела в художественной самодеятельности, в молодости мечтала о карьере профессиональной певицы. Но не сложилось, ей выпала участь быть преподавателем математики в техническом вузе. Унаследовавший фамильную музыкальность, Юрка тоже всё время что-то напевал, насвистывал. Тётю Свету это радовало.

Он прибегал к ней после школы, они доставали из заветной тумбочки недавно купленную пластинку и устраивали прослушивание. И тётя Света поводила в воздухе руками и восклицала: «Ах, божественная музыка! Правда же?». В эти минуты светлая, с потёртым ковром и дешёвенькой «стенкой» тёти-Светина комнатка неуловимо преображалась, точно в неё входило невидимое божество и тихо, с улыбкой, садилось на диван рядом с ними. Это божество было мудрым и озорным, как музыка Россини, как их любимая увертюра к «Севильскому цирюльнику». Маленькому Юрке казалось, что оно входит вместе с падающим в окно солнцем. Явственнее всего оно виделось ему почему-то в золотую пору бабьего лета, когда это уже не жаркое, с сентябрьской грустинкой солнце вместе с кружевной тенью занавески таинственно пошевеливалось на стене. Это было любимое тёти-Светино время: в открытую балконную дверь пробирался, трогал занавеску ветерок, а за занавеской стояла ранняя, тёплая, словно вырезанная резцом сибирская осень, и в эту осень улетала музыка. Юрке казалось, что там, в большом мире, она позолотой ложится на деревья, и они хрустально звенят на весь город, на всю вселенную... Он ничего не говорил тёте Свете про этого божка, но был уверен, что она тоже видит его и молчит, потому что о нём нельзя говорить вслух.

Да, в этот чудный храм, храм музыки, тёте Свете не суждено было войти жрецом, но свои несбывшиеся надежды она переложила на маленького Юрку. Способный племянник должен был добиться того, что не удалось ей, или хотя бы получить музыкальное образование. Она то уговаривала Юркиного отца, своего зятя, отдать сына в музыкальную школу по классу фортепиано, то устраивала его к какому-то преподавателю-надомнику, обучавшему классической гитаре... Однако в музыкальной школе ветреный Юрка не выдержал и двух месяцев, а по части гитары у него хватило терпения выучить лишь «три блатных аккорда». Но любить музыку он не перестал, по-прежнему бегал к тёте Свете слушать пластинки, и по-прежнему, полузакрыв улыбающиеся глаза, к ним тихо подсаживался их весёлый музыкальный божок.

В конце концов тётя Света смирилась, что племянник, у которого была масса интересов помимо музыки, идёт своим, а не намеченным ею путём. Долго огорчаться она не умела, решила, что всё, что ни делается – к лучшему. Не ста-

нет Юрка музыкантом – станет каким-нибудь инженером, обязательно знаменитым, построит, как Эйфель, какую-нибудь прекрасную башню...

Прекрасную – потому что всё и всегда у тёти Светы было прекрасным. Когда Юрка дарил ей 8 марта три невзрачных гвоздички, они были «прелесть»: тётя Света всплещивала руками, бежала ставила их в самую красивую вазу. И новые дешёвенькие обои, когда она делала ремонт квартиры, тоже были «прелесть». А тёти-Светины друзья и знакомые все без исключения были очень достойные, прекрасные люди.

Серая действительность наводила на неё смертную тоску, она убегала от неё то в музыку, то в романы Жорж Санд. Кипучая, восторженная её натура не могла мириться с обыденным, расцвечивала жизнь яркими красками. Вокруг тёти Светы всегда был праздник, и каждый, кто подходил близко, втягивался в его орбиту.

В него втягивались и подружки-женщины, и мужчины, также у тёти Светы бывавшие. Юрий помнил запах этого праздника, который заставлял в её маленькой «хрущёвке», когда собирались гости, – запах цветов, вина и салата из рыбных консервов. Праздником пахла и большая походная тёти-Светина сумка на колёсиках, когда в конце лета её хозяйка возвращалась из отпуска откуда-нибудь из Сочи или Евпатории, привозила ему, Юрке, чудесные морские ракушки и с восторгом рассказывала про далёкое, прекрасное море.

Даже спустя годы, когда Юрий уже закончил институт, женился и работал инженером на заводе, тётя Света продолжала дарить ему такие безделушки, а он по-прежнему, как в детстве, забегал к ней поболтать и послушать новую пластинку.

Но однажды пришёл чёрный день, праздник кончился. Тёте Свете поставили жестокий диагноз – онкология. Болезнь, как танк, начала ломать, подминать под себя её феерично-музыкальную жизнь. Тесня Россини и Жорж Санд, в неё пришли вещи, о которых тётя Света никогда не задумывалась, даже не подозревала – инвалидность, лучевая терапия, зловеще-тихие коридоры онкодиспансера, где приходилось принимать «химию»... Она долго не могла поверить в эту новую действительность, а когда поверила – не смирилась. Она решила бороться. И победить. Вопреки всему.

И она боролась – с упорством одержимого, с верой в чудесное исцеление, даже с азартом. Она пробовала всевозможные народные рецепты, чудодейственные средства. Ела курагу и грецкие орехи, чтобы быстрее восстанавливаться после «химии», давила и пила овощные соки, нашла бабушку-травницу и лечилась травами...

– Вкусный, правда? И стр-рашно полезный! – говорила она убеждённо, угощая Юрия свежесжатым морковным соком. – И тебе надо пить! Знаешь, сколько там витаминов!

Врачи разводили руками: при своём диагнозе тётя Света держалась прекрасно. И она радовалась, ободрялась надеждой. Но неожиданно болезнь пошла в кости. После перелома ноги, которая уже не могла полноценно срастись, тётя Света встала на костыли, оказалась прикованной к своей тесной квартирке. Не могла сходить даже в магазин. Однако вместо того, чтобы смириться с неизбежным, она ещё больше, вопреки всему, стала верить в чудо.

С тех пор Юрий взял над тёткой полную опеку.

* * *

Тётя Света сидела в своей маленькой тюрьме, а Юрий и его жена Лена были её единственной связью с большим миром. От этого мира у тёти Светы остались лишь развесистая берёза за окном да двор с бугром кооперативного погребка и старыми железными гаражами, которые она видела с балкона. Да в отдалении виднелись верхушки тополей – там был проспект, по которому она ещё не так давно ходила на работу. Оттуда доносились шум машин, звонки трамваев – звуки недоступной теперь для неё большой жизни.

Ещё у тёти Светы остались старенький проигрыватель и тумбочка с пластинками, эпоха которых уже почти ушла. Её главное, скопленное за всю жизнь богатство. Да допотопный громоздкий цветной телевизор «Горизонт» с любимым каналом «Культура».

Но, лишившись мира большого, тётя Света научилась радоваться малому. Целым миром, например, была берёза за окном. Зимними утрами на восходе солнца, готовя на кухне завтрак, тётя Света любовалась, как бело-голубое кружево её заиндеветших ветвей, медленно разгораясь, превращалось в розовое, потом – в пламенно-золотое, и в глубине его, как в сказочном шатре, осыпая алмазные искры, прыгали шустрые синички. Летом голубое кружево сменяла занавесь зелёной листвы, величественно колыхавшаяся под ветром, и вместе с ней по кухоньке колыхалась большая кружевная тень. А в сентябре вся золотая, играющая солнечными бликами, берёза словно светилась внутренним светом, и её ярко-жёлтая вершина торжественно сияла в бездонной небесной синеве. Берёза была всегда рядом, была другом, тётя Света с ней разговаривала. Дерево понимающе кивало ветвями. Одна из них, надломленная ветром, уже много лет висела засохшая, как сломанная рука, и всё никак не могла упасть.

Ещё был маленький открытый балкон, где стояли два сколоченных Юрием ящичка с невзрачными бархатцами, и где тётя Света «гуляла», смотрела на большой мир. В холодную погоду она надевала старую, с пролысынами, цигейковую шубу, повязывала голову пуховой шалью, с трудом переваливаясь костылями через порожек, выходила «на улицу» подышать. Подолгу стояла, глядя на серый двор, на ржавые крыши железных гаражей, по которым бегали кошки. А летом тётя Света садилась с книжкой в вынесенное на балкон ветхое, подстеленное рваной курткой кресло, читала, но больше слушала звуки двора – голоса играющих детей, гудение подъехавшей машины... Эти звуки, говорившие, что кругом идёт жизнь, тоже радовали её.

Но больше всего радовало, когда из этого большого мира приходили гости – забегала проведать подруга или просто приносила пенсию почтальонша. Сидя с книжкой в низком кресле и видя лишь небо, тётя Света чутко прислушивалась к шагам и голосам проходивших внизу по тротуарчику людей. Самыми долгожданнами из них, конечно, были Юрий и Лена.

Перед приходом созванивались, и тётя Света задолго до договорённого времени выходила на балкон, вглядывалась в сторону проспекта с тополями, откуда должны были появиться племянник с женой. Когда они показывались на дорожке, тётя Света начинала махать рукой. А когда они с набитыми авоськами, внося с собой бодрость большого мира, нарочито шумно вваливались в

маленькую прихожую, тётя Света, стоя на костылях и сияя от счастья, встречала их всегда одним и тем же:

– Привет, привет, мои дорогие, мои хорошие!

Для неё, любившей всё превращать в праздник, это был настоящий праздник, и Юрий с Леной старались.

Они делали уборку, потом Юрий чинил какой-нибудь перегоревший утюг, а тётя Света с Леной, весело болтая, готовили обед. А потом они «пировали» в маленькой кухоньке, и берёза за окном кивала им ветками.

Часто засиживались до вечера: слушали старые пластинки, играли в карты, иногда даже пели, и Юрий аккомпанировал на старенькой гитаре – той самой, на которой когда-то учился играть... И чем ближе подходило время расставаться, тем задумчивее становилась тётя-Светина улыбка. Она всячески старалась оттянуть их уход – предлагала ещё сыграть в «дурака», ещё чаю... Но бесконечно пить чай невозможно. У племянника были свои дела, и так он тратил на неё каждый выходной. Тяжело опираясь на костыли, тётя Света выходила вслед за ними в прихожку, грустно глядя, как поспешно они собираются. Прощалась со своим праздником.

– Ладно, в следующий раз посидим-попоём подольше, – говорила она. – Спасибо, мои дорогие.

И оставалась в своём тяжком, беспомощном одиночестве, один на один с жестокой болезнью. И начинала ждать следующей субботы.

– Тётя Света, перебирайся к нам, – как-то, не выдержав, завёл разговор Юрий. – И уход за тобой будет лучше, и нам с Ленкой веселее.

Тётя Света подумала, неопределённо улыбнулась, глядя куда-то в окно.

– Спасибо, мой хороший, не надо. Тут я у себя дома, никого не стесняю. Видишь, какая у меня красивая берёзка! Куда я от неё поеду?

* * *

Подходил конец августа – любимая тётя-Светина пора и день её рождения. Словно подстраиваясь под их расписание, он выпадал на субботу. Если рядовые субботы были просто праздники, то тут близился суперпраздник, тётя Света ждала его с особым нетерпением. В последнее время в каждой дате она видела некий скрытый смысл. Теперь ей казалось, что вот придёт этот день рождения, и произойдёт чудо – разомкнётся заколдованный круг, отступит беда.

Чуть не за месяц она уже беспокоилась, что купить к столу, что они, Юрий и Лена, хотели бы поесть-попить. Она звонила им, в подробностях обсуждала, чем лучше заправить такой-то салат, какую делать селёдку «под шубой» – с мясом или без...

– А какую мы приготовим курицу с яблоками – объеденье! – восклицала она.

Они разговаривали по полчаса, тётя Света извинялась, что отвлекает от дел, стеснялась, волновалась. А когда наконец совещание заканчивалось, Юрий представлял, почти видел, как, положив телефонную трубку, тётя Света ещё некоторое время сидит в своём старом продавленном кресле в ледяном одиночестве квартиры. Потом тянется к костылям, с трудом встаёт, тяжело

подходит к окну и долго смотрит на свою уже краплёную предосенней желтизной берёзу...

Перед самым днём рождения тётя Света позвонила посоветоваться, какая скатерть лучше к праздничному столу: тёмная с золотыми цветами или белая с бахромой, подарок ей на тридцатилетие?

– Белая, – наугад сказал Юрий, который в это время меньше всего думал о скатертях.

– Ага, хорошо, мне она тоже больше нравится, – обрадовалась тётя Света. – Сейчас сразу пойду постираю, постелем свежую.

И снова Юрий, как наяву, видел: тётя Света тяжело ковыляет к «стенке», ищет в выдвигном ящике пахнущую нафталином старомодную скатерть, потом, держась одной рукой за край ванны и неловко согнувшись, другой пытается замочить скатерть в тазу, а оставленный к стене костыль соскальзывает, с грохотом падает на пол... И внутри у него тоже что-то сжималось, отрывалось и падало.

* * *

День рождения тёти Светы пришёл солнечный. Перед этим целую неделю дождило, но когда, проснувшись утром, она взглянула в окно, то увидела сияющее голубое небо, в котором торжественно покачивались ветки её берёзы: «Поздравляем!». Это было подтверждение, что день будет необыкновенным.

Юрий с Леной должны были подойти пораньше, чтобы успеть всё приготовить к обеду, и тётя Света, принаряженная, с утра уже стояла на балконе, ждала, любовалась своим долгожданным днём. Он негромко позванивал трамваями, тонко пахнул ещё влажной после прошедших дождей землёй, в нём разливалась горьковатая августовская свежесть и чуть заметная, как кисея, голубоватая дымка. И всё в этом дне, даже заросший лопухами бугор кооперативного погреба, даже поблёскивающие за кустами крыши железных гаражей – было прекрасно.

Тётя Света вдруг вспомнила, каким этот день был много лет назад, сколько в её маленькой квартирке было шума, гостей, цветов! Ей захотелось, чтобы всё вернулось. Сегодня, сейчас!

Она ждала. И вот из этого дня, из голубой дымки вышли, показались на дорожке Юра с Леной. Юра нёс сумки с продуктами, в руках у Лены пылал букет ярко-красных гладиолусов. «Мои хорошие...» – прошептала тётя Света. Праздник начался.

Они как всегда шумно ввалились в прихожую, сразу заполнив её собой, сумками и огромным, просто королевским букетом. В поднявшейся весёлой неразберихе всё начали делать одновременно: поздравлять, целоваться, разуваться, разворачивать связанный понизу целлофаном и шпагатом тяжёлый букет.

Увидев перед собой это чудо, тётя Света от восторга на мгновение впала в лёгкий ступор. Потом разволновалась: во что и куда поставить?! Стуча костылями, бросилась искать посуду. Вокруг букета поднялась суета: ему подрезали корешки, кое-как нашли подходящую, чтоб не перевернулась, вазу,

наливали воды, добавляли сахар... В спешке сломали веточку декоративной зелени, и тётя Света не на шутку расстроилась. Зато, когда наконец поставили цветы на праздничный стол и они запылали, раскинулись чуть не на полкомнаты, она долго не могла успокоиться, постукивая костылями, ходила вокруг и повторяла: «Какая прелесть!.. Ах, какая прелесть!..». А когда Юрий, выбрав момент, неожиданно преподнёс ей альбом из двух дисков с оперой Россини «Женитьба Фигаро», восторгам, казалось, не будет конца.

В такой же весёлой суете, по тёти-Светиному, готовили праздничный стол. Тётя Света непременно хотела, чтобы всё в этот день было самым лучшим, самым вкусным. Капусту для салата под её руководством строгали тончайшей «соломкой», ломтики батона для бутербродиков надо было обязательно подрумянить в духовке, а шампанское – чуть не до льда остудить в морозилке.

А потом по всей квартире пошёл запах – в духовке запекалась та самая курица с яблоками, которую они столько обсуждали. Тётя Света ходила из кухни в комнату, где накрывали на сиявший белой, с бахромой, скатертью стол, и восторгалась:

– Ну, ребята! Ну, сейчас будем пировать! Ну, это будет объеденье!

– Конечно, мы же эту курицу уже месяц готовим, – пошутил резавший хлеб Юрий...

Минута за минутой, мелочь за мелочью хорошо складывался этот день, становился лучше и лучше. Ещё немного, и уйдёт из жизни беда, вернётся в неё прежний праздник!

– Всё, больше не могу, умру от этого запаха, – заторопилась тётя Света, когда наконец стол накрыли. – Давайте, садимся. Ну, сегодня я напьюсь!

Сидеть на стуле она не могла, поэтому придвинули к столу её продавленное кресло, подложили, чтоб повыше, сложенное в несколько раз одеяло. Отставив костыли, она расположилась на нём, как на маленьком троне, объявила:

– Ну, давайте пировать!

Это был замечательный пир. Юрий с Леной поднимали фужеры за здоровье именинницы, а именинница с чувством, со старомодной торжественностью отвечала: «Спаси-ибо, мои дорогие, вы – моя поддержка, и дай вам Бог того же!». Они любовались на свет своими фужерами, где в золотистом шампанском вскипали и серебрили стенки тысячи маленьких пузырьков. Они ели долгожданную селёдку «под шубой», салат из капусты с помидорами, и все блюда были потрясающе вкусными. А самой вкусной, как и предсказывала тётя Света, была курица с яблоками.

День становился всё светлее, радостнее. У открытой балконной двери тёплый ветерок трогал тюлевую занавеску, на белой скатерти шевелилась кружевная тень, тихо пламенели шатром раскинувшиеся над столом гладиолусы. Всем было хорошо. Все много говорили, смеялись, и больше всех – тётя Света.

Да, он пришёл, настоящий праздник. И не важно, на время или нет, но вышвырнул из жизни все беды и болезни!

* * *

Конечно, такой день не мог обойтись без музыки. Наступил неизбежный момент, тётя Света попросила Юрия поставить их любимую увертюру к опе-

ре «Севильский цирюльник». Светлую комнатку наполнила искрящаяся, как шампанское, торжествующая музыка.

Они слушали пластинки ушедших лет, пластинки, будившие столько воспоминаний, и, как в былые времена, с ними сидел, улыбался их весёлый музыкальный божок. И счастливая тётя Света поводила в воздухе рукой, покачивала в такт головой.

В какой момент это произошло, Юрий не понял. Слушая музыку, он глядел в окно, потом повернулся к тёте Свете, хотел что-то сказать, но слова застыли на губах. Тётя Света плакала. Мучительно пыталась улыбнуться сквозь слёзы, исхудавшее тело вздрагивало, руки беспомощно тянулись к прислонённым к стене костылям...

Успокаивали её недолго, она быстро овладела собой.

– Всё испортила, – улыбнулась она покрасневшими глазами. – Простите, мои хорошие... Не обращайтесь внимания... Давайте, давайте к столу...

Юрий с Леной ни о чём не спрашивали. По-прежнему падало сквозь занавеску солнце, долетал с улицы отдалённый перезвон трамваев, но того, что поначалу так хорошо складывалось в этом дне, натягивалось струной и пело всё выше, уже не было. Струна лопнула, праздник кончился. И ничего в тёти-Светиной жизни не изменилось.

Они снова сели за стол, пытались делать вид, что ничего не случилось, но получалось плохо.

Они просидели у тёти Светы допоздна, чтобы подольше не оставлять её одну. Предлагали вызвать такси и поехать ночевать к ним, но она отказалась.

– Спасибо, мои дорогие. Ничего, всё хорошо... Не беспокойтесь, езжайте...

Когда шли к трамвайной остановке, она стояла на балконе, махала им рукой.

* * *

В следующую субботу тётя Света встретила их, как всегда, радостная и воодушевлённая. Они снова «пировали» в маленькой кухоньке, снова кивала им ветками тронутая желтизной берёза за окном. Только Юрий с Леной были молчаливее, чем обычно.

...А через несколько месяцев тёти Светы не стало.

* * *

Пролетели годы, в бывшей тёти-Светиной квартире давно живут чужие люди. Но каждый раз, когда Юрию случается проходить мимо её бывшего дома, у него щемит в груди. Всё кажется: на знакомом балконе стоит, машет рукой знакомая фигурка. И долетают слова:

– Привет, привет, мои дорогие...

2022

Ефим ГАММЕР

КОГДА НАШ ВЕК ПОЗВОЛИТ ОГЛЯНУТЬСЯ

* * *

И всё-то, всё-то – ничего.
Зима, снежинки.
Речушка, крытая ледком,
как бы в простынке.
Изба, разбойное крыльцо –
ногам подсечка.
Заиндевелое винцо,
шальная печка.
И всё-то, всё-то – в полусверк
ушедшей ночи.
Летит сквозь жизнь, летит сквозь век,
ворчит, пророчит:
«Вот речка вскроется. Пойдёт
в скелетном гуде.
И лишь того не кинет в пот,
кто жив не будет».
И всё-то, всё-то – трын-трава.
Больной – в порядке.
Играет с веком жизнь-вдова,
играет в прятки.

* * *

Когда наш век позволит оглянуться,
лицо мелькнёт, улыбка, взгляд
и полное варенья блюдце,
которое возникнет невпопад.
К чему оно? Что за намёк – варенье?
Какая истина во мне настоroje?
И почему вдруг птичьё песнопенье?
И боли в сердце, и тоска в душе?

ОСКОЛОК АКРОПОЛЯ

1

Маленький камень –
осколок афинского Акрополя,
округлый, как летающая тарелка,
лежит у меня на ладони.
И отсвечивает слоновой костью и позолотой –
скульптурной плотью Афины,
увезённой в Константинополь,
на погибель свою, при пожаре.
Греческий гид, напуганный судьбой
древней статуи,
предупреждает нас на плохом иврите:
«Аль тиках!» – Не бери!
Ни камушка, ни пылинки
от мраморного величия стен и колонн.
Ничего не всовывай в карман или рюкзак.
На выходе – проверка,
и при обнаружении – всяческие неприятности.

Мой осколок Акрополя,
округлый, как летающая тарелка,
прилип к ладони.
И, предвосхищая близкое расставание,
засветился, словно телеэкран,
желая что-то поведать.
– Видишь ли? – слышалось мне.
– Вижу.
– Что?

2

– Слепые ведут слепых
путями слепой надежды.
Им светит слепая звезда,
своим ослеплённая светом.
Но, сколько в пути не плутай,
окажешься в небе нездешнем –
наедине с душой своей,
дыханием Божьим согретой.
Живые ведут живых
по детству – любовью и лаской.

Потом, через годы взросления, –
напутствием и соучастьем.
Но вдруг обрывается жизнь
на самом разгоне в прекрасный,
в такой предсказуемый мир,
чарующий вечностью счастья.
О Господи! Предвосхити
летопись жизни и смерти.
О Господи! Пощади!
Избавь нас от этого знания.
Часы живых, прошу,
с часами мёртвых сверьте.
И вслушайтесь, и вслушайтесь
в их слитное звучанье.

* * *

В любви дорог забытых нет.
Оглянешься – там бездорожье.
И тихо шепчешь: «Пожил, пожил»,
неся в душе вчерашний свет.
В любви дорог забытых нет.
Но повстречаться можно снова
с влекущим отголоском слова –
«люблю» – и выдохнуть в ответ:
«В любви дорог обратных нет».

* * *

Рыдал беззвучно листопад
в руках шального ветра.
И осень пятилась назад –
в парное бабье лето.
Садовник хмуро листья жёг.
И, корчась, листья тлели.
И истлевали в порошок,
мечтая об апреле.

Георгий ТОРОЩИН

ЕСЛИ ЧЕСТНО, ВСЁ В ПОРЯДКЕ

Я ПРОДОЛЖАЮ

В тревожных снах
 во времена ненастья
Приходят те,
 кто не дожил свой срок.
Простите...
 Я не мог принять участия.
Бог видит...
 И ничем помочь не мог.

Мы не вольны.
 Мы все под высшей властью...
Я к вам приду
 одной из тех дорог.
Пока – живу,
 ловлю свои «ненастья»,
И продолжаю
 ВАШЕЙ ЖИЗНИ срок!

БОСИКОМ

Весна к нам пришла после стужи,
В окошко смотрю, там – детство
Смеётся, бежит по лужам
В школу, что по соседству.

У всех – рюкзачки из дома,
Учебники да тетрадки.
Рубашки, школьные формы,
У каждого – по смартфону,
Естественно, всё в порядке...

И вспомнил я... Тоже – дома,
В посёлке – два патефона...
Вот это вам не знакомо,
Но было вполне резонно...

Всё было. Весна после Ёлки.
И ручейки после снега.
И дождичек, будто иголки.
Нам было смешно от бега.

Ещё были лес и речка,
Родная, Томи не хуже!
И лето тянулось вечно,
И мы – босиком по лужам!

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ

Моя сегодняшняя тень
Идёт, шатаясь виновато.
И ноги – ватные... Когда-то
Несли меня через плетень.
И был тогда весёлым день.
Мы были резвые солдаты,
Бежали, прыгали куда-то,
И брать забор было не лень...

Я говорю с тобою, Тень:
– Ты не сердись.
Ну что ты, что ты!
Такая нынче дребедень,
Я твой усталый
Древний пень,
И у меня не те заботы.

Иду, мечтаю о весне,
О тёплом, но не жарком лете,
Чтоб тени бегали, как дети.
Не говори мне о войне.

СИБИРСКИМ РЕКАМ

Во время ледохода
Ты подойди к реке
И поклонись природе,
Естественной среде.

Она – по всей России,
От горных круч, везде,
В периоды стихии
Ты волю дай воде.

Она встаёт из плена,
Из-под холодных льдов,
И новым поколениям
И корм, и путь готов.

Тебя она поила
Ключами в летний зной.
И под покровом ила
Спасала мир речной.

Смотрю и чуть не плачу.
Я нынче, как мой дед,
На речке не батрачил,
Не знал бурлацких бед.

Я в ней нырял и плавал,
И так, и в обласке.
Свою рыбалку славил.
Бывал «на волоске».

По вам ходили струги.
Теперь вот – корабли,
Заслуженные слуги
Со всех концов Земли!

Разливы нам знакомы...
Чтобы не быть беде,
По древнему закону
Я кланяюсь воде!

ПЛИСТОЧКИ*

По горизонту – линия.
– Смотри, скорей смотри,
Там речка льдины скинула,
Бросаем буквари.

* Плисточка – плоский камешек, галечка.

И мы бежим до пристани,
Где горки в январе,
Пускаем в речку плсточки
По утренней заре.

Вроде играем. Нам ещё
До речки мало дел.
Летят по глади плсточки.
– Считайте, сколько «съел».

Беги, река, неистово,
Не ошибись смотри.
В десятках перелистывай
Нам годы – раз, два, три.

ПРЕЛЕСТЬ РАССТАВАНИЯ

Замедляются недели.
Черепухой, еде-еле
Поползли, не полетели.
Надо ждать.

Расставанья и разлуки
Существуют не для скуки.
Я развязываю руки,
Так сказать.

У неё профилакторий.
Две недели – Солнце, Море,
Ну а мне, конечно, горе.
Буду ждать.

Если честно, всё в порядке,
Я, как «сотик» в подзарядке.
Обрабатываю грядки.
Благодать!

Только здесь я – будто в клетке.
Из-за яблоневого ветки
Подмигну своей соседке,
Вот и рад.

Ну а вдруг жена вернётся.
Ожидание сорвётся.
Жаркой встречей обернётся,
Если ждать.

ВЕСТНИКИ

Вскрылась река. Сразу похолодало.
Засеребрилась сосулькой капель.
И всё тепло, что неделю держалось,
Сдвинуло март на звенящий апрель.
И потянуло привычным морозом.
Вот-вот и снег понесёт во дворы.
Будет ли лето, висит под вопросом...
Нет. Этот снег только так, для игры.

Снег к нам придёт на Девятое Мая,
В первые признаки нашей весны.
Будет последним. Его принимаем
В память ушедшей жестокой войны.
Вскрылась река. Улетели синицы.
В рощу опять залетают скворцы.
Радость несут предсказатели-птицы,
Вестники лета и Мира творцы.

Я ГОТОВ!

Я в новую среду
Ворвался в эту среду,
Нам выдали еду,
Я в спецвагоне еду
В суровый край. И рад
Такому обороту –
Не всех и не подряд
Берут у нас в спецроту.

А в роте – каждый друг,
И друга обретает.
И эта связь не вдруг,
А с каждым днём крепчает.

КАРЕТА

Иду. Весна какая!
Мне хорошо, не скрою я.
Мимо меня, мигая,
Летит карета «Скорая».

К кому она, желанная,
На улицах известная,
Приедет долгожданная,
А может, бесполезная?

А я – иду.
Вольготно мне.
Подтягиваю помочи...
Но не хочу однажды, нет,
Уехать
В «Скорой помощи».

Олег Лапшин

ЛЮЛЬКА

I

С Димой я познакомился, когда после окончания университета пришёл работать в научно-исследовательский институт. Дима был мой ровесник и тоже закончил вуз, но только другой, политехнический. Стоял тёплый август, мы начинали новую жизнь и уже готовились не стесняясь разбрасывать направо и налево смелые свежие идеи, на полуслове прерывая седовласых старших научных сотрудников своими едкими замечаниями, но... не тут-то было. Вместо того, чтобы отправить в лабораторию двигать науку, руководство института проводило нас на стройку достраивать один из институтских корпусов.

На стройке нам с Димой поручили заниматься обшивкой нового здания, – и, сидя в рабочей люльке на высоте, специальным пистолетом мы прилежно вбивали похожие на шляпочные грибы гвозди в жёсткую облицовку стены.

Мы сидели в люльке, по очереди вбивали гвозди и разговаривали. Дима явно был не чета мне: хоть и находились мы с ним в одном и том же месте, в подвешенном состоянии, но у него уже созрел вполне конкретный жизненный план насчёт того, как он будет опускаться на твёрдую землю, чтобы прочно встать на ноги. Дима говорил, что записался в молодёжную бригаду от Томского научного центра, осенью на год уйдёт из института и начнёт строить себе малосемейку в нашем Академгородке; тем более, скоро он женится, и беспечную люльку пора освобождать для их будущего ребёнка.

Решение Димы жениться меня не удивило, так как его девушку я уже видел, правда, только издали. Иногда она приходила к нам на стройку, – и Дима с высоты из люльки махал ей рукой, а затем мы спускались на землю. Он шёл к девушке, а я садился на стройматериал и терпеливо его ждал, словно второй пилот своего командира.

На стройке мы проработали месяца два до самой осени, затем наши пути разошлись: Дима ушёл строить себе жильё, а я вернулся в институт. Только иногда, когда я проходил мимо ещё не достроенного третьего институтского корпуса, видел и нашу синюю рабочую люльку, одиноко болтающуюся у стены возле самой земли. Мне очень хотелось к ней подойти и её качнуть, с грустью вспомнив о бесшабашной работе на высоте... Даже не работе, а воздушных боях: ведь очень просто молодому человеку в своих фантазиях высотную люльку представить самолётом, пистолет для вбивания гвоздей пулемётом, а сами гвозди – пулями.

Вскоре уже сама Россия, словно высотная люлька, начала раскачиваться всё больше и больше – и все мы балансировали в ней как могли. И вот однажды, когда, сопротивляясь очередному крену, я спешил в один из находящихся в центре города полуподвалов по каким-то делам, связанным с перепродажей чего-то мехового, случайно встретился там с Димой.

Дима обрадовался нашей встрече, рассказал, что малосемейку построил, живёт в ней с женой, да к тому же открыл контору по продаже мебели. Затем он вдруг предложил мне стать коммерческим директором своей фирмы. «Если надумаешь, позвони вот по этому телефонному номеру», – заключил бывший командир люльки, протянув визитную карточку.

В течение нескольких дней я серьёзно размышлял над предложением Димы. Представлял, как я, одетый в костюм и шляпу, по пыльному складскому коридору прохожу между материальными досками шкафов и тумб, чтобы дать указание рабочим погрузить мебель в автофургон. Даже представил себя сидящим за конторским столом, уже в очках и сединах, просматривающим очередной прейскурант готовой мебельной продукции.

Наверное, такую возможность развития своей судьбы я тогда представил очень явственно и живо. Представил до такой степени реальности, что моя душа, по-видимому, решила, что будто бы она уже выполнила, сыграла в театре жизни роль коммерческого директора небольшой фирмы по продаже мебели, который в моих фантазиях успел прожить целую вечность, даже составить и порядком испортить зрение...

И разве, видя на мебельной фабрике множество шкафов, душа не подумала бы о том, что вот люди тоже, как и эти шкафы, рядом друг с другом стоят с сидящими в них именами, как шляпочные гвозди, в них богом вбитыми. И каждое имя-гвоздь шляпу свою со скрипом приподнимает, а выбраться не может – не хватает силы скрипа, чтобы на него внимание обратили и помогли гвоздю из досок шкафа выпрыгнуть!

Видимо, эту картину с сидящими в шкафах гвоздями я по молодости лет так ярко от делать нечего представил, что отпала надобность заниматься шкафами наяву, и мне не довелось поработать в Диминой коммерческой фирме. Наши с ним пути снова разошлись. Только однажды, идя по городу на автобусную остановку, я случайно видел, как Дима проезжал на легковой машине вместе с женой и собакой. Похоже, он уже прочно встал на ноги, а я всё ещё болтался в подвешенном состоянии, словно так и остался в той рабочей люльке, пытаюсь забивать гвозди в небо, то есть заниматься наукой, и, закатив глаза вверх, старался отколоть от неба частицу, чтобы изучить её химический состав и написать научную статью.

Но очень трудно было отколоть от неба пусть даже совсем небольшой кусочек. Я думал над этой проблемой всё время, и однажды, когда лежал в темноте у себя в общежитской комнате и пытался заснуть, по привычке размышляя о том, как всё же умудриться и взять пункцию у небесного свода, вдруг почувствовал небольшой, но ощутимый удар по плечу.

В этой маленькой комнате, которую я снимал за довольно большие деньги, я жил один, двери заперты. В комнате, кроме меня, никого не было, и этот мягкий удар очень сильно испугал меня, так как его в тех обстоятельствах можно было расценивать не иначе как воздействием потусторонних сил.

В холодном поту и с бьющимся сердцем пружиной я выскочил из кровати, подбежал к стене, включил свет и, тут же найдя материальное объяснение случившемуся, в сердцах выругался.

Оказывается, от суррогата неба, от потолка, отвалился увесистый кусок бе-

лой штукатурки, точно попав в моё плечо. Вместо частицы неба я стал обладателем ничем не примечательного пахнущего известью строительного куска. Приходя от неожиданного потрясения в себя, вскипятив и налив в чашку чай, ночью я пил его и размышлял, полусогнутым гвоздём сидя в шкафу безвестности за квадратным столом.

Восседая на стуле, я вспоминал Диму, завидовал ему и очень на себя злился. Да что же это такое, думалось мне, почему я так мало забочусь о своём будущем? В конце концов, я же не птица небесная, зачем смотрю в небо и не лучше ли к земле оборотиться. Не лучше ли себя в землю зарыть и жизнь свою строить, слившись с делом реальным, хотя бы так же, как Дима, – от земли доски отрывая, крепкие шкафы ставить.

Я завидовал Диме и очень хотел тоже построить дом, обзавестись семьёй и больше не вспоминать о небе. Хотел свой мозг в землю закопать и, решая сугубо материальные проблемы, мыслить её корнями и комьями, да, может быть, ещё случайно попавшимся лежащим в земле кладом, содержащим в себе прорывную идею к финансовому успеху и благополучию.

Но зарыться в землю было выше моих сил, так как мысли о небе, словно птицы, успели свить прочное гнездо в моей голове. Я продолжал ходить на работу в институт, наверное, надеясь на чудо. Надеюсь, что когда-нибудь мне всё-таки удастся взять пункцию у тверди небесной, раскрыть тайну её появления и выяснить, сколько она ещё может над нами провисеть, не растрескаться и не рухнуть под натиском потустороннего звёздного мира с его чёрными дырами, красными и белыми карликами и прочей вселенской нечистью.

II

Прошло ещё года полтора времени, и вот однажды, когда жарким летом перед отпуском я шёл по Академгородку, меня вдруг кто-то окликнул. Я пошёл к позвавшему меня человеку и не сразу его узнал. Но, присмотревшись внимательно, понял – передо мной стоит Дима. Тут же я отметил некоторую перемену в нём. Казалось, сидящий в шкафу его тела гвоздь-душа начал чувствовать себя более свободно и, потеряв прочную связь со шкафом, стал понемногу от плоти досок отходить и даже чуть приподниматься над телом, как это бывает с пьяным человеком, когда тот не в состоянии скоординировать свои действия.

Дима был в джинсовом костюме и джинсовой шапочке (хоть погода стояла солнечная и жаркая) и почему-то походил на присмирившую тихоню, не по погоде одетого маменькиного сыночка.

– Привет, не узнал? – как-то нерадостно спросил он меня.

– Почему не узнал, привет! – ответил я и поправил свои тёмные солнцезащитные очки, напоминающие надетую на глаза чёрную повязку.

Рядом с Димой стояла небольшого роста немолодая женщина, оказавшаяся его мамой.

– Инсульт у меня был, – вдруг сказал Дима. – Ни с того ни с сего потерял сознание, очнулся уже в больнице. Оказался врождённый дефект сосуда головного мозга, год в больнице пролежал. Чего только врачи не делали, весь позвоночник издолбили, пункцию брали: наверное, смотрели – сможет мой

хребет потянуть эту болезнь или сломается. Теперь вот на инвалидности.

– Ничего, ничего, – нарочито громко, словно утешая саму себя, перебивая Диму, говорила его мать. – Сейчас поедешь на свою родину, домой, в Белово, там у нас свой огород – откормим, наберёшься сил. Ничего, всё хорошо будет!

В женщине чувствовался некоторый надрыв, даже растерянность от всего произошедшего с её сыном. Ей казалось – солнечные лучи очень тяжелы и просто бьют сына по голове своим мощным жаром. Хотя на Диме и была надета панамка, его мать очень беспокоилась, невольно представляя себе картину, как сосуды в мозгу сына, словно тонкие, хрупкие трубки, под действием солнечных лучей нагреваются и лопаются, как воздушные шары, держащие люльку-корзину с человеческой жизнью над пучиной тёмного моря смерти.

Мы с Димой поговорили более откровенно в тот момент, когда его мама зашла в магазин за покупками. Он рассказал, что после всего случившегося от него ушла жена и забрала сына. Но мать нашла ему другую девушку. Недавно они с ней поженились – и скоро уже надо будет готовить колыбельную люльку для новой жизни, символизирующую то, что в конечном итоге всё будет хорошо. И поэтому вновь он сможет открыть мебельную фирму, а со временем и автосалон, так как бывшая жена их автомобиль продала в тот момент, когда он лежал после операции, мотаясь между небом и землёй. Он мотался и не знал, где останется его душа – на небе в виденных им там чистых и светлых мирах или вернётся на грешную землю, чтобы вновь попытаться прочно встать на ноги, как Дима уже это сделал однажды, когда из нашей рабочей люльки спрыгнул вниз на твёрдую землю.

Вскоре из магазина вышла мама Димы. Под конец нашей встречи они попросили меня найти ему какую-нибудь лёгкую работу в нашем институте, так как пенсия по инвалидности совсем маленькая. Поэтому хорошо бы к пенсии ещё небольшую зарплату инженера добавить, чтобы образовалось если не мощное большое солнце достойного золотого оклада, то хотя бы его отголосок – луна, позолоченный оклад, в который не стыдно обрамить жизнь своей семьи.

– Помогите, помогите нам, пожалуйста, – вторила в такт своему сыну мама Димы. – Может, подыщите ему что-нибудь податливое, хотя бы на время, пока он окончательно не окрепнет и не сможет смело противостоять солнечным лучам.

Было видно, в молодости она алела красотой. Сейчас же её красота выцвела, словно от солнечных лучей рисунок на ткани поблёкнул и уже никого не радует, но старается во что бы то ни стало спасти своего сына и найти ему новый узор, новую жену взамен утерянной бывшей, сбежавшей от него к человеку с крепкими сосудами головного мозга.

В завершение нашей встречи, когда мы рукопожатием прощались с Димой, женщина продиктовала их домашний телефон и записала мой рабочий, чтобы можно было нам связаться друг с другом, если вдруг мне удастся подыскать для Димы лёгкую работу.

Как и обещал, я переговорил с начальником лаборатории по поводу трудоустройства Димы к нам на работу хотя бы на должность лаборанта или техника с интеллигентной денежной бородкой небольшого оклада. Начальник сказал,

что подумает. Однажды Дима звонил мне, но я ничем не мог Диму обрадовать, сказав, что надо подождать, и если дело сдвинется с мёртвой точки, тут же ему сообщу. Но, видимо, эта точка была действительно мёртвой, и я не смог помочь Диме, поэтому не перезвонил ему и, всецело погрузившись в сансару быта, продолжал жить, даже не вспоминая о нём всё это время. И только иногда солнечные лучи напоминали мне о Диминой голове...

Томские писатели сердечно поздравляют Олега Валентиновича Лапшина с 60-летием и желают ему здоровья и творческих успехов.

Евгений Вязанцев

миниатюры

Сон о Пушкине

Осень. В голом воздухе золотая листва летит сквозь пустую беседку.

Стремительный Пушкин в аллее среди летящей листвы, серьёзный и сосредоточенный, вместе с тем лёгкий, мгновенный, словно блик на волнах, весь трепещущий от пронизывающего его радостного творческого подъёма.

Еле заметный промельк. И вот запела в душе вечная мелодия бродячей скрипки случайного счастья. И жизнь озарена смыслом... Озарённость, быть может, и есть смысл.

И эта радость встречи, словно солнечный луч, озаряет полутёмные закоулки сна, падает на сменяющиеся видения:

Зима. Засыпанные снегом стога.

Важные гуси на заснеженном берегу.

Хмурый крестьянин, закуривающий на морозе.

Берёзки в алмазах.

Затем – синие вечерние сумерки.

Тёплое золото первых огней.

Таинственная теплота хлева...

Родные картины, от которых так сильно сжимается сердце.

А вот я далеко на севере, в Томске, в букинистическом магазине, листаю старинную книгу. Наивная прелесть иллюстраций, посвящённых временам года. Я стараюсь запомнить какой-то эпиграф, быть может, даже из Пушкина, но иного, незнакомого здесь, на земле.

Три строчки.

Но, когда просыпаюсь, вспоминаю лишь одну:

Зима. Заснежен дом и мы.

Подснежник

Знаменосец весны, не стяхнувший ещё с утренних, рассветных серо-голубых глаз зимнюю дрему, смотрящий на мир с отвагой Магеллана, покорителя голубых горизонтов и некоторой робостью бывшего гадкого утёнка, ещё не осознающего себя прекрасным лебедем.

Мелодия Глюка

Горькая, прелестно-хрипловатая и прекрасная, словно тревожная свежесть терпкой, ранящей осени, быстролётно-острая, словно освобождение из острога, трагическая и радостная, словно чувство, с которым порою суждено смотреть на этот острог через много-много лет.

О, аромат умирающего мира! Золотисто-багряной листвы, влажной земли, тоскливой полыни, мокрой коры деревьев, льдистых по утрам ручьёв и пу-

стынных, как воздух, просёлочных дорог, уводящих ввысь, словно оборвавшееся сердце.

О, мелодия, словно нежная и чистая печаль об утраченной и невозвратимой любви, от которой осталось лишь немеркнувшее сияние!

О, мелодия, словно светлое сожаление о несбывшемся счастье, которое даётся лишь раз в жизни!

О, мелодия крыльев, сломанных в зените!

О, мелодия, словно полузабытая улица далёкого-далёкого детства, в лиловом мерцании сумерек и сирени, наполненная неистребимой грустью, которая волнует до сих пор, которая будет волновать всегда, наверное, и после смерти.

Одинокий поезд

Как грустно, должно быть, продымлённому поезду мчаться абсолютно одному сквозь бесконечную ночь мимо случайных, мелькающих иногда, мгновенных станций с хмурыми крохотными перронами и горестными фонарями и затем – пустынными безлунными полями, когда по крыше вагона глухо грохочет равнодушный дождь, до которого никому нет дела и которому безразличны все, когда даже ночное светило сомкнуло усталые глаза и забылось тяжёлым сном под одеялом облака, и вот так всё время мчаться и мчаться, догоняя горизонт, пронзая густеющий мрак неизведанных далее между угрюмых созвездий и томительных туманов, совершенно одному в огромном Мироздании.

Пейзаж после дождя

Озорной ветерок сбрасывает зябкие капли с мокрых деревьев, которые поёживаются от сырости, и зелёные лужи вдоль аллеи таращат удивлённые глаза.

Наша жизнь

Ум и Душа взглянули друг на друга сквозь стекло, словно бывшие влюблённые за окнами встречных поездов, и разъехались, даже не кивнув друг другу.

Когда весенним ранним вечером...

Когда весенним ранним вечером я прогуливаюсь по городу, над которым пролетел светлый мимолётный ливень, отразивший разноцветные огни машин и светофоров в блестящих лужах и чёрных зеркалах асфальта, когда я люблю эту влажную свежую предсумеречной дымкой, пронизанной горьковатым ароматом тополиной аллеи, тогда мне кажется, что даже греки не смогли исчерпать сущность красоты своим катарсисом, что гораздо важнее простая повседневная красота, которую невозможно постичь, которую так же нельзя выпить, как море, которая лишь разжигает пламенную жестокую жажду жизни и нежеланья расставаться с ней, эта колдовская гипнотизирующая красота, заставляющая забывать обо всём, кроме стремления любоваться ею.

Счастье

Внезапно жизнь преображается в цветущий весенний сад, напоённый щемящим ароматом жасмина и роз, и светлых лотосов на голубом солнце глубокого озера неподалёку. Тропинки, словно гравием, усыпаны изумрудами удач. На лужайках весело резвятся исполненные желания. Невообразимо чистое блистанье ярко-голубой дали приветливо зовёт и манит там, в далёкой дымке прохладной аллеи. Растения и цветы становятся всё причудливее, роскошнее, праздничнее, ароматы радостней и свежее.

Дымящаяся роса на лепестках подобна счастливым слезам в прекрасных глазах.

Но ты всё сомневаешься, растерян, Бог знает, чем сбитый с толку, не верящий самому себе, и вот ты замер, задумавшись, перед волшебным садом...

Всего лишь отвори дверь и войди.

Цель человечества

Маленький мальчик с такой серьёзностью и глубокой погружённостью в своё занятие нёс траву сквозь кустарники, а двое других на полянке с таким же старанием подсовывали свежие горсти травы под лежащего пса, устраивая ему мягкую постель, что невольно подумалось: у людей ещё есть будущее. Дети в большинстве случаев движутся по жизни правильным путём и лишь потом, с годами, сбиваются с дороги.

Когда-нибудь, наверно, люди научатся – хочется в это верить – взрослеть, совершенствуясь, и, когда они смогут дотянуть лучшее в себе из детства до самой смерти, цель человечества будет достигнута.

Пессимизм

Врождённый пессимизм порою – самый надёжный иммунитет от жизненных невзгод. Невозможно представить себе Шопенгауэра в припадке неврастении, стремящегося наложить на себя руки.

Пессимист – словно восточный деспот, боящийся отравления и заранее приучивший себя к ядам.

А кроме того – и это следует признать, – расстаться с предметом жгучей ненависти – пресловутой жизнью – ничуть не легче, чем с предметом самой пламенной любви.

В ароматных рощах бескрайнего времени...

В ароматных рощах бескрайнего времени, где даже в золотой, расплавленный полдень сумрак под сводами цветущих ветвей, словно голубые облака, где неуловимо скользят светящиеся сквозные синие тени, там слегка прихрамывающие воспоминания старости встречаются с резвыми мечтами юности, которые так любят беззаботно кувыркатся на звенящей от смеха солнечной лужайке, порою они без умолку болтают, бесконечно бубня одно и то же, порою часами молчат, лишь немymi взглядами изливая друг другу душу до дна, одновременно постигая прошлое, настоящее и будущее, и так они не расста-

ются до самого последнего мгновения, которое сотрёт их навсегда, словно ненужные записи мелом на классной доске...

Легенда

Легенда – облако, отражённое в реке истории. Но оно всё же реальней, чем человек, заблудившийся на берегу безвременья в непроходимом кустарнике пустыков, вдали от зеркальных волн, скользящих мимо и влекущих за собой колеблющуюся явь.

Жребий

Приятно смотреть, когда пятилетний малыш, охваченный счастливым пламенем любознательности, стремится извести весь сахар, имеющийся в доме, на «химические эксперименты».

Какой будет его судьба? Чистый родник детства превращается со временем в неудержимый поток. Будет ли он напоминать некоторые реки в Австралии, изображаемые на карте прерывистыми чёрточками, как пересыхающие во время жары? Или Будущее обернётся для него бесплодной, иссушающей пустыней самоубийственных обстоятельств? Это тоже неудивительно, ведь на месте Сахары в древности бушевали полноводные голубые реки и шумели пышно-зелёные, дышащие душистой прохладой, лесные дебри.

Или, начинаясь маленьким источником, едва заметным серебристым ручейком, способным без затруднений протекать под мостом расставленных пальцев руки, судьба станет затем пульсирующей светящейся лавиной, впадающей в бесконечный океан человеческого познания?

Но этот завидный жребий принадлежит рыцарям разума, как и рыцарям сердца, посвятившим всю свою жизнь поиску абсолютной истины.

Весенние воробьи

Как бодро прыгают маленькие воробышки на сверкающем карнизе, где и в помине нет ни крошки, каким весёлым солнцем переливаются их голоса, звенящие крылатой радостью открытия Мира!

Сердце искусства

В искусстве способны устаревать любые самые головокружительные сюжеты, самые глубочайшие эстетические концепции, самая ослепительная словесная ткань, но всегда останутся интересны те, кто пишут преимущественно о себе, вроде Достоевского или Кьеркегора, ибо они открывают такие неизведанные дебри, полные поразительных приключений и бездонных таинственных смыслов, по сравнению с которыми полнейшей банальностью показались бы и белые пятна на африканских картах XIX и, впоследствии, покрытые космической пылью следы неведомых существ на далёких неизвестных планетах в самых глухих уголках Млечного Пути.

Юрий Козлов

У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЛИТЕРАТУРА

эссе о писателях и литературе

Александр Фадеев: Алтарь и плаха

Великие эпохи жестоки к людям, которые своим трудом, талантом и верой делают их великими. Жизнь великих людей в великие эпохи напоминает полёт Икара к солнцу. Да, можно верить в правильность тех или иных идей, класть на их алтарь (или плаху) собственную голову, но беда этих эпох в том, что они конечны во времени и пространстве. Поэтому финал их фанатов, как правило, трагичен.

Классик советский литературы Александр Фадеев (24 декабря 1901 – 13 мая 1956), автор романов «Разгром» и «Молодая гвардия», долгие годы занимал должность генерального секретаря Союза писателей СССР. Он заседал в комитете по Сталинским премиям, был доверенным лицом и «приводным ремнём» вождя в управлении большим и сложным литературным хозяйством страны.

Усаемая тень с трубкой склонялась не только над расстрельными списками, планами индустриализации и военными картами, но и над страницами книг, пьес и сценариев, репродукциями картин, архитектурными проектами, рисунками памятников и монументов. По свидетельству другого сталинского любимца, поэта Константина Симонова, вождь читал выдвинутые на премии произведения, лично определял, кому какую степень присудить. Из Кремля как будто протягивалась дружественная рука, отмечавшая вклад художника в великое общенародное дело. Эта схема работала. Внутри неё творили Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Константин Паустовский, Александр Твардовский, Василий Гроссман, Илья Эренбург, многие другие вошедшие в историю русской и советской литературы авторы.

Великие эпохи, как справедливо заметил поэт Николай Тихонов, делают из людей «гвозди», крепче которых нет в мире. Фадеев был гвоздём, на котором висело многоплановое и многонациональное полотно советской литературы. Гвоздь гнулся, но держал неподъёмный вес. В индустриализации, коллективизации, невиданных в мире репрессиях Фадеев ощущал заархивированную мощь новой, как многим тогда казалось, в недалёком будущем «земшарной» Республики Советов. Он неистово и с упоением служил ей сначала как идеолог Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), затем уже как начальник всех писателей страны. Сталин дал Фадееву почести, звания, ордена – всё, кроме возможности свободно и полно реализовать свой недюжинный литературный талант. Но, вырываясь из служебно-бюрократических тисков, с боем отвоёвывая недели, в редких случаях месяцы для творчества, Фадеев сумел написать лучший эпический роман о Великой Отечественной войне. «Если история одной цивилизации и один из её величайших моментов должны быть выражены одним только литературным произведением, то в

СССР таким произведением вполне может служить «Молодая гвардия» Александра Фадеева», писала вскоре после выхода французского издания газета «Леттр франсэз».

Фадеев был по-мужски красив, его любили многие известные и выдающиеся женщины. Он казался (и был!) одним из символов эпохи, органично сочетая в себе литературный талант, преданность идее, хватку организатора и веру в вождя. Да, из-под «гвоздя» сочилась кровь. Интернационал, как писал расстрелянный в 1939 году автор «Конармии» Бабель, «кушают с порохом и приправляют лучшей кровью». Но, думается, Фадеев выстрелил себе в сердце на даче в Переделкине не потому, что из лагерей стали возвращаться писатели, которых он не смог защитить, а некоторых, возможно, искренне считал врагами советского строя. Отказавшись «переобуваться в воздухе», Фадеев сам себе вынес расстрельный приговор по законам уходящей жестокой, но великой эпохи. Он ушёл вместе с ней, не поверив в «оттепель» и новых вождей. Наверное, он был не прав. Но он прожил жизнь во время, когда правда, как, впрочем, и неправота подтверждались смертью. Сегодня произведения Александра Фадеева вновь включены в школьные программы по литературе.

Михаил Светлов: Горькая романтика революции

Михаил Светлов превратил романтику революции и Гражданской войны в поэтическую традицию, просуществовавшую до самого конца СССР. Вместе с такими поэтами, как Павел Коган, Джек Алтаузен, Иосиф Уткин, Михаил Кульчицкий он был талантливым и ярким представителем первого постреволюционного поколения советских людей, искренне верившим в высокие идеалы революции. Именно это поколение, пройдя через репрессии и «чистки» тридцатых годов, одержало победу в Великой Отечественной войне и практически всё полегло на полях сражений. Поэты советского варианта «бури и натиска» остались в истории русской литературы, как искренние патриоты социалистического Отечества, апостолы веры в революцию. «Я с детства не любил овал. Я с детства угол рисовал». Строчки Павла Когана можно отнести и к творчеству Михаила Светлова, рисовавшего «угол» поэзии классовой, героической, интернациональной, революционной. Родившийся в 1903 году в небогатой еврейской семье, Светлов (этот псевдоним он взял в 1920 году, вдохновившись примерами Максима Горького и Демьяна Бедного) в шестнадцать лет вступает в комсомол, участвует в Гражданской войне, редактирует газету «Юный пролетарий».

В двадцатых годах яростная классовая борьба в СССР сочеталась с просвещением народа. Социальные лифты работали на полную мощность. Народ рвался к культуре, к образованию. На великих стройках выковывалась новая личность советского человека. Этот человек жил не материальными, а духовными интересами. Поэзия была ему нужна как воздух. Стихи и песни Михаила Светлова стали гимном молодёжи тех лет, вошли, как символы времени, в коллективную память народа, были разобраны на цитаты: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»; «Отряд не заметил потери бойца»; «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо»;

«Каховка, Каховка – родная винтовка, горячая пуля, лети!». Вершиной романтизации Гражданской войны стала написанная Светловым в 1926 году баллада «Гренада», высоко оценённая не только тогдашними любителями поэзии, но и лидерами «белого» и «красного» направлений в русской поэзии – Мариной Цветаевой (из эмиграции) и Владимиром Маяковским.

Молодая советская поэзия, первоначально единая в пафосе революционного преобразования общества и отрицании «старого мира», в конце двадцатых годов вступила в стадию идейного размежевания. Точкой несогласия стало отношение к партийной номенклатуре, предавшей высокие идеалы революции, коллективизации и террору, как способу управления страной. Поэты Борис Корнилов (автор легендарной песни «Нас утро встречает прохладой», Павел Васильев, Алексей Ганин были расстреляны как «русские фашисты». Но и к поэтам, романтизирующим Гражданскую войну и «земшарную республику советов», у власти, взявшей курс на отказ от мировой революции во имя построения социализма в «отдельно взятой стране», полного доверия не было. В их поэзии, как профиль Троцкого в пионерском костре на этикетке спичечного коробка (известное дело об идеологической диверсии) слышалось эхо теории перманентной революции. Но сталинское руководство уже не рассматривало историческую Россию как «вязанку хвороста для мирового пожара». Умирать, «...чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» больше никто не собирался.

Михаил Светлов остро ощущал происходящие изменения. Ему не нравился нэп, пробуждавший в народе буржуазные пережитки. В вышедшем в 1927 году сборнике его стихотворений «Ночные встречи» критики заметили неуместную иронию, отход от «линии партии». «Время не то, и люди не те, //Но ты – остался собой. //Ты всё ещё носишь в своих глазах //Вспышки прошлых дней». Светлов не только открыто поддержал левую (троцкистскую) оппозицию, но вместе со своими друзьями поэтами Иосифом Уткиным и Михаилом Голодным затеял выпуск оппозиционной газеты «Коммунист». Естественно, всё это не осталось без внимания. В 1928 году Михаила Светлова обвинили в троцкизме и исключили из комсомола. Потом, правда, восстановили. Загладить свою вину ему частично удалось в 1935 году песней «Каховка». Интересные воспоминания о том периоде жизни Светлова оставил поэт Семён Липкин: «Я его помню непьющим, радующимся славе. Его опустошил разгром оппозиции. Он сочувствовал Троцкому. Был не подготовлен к имперским жестокостям. Все комсомольские поэты первого поколения, как и весь тогдашний комсомол, были обворожены Троцким... Безыменский гордо заявлял: «Я грудь распахну по-матроски и крикну: «Да здравствует Троцкий!»».

В 1941 году Светлов стал фронтовым корреспондентом «Красной звезды», прошёл всю войну, был награждён двумя орденами Красной Звезды и медалями. Поэма «Двадцать восемь» о героях-панфиловцах, цикл стихотворений об отважной, погибшей от рук фашистов, партизанке Лизе Чайкиной были одобрительно встречены критикой и общественностью. Тем не менее, старые «грехи» не забывались. После войны поэта вызвали на Лубянку, предложили сотрудничать. Он сослался на свою неспособность «не разглашать» по причине пристрастия к алкоголю. Выйдя с Лубянки, немедленно отправился в

ресторан «Арагви», где подтвердил сказанное делом. Из частично рассекреченных в годы перестройки архивов НКВД стали известны некоторые запроколированные информаторами высказывания поэта. О Союзе писателей СССР: «От этой организации, кроме пошлой официальнойщины, ждать нечего». О КПСС: «Она переродилась, ничего общего с пролетариатом она не имеет... Пребывание в партии превратилось в тягость, там всё ложь, лицемерие и ненависть друг к другу, но уйти из партии нельзя. Тот, кто вернёт партбилет, лишает себя хлеба, свободы, всего». Не удивительно, что поэт жил в опале, хотя и относительно мягкой, без оргвыводов. Тяжёлое впечатление произвела на него развернувшаяся в стране в последние годы жизни Сталина «борьба с космополитизмом». В эти годы Светлов почти не писал стихов, занимался в основном переводами, преподавал в Литинституте.

Настоящим ренессансом для поэта явились годы хрущёвской «оттепели». Он снова стал «публичной» фигурой. В истории остались кадры из фильма «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева, где на вечере поэзии в Политехническом музее Михаил Светлов под искренние аплодисменты читает стихи вместе с кумирами молодёжи тех лет: Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной. Его пронизанные горечью (в духе Омара Хайяма) остроты разлетались по Москве, превращались в фольклор. Светлов медленно умирал от рака лёгких, но даже это было темой его шуточных высказываний. «Лишь немногие, – писала в воспоминаниях о Михаиле Светлове поэтесса Татьяна Кузовлёва, – близкие друзья догадывались, что за ироничностью поэта скрывались его ранимость и невероятная скромность. Пряталось внутреннее одиночество, которое знакомо каждому поэту. Его отзывчивость на чужие беды не была показушной: однажды заметил, как стоптаны туфли у очень скромной и тихой буфетчицы в Пёстром зале ЦДЛ, в котором он был завсегдатаем, – и молча отдал ей гонорар, чтобы она купила себе новые». И ещё одна цитата из этих воспоминаний: «Он не лез в отличники, но его вклад в поэзию был куда значительнее иных советских «пятёрочников» поэтического цеха: в то закрытое время он открыто помогал читателям стать искреннее и щедрее к людям, бережнее относиться к своим и чужим чувствам. Помогал стать человечнее...».

В 1967 году Михаил Светлов был посмертно удостоен Ленинской премии по литературе.

Похоронен поэт на Новодевичьем кладбище в Москве.

Исаак Бабель: Отложенный приговор

Исаак Бабель (12 июля 1894 – 27 января 1940) привнёс в русскую советскую литературу густую терпкость еврейского фольклора, библейское отношение к жизни и смерти, избыточную метафору как средство предельного «обострения» текста. «Оранжевое солнце катится по небу, как отрубленная голова, нежный свет загорается в ущельях туч, штандарты заката веют над нашими головами». Предметом исследования писателя (цикл рассказов «Конармия») был человек за пределами общепринятых представлений о жестокости и милосердии, добре и зле. Если герои Достоевского (Раскольников, Ставрогин,

Иван Карамазов) «научно» и единично отпадали от Бога, Бабель в «Конармии» показал отпавший от Бога народ, которому революция и Гражданская война позволили «всё». И народ, без лишних переживаний и внутренних терзаний: «Интернационал кушают с порохом и приправляют лучшей кровью», воспользовался этим правом, легко и естественно перешёл черту, отделяющую человека от зверя.

Такой взгляд на революцию и Гражданской войну, естественно, не мог понравиться руководителям советского государства. В «Конармии» не было ни одного положительного героя. С критикой Бабеля выступили Будённый, Ворошилов и сам Сталин. Писателю был вынесен отложенный смертный приговор.

Бабель был одним из виднейших представителей «южной», некоторые литературоведы называют её «одесской», литературной школы. Помимо него к ней относят Багрицкого, Катаева, Олешу, Ильфа и Петрова, Паустовского. Это была литература, менявшая общепринятые стандарты русского языка, вводившая в обиход новых героев типа бандита Бени Крика из «Одесских рассказов» Бабеля и «великого комбинатора» Остапа Бендера из романов Ильфа и Петрова.

Горький, ещё до революции опубликовавший в журнале «Летопись» рассказы Бабеля, считал его романтиком. Наверное, он был прав. Но есть две большие разницы между исполненной юмора, мудрости и симпатии к героям романтикой «Одесских рассказов» и кровавой (на грани патологии) романтикой «Конармии». Творчество Бабеля – ярко расцветшая ветвь еврейской литературной традиции на рассечённом «молнией» революции кровоточащем древе русской словесности. Тут и несвойственная классической русской литературе физиологичность образов: «Голубые дороги текли мимо меня, как струи молока, брызжущие из многих грудей». И специфическое отношение к Иисусу Христу: «Тогда Иисус, видя томление женщины, жаждавшей мужа и боявшейся его, возложил на себя одежду новобрачного и, полный сострадания, соединился с Деборой, лежавшей в блевотине». Эту тему, кстати, очень талантливо продолжил современный молодой писатель Олег Зоберн в недавно опубликованном романе об Иисусе Христе.

Жизнь Бабеля полна тайн и странностей. В 1918 году он был штатным сотрудником ЧК, всю жизнь крутился вокруг «расстрельных» вождей: Ягоды, Ежова. Неоднократно мог эмигрировать (его надолго отпускали за границу), но почему-то этого не сделал. По свидетельству современников, был «умнейшим человеком», но до последнего надеялся «переиграть» карательную машину. Узнав в тюрьме о заключении пакта Молотова – Риббентропа, сказал: «Теперь меня точно расстреляют». На суде просил сохранить ему жизнь, чтобы «завершить начатые произведения».

Бабель, как и многие писатели и поэты того времени, пережил очарование насилием как методом решения любых социальных (и не только) проблем. Лучше всех это сформулировал Есенин: «Розу белую с чёрною жабой // Я хотел на земле повенчать...» Но этот «брак» невозможен. Революцию можно уподобить источнику света, на который, как бабочки, летят люди искусства. Им кажется, что этот свет рассеет вечную и злую тьму. Итог, как правило, один:

отложенный приговор и произведения, открывающие (часто помимо воли авторов) истинную природу революционного «света». Такие, как «Конармия».

Валентин Катаев: Теория отражённого света

Классик советской литературы Валентин Катаев воплощал в себе манихейскую сущность времени, в котором ему выпало жить и творить. Одни писатели (Шолохов, Фадеев, Гайдар, Леонов, Федин), единожды сделав выбор в пользу советской власти, оставались ему всю жизнь верны. Другие (Булгаков, Пастернак, Ахматова), сохраняя личное достоинство и уважение к собственному таланту, вступали с властью в конфликт. Катаев же превыше верности любым идеалам в жизни и творчестве ставил личный интерес. Он был точкой преломления и отражения слепящего света великой эпохи в его произведениях.

В двадцатых годах интерес заключался в том, чтобы отмазаться от тёмного, с большевистской точки зрения, прошлого (он то ли служил, то ли не служил в Добровольческой армии Деникина, то ли участвовал, то ли не участвовал в белогвардейском заговоре в Одессе). Во время нэпа – в зарабатывании денег (повесть «Растратчики», пьесы, сугубо коммерческий подход к литературному труду, неожиданным плодом которого явились бессмертные «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» несостоявшихся катаевских литературных «негров» Ильфа и Петрова). В тридцатые – в сочинении агиток типа «Время вперёд!» и «Я – сын трудового народа». Дальше и до самой смерти – в относительно спокойной и сытой жизни с орденами, премиями в заповеднике соцреализма, щедро омываемом доходами от революционной тетралогии «Волны Чёрного моря», ленинской «Маленькой железной двери в стене» и прочих идеологически выдержанных произведений, среди которых попадались истинные шедевры, например, детская сказка «Цветик-семицветик».

В заповеднике соцреализма Катаев всегда держался ближе к ограде, верхним чутьём угадывая состояние проволоки. Она только начала провисать, а он уже вырвался на свободу, исторг из своей души ту самую многократно воспетую им «вечную весну», которая, как последняя (к литературе) любовь преобразила на склоне лет его творчество, открыла нового блистательного писателя мирового уровня. «Трава забвения», «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер» изумили тогдашнего читателя недопустимой прежде в советской литературе раскованностью, свободой и какой-то самовлюблённой отвязанностью от привычных канонов.

До сих пор критики и литературоведы спорят, был ли Катаев в советской литературе «чужим» среди «своих»? Вероятно, да, но с каким-то изломом. Он (когда это стало безопасно) объявил себя дворянином и белым офицером, но при этом всю жизнь говорил с сильным еврейским (одесским) акцентом. Пользовался всеми благами и преференциями официального советского классика, но не лез в политику, а если вынуждали, писал передовицы в новогодний (1953 года) «Огонёк» – «За великого Сталина!». Был прекрасно образованным, великолепно знающим литературу и философию человеком, но ещё Осип Мандельштам отмечал в нём некий «бандитский шик», а другие совре-

менники – наглость и хамство. Бунин же вообще считал Катаева пропащим в моральном смысле человеком.

Да, «вечная весна» преобразила позднее творчество Катаева, но не изменила его сущности. «Алмазный мой венец» светит отражённым светом трагических судеб представленных в нём персонажей, заживо сгоревших в огне жестокого времени. Катаев, как алхимик, сотворил из их жизни и творчества свою личную версию. Она, подобно слепящему и искрящемуся бенгальскому огню, заморозила читателя, отвлекла его внимание от самовольной установки автором собственного нерукотворного памятника в пантеоне волшебных изваяний «безумного скульптора Брунсвика». Но если Маяковский, Есенин, Булгаков, Бабель и прочие сделаны из природного «мрамора» высшей пробы, Катаев – из добротного, но искусственного материала, всего лишь отражающего их свет. Следует отметить, что у писателя хватило мужества это признать, пусть и в ассоциативной форме.

Он был создателем и первым редактором журнала «Юность», где мне в своё время довелось работать. Катаев – духовный отец «исповедальной прозы», представленной на страницах журнала именами Василия Аксёнова и Анатолия Гладилина. За несколько лет он сделал журнал самым тиражным и популярным в стране. Многолетняя заведующая отделом прозы в «Юности» Мери Лазаревна Озерова рассказывала мне, что, надумав печатать роман «Хуторок в степи» в журнале, Катаев отдал ей в конце рабочего дня рукопись. А на следующий день вызвал её и спросил, понравился ли ей роман? Она ответила, что ещё не приступила к чтению. Как же так, искренне удивился и даже обиделся Катаев, неужели вам не интересно, что я написал?

В отношении писательского ремесла он никогда не был циником.

Лев Кассиль: Правила игры

Лев Кассиль (10 июля 1905 – 21 июня 1970) был одним из столпов советской детской литературы, творцом педагогической «матрицы» для юного гражданина СССР. При этом следует отметить, что в своих программных сочинениях он не налегал на идеологическую составляющую матрицы – не воспевал «подвиг» Павлика Морозова, не призывал, как Аркадий Гайдар, пионеров к поиску шпионов и бдительности, или, как Сергей Михалков – к искоренению отдельных бытовых недостатков. Кассиль делал упор на просвещение, науку и спорт, то есть ориентировал юных читателей на то лучшее, что могла им дать (и охотно давала!) советская власть.

Детская литература в СССР жила не столько «вечными сюжетами», сколько пафосом «альтернативной реальности», где добро неизменно побеждало зло, взрослые (за редким исключением) оказывались мудрыми защитниками и наставниками, смелость и отвага были нормой жизни, конечному торжеству справедливости не могли помешать никакие временные трудности и обстоятельства. Лучшие произведения Льва Кассиля, Лазаря Лагина, Валентины Осевой, Леонида Пантелеева, Николая Носова оказывались в точно рассчитанном «резонансе» с искренним и незамутнённым детским восприятием жизни. Образы Чкалова и полярников, пионеров-героев и юных покорителей целины

легко и естественно входили в сознание читателей, побуждая их к подвигам, созиданию, полезным для общества и государства делам, но никак не к изучению имущественной, денежной, материальной стороны бытия. Думается, отчасти поэтому разграбление общенародной собственности и приватизация в России прошли, при, скажем так, сонном непротивлении народа. Советские люди были уверены, что государство не сможет их обмануть. Это была игра не по правилам.

Проверку временем выдержали не все произведения классиков. Роман Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», фрагменты которого с подачи Маяковского были опубликованы в 1927 году в журнале «Новый ЛЕФ», остался в истории русской литературы не из-за красот придуманной героями волшебной-романтической страны Швамбрания, а из-за талантливого описания трагического раздвоения детских душ Лёльки и Оськи (Льва Кассиля и его брата) между «уходящей натурой» старого, уютного и сытного мира («фунт сахара стоил пятнадцать копеек»), и «наступающей натурой» мира нового и страшного. Хотя, конечно, автор всеми силами пытался пригладить священный, то есть превосходящий волю и намерения творца («асбестос геллос» в терминологии античной драматургии) ужас от того, что происходило в России в предреволюционные и революционные годы. Швамбрания для героев романа стала укрытием от «жестокости справедливости революции», голода, тифа, мобилизаций и грабежей. В итоге прекрасная Швамбрания, как и СССР через семьдесят с лишним лет, надорвалась «в поисках единой всеобщей истины».

Роман Кассиля, несмотря на то, что его трудно отнести к чисто детской литературе, явился для неё «моментом истины». Тема детей, проживающих альтернативную жизнь в вымышленном государстве, стала с подачи Кассиля «книгообразующей»: это и «Республика ШКИД» Пантелеева и Белых, и «Президент Каменного острова» Вильяма Козлова, и «Повесть об Атлантиде» Юрия Томина, и многие другие произведения.

Язык, образность («Театр в то время походил на вокзал. Спектакли опаздывали, как поезда»), сюжет и философско-психологическая насыщенность «Кондуита и Швамбрании» значительно превосходят по своему уровню последующие творения Льва Кассиля – романы «Вратарь Республики», «Ход белой королевы», сборники «Человек, шагнувший к звёздам», «Про жизнь совсем хорошую» и т. д.

Сам же Лев Кассиль прожил яркую, хотя и не очень длинную жизнь. Он уцелел в годы «большого террора», когда был расстрелян его брат – второй главный герой «Кондуита и Швамбрании» Оська, перетерпел двадцатилетний запрет на переиздание романа. Стал лауреатом Сталинской премии и академиком Академии Педагогических наук. Всю жизнь Кассиль следовал мудрому совету Маяковского: «Не отворачивайся от газеты, Кассильчик!». Он был превосходным журналистом, знатоком и пропагандистом спорта и здорового образа жизни. Увлечением всей его жизни стал футбол. В понимании тонкостей и глубинной сущности этой игры сравниться с ним не могли даже признанные профессионалы.

«...Играть интересно только в то, чего сейчас нет», – заметил Кассиль в одном из своих интервью. Он мог бы, наверное, добавить, что когда слишком

долго играешь в то, чего нет, начинаешь верить, что у этой игры есть правила. Это применимо как к творчеству, так и к жизни писателя.

Константин Паустовский: Золотая телеграмма

Родившийся в конце девятнадцатого века и не доживший месяца с небольшим до ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года (он бы точно не одобрил) Константин Паустовский был писателем чувства. Это было не то религиозное мистическое чувство, какое сжигало Достоевского, возносило в горние учительские выси Льва Толстого. Достоевский видел Россию из сумеречного угла православной души. Чего стоят откровения его Великого инквизитора, или разговоры Ивана Карамазова со Смердяковым. Толстой смотрел на Россию из некоего идеального космоса, где люди неустанно самосовершенствуются, где крепчает в смирении и непротивлении злу мысль народная. Любой читатель навскидку назовёт десяток персонажей Достоевского и Толстого, но (скорее всего) не вспомнит ни одного героя Паустовского. И это не потому, что Паустовский скучный или плохой писатель. Он великолепный стилист, блистательный мастер слова. Вот только жизнь (три революции, Гражданская война, голод, коллективизация, Великая Отечественная война, быстро подмороженная хрущёвская «оттепель», ранний брежневский «застой») настолько «выездила» писателя, что он, как рыба в глубину, ушёл в природу, в бесконечные странствия, в глухие леса Мещёры, в преподавательскую работу, в уединённую жизнь уставшего от людей человека. «Я сбежал из Москвы, сбежал от чужих рукописей, от настойчивых авторов. От Литературного института и всего прочего, чтобы хотя месяц поработать в относительном покое», – писал Паустовский Вениамину Каверину. Такого рода писем за свою жизнь он написал немало.

Предками Паустовского были турки, поляки, исступлённо ненавидевшие Российскую империю, неоднократно против неё восстававшие. Бабушка учила его говорить на польском языке, водила в костёл, приучала к католичеству. Детство и юность писатель провёл на Украине. Первые рассказы опубликовал в киевских литературных журналах. После революции жил в Одессе. Вместе с Катаевым, Ильфом, Бабелем, Олешей считался представителем знаменитой одесской литературной школы. Но был сдержан, держал коллег на расстоянии. Паустовского нет в знаменитых мемуарах Катаева «Алмазный мой венец». Зато сам Паустовский тоже написал интересные заметки о Бабеле и Олеше.

Душу Паустовский открывал только женщинам. Вот как он, будучи уже далеко не молодым человеком, писал своей третьей жене Татьяне Арбузовой: «Нежность, единственный мой человек, клянусь жизнью, что такой любви (без хвастовства) не было ещё на свете. Не было и не будет, вся остальная любовь – чепуха и бред. Пусть спокойно и счастливо бьётся твоё сердце, моё сердце! Мы все будем счастливы, все! Я знаю и верю...». Так мог писать Данте о Беатриче, или Петрарка о Лауре. Паустовский вообще считал, что женщины лучше понимают искусство, потому что живут чувствами. Здесь он не ошибался. Фотография Марлен Дитрих в напоминающем рыбью чешую узком платье, преклонившей колени перед похожим на седого орла классиком, обошла в своё время

мировую прессу. Германская дива была восхищена прочитанным в переводе на английский язык рассказом Паустовского «Телеграмма» и, выступая в Москве с концертами, всё время спрашивала, где этот замечательный писатель. Что такого она обнаружила в достаточно скромном и далёком от европейских реалий рассказе, остаётся только гадать. Скорее всего, нечто глубинное, личное. Кстати, и термин «глубинный народ» Паустовский использовал задолго до нынешних политологов, правда не в экзистенциальном, а сугубо бытовом (речь шла о торговле на базаре) смысле. А ещё он использовал это слово в заметках о живописи художника Николая Ромадина: «Всё сказанное о поэзии наших провинциальных городов (их можно назвать «глубинными», но никак не «периферийными»; это чуждая нашему языку иностранщина) имеет непосредственное отношение к пейзажу Ромадина. Стоит выйти за околицу любого такого городка, чтобы погрузиться в этот пейзаж».

Престарелый писатель ради встречи с неожиданной поклонницей в сопровождении лечащего врача вырвался из больницы. Увидев своего кумира, Дитрих (она с юмором писала об этом в воспоминаниях) сделала первое, что пришло ей в голову – опустила на колени. А вот самостоятельно подняться не смогла, платье было слишком узким. Растерянный, похожий на седого орла Паустовский бросился поднимать, не реагируя на крик доктора: «Вам надо в постель!». Зато отреагировали зрители (дело было на сцене ЦДЛ) и сама Марлен Дитрих. Позже она старательно перечитала другие произведения Паустовского, особо отметив «Повесть о жизни». Знаменитая актриса и певица посетовала, что русского классика недостаточно знают и переводят в Европе.

После ужасов революции и скитаний по вздыбленной, «кровью умытой», как писал Артём Весёлый, России в творчестве Константина Паустовского произошло концептуальное раздвоение: он всей душой полюбил природу – моря, горы, леса, пустыни и солончаки СССР, но не принял форму его социального устройства. Паустовский любил места, где не было людей. Он «эмигрировал» в «Кара-Бугаз» (название одного из его романов), на Кавказ, в яркие воспоминания о прожитом – многотомная эпопея «Повесть о жизни». Поэзия странствий в его прозе уводила на второй план социальную, общественную сторону жизни. Паустовский любил природу сильнее, чем её преобразователя – советского человека.

Он, как художник красками, рисовал мир чувствами. «Раненные замолчали. Я поднял суровую полотняную занавеску и увидел за окном осеннюю северную Россию. Она туманно золотилась до самого горизонта берёзовыми рощами, пажитями, безыменными извилистыми реками. Поезд мчался, обволакивая паром сторожевые будки. Я никогда ещё не видел такой осени, такой ясности небес, ломкости воздуха, серебристого блеска от волокон паутины, оврагов, поросших красным щавелем, прудов, где просвечивает сквозь воду песчаное дно, сияния мгlistых далей, нежной гряды облаков, застывших во влажной поутру небесной голубизне...» Так он, прошедший две войны (Первую мировую медбратом в санитарном поезде, Великую Отечественную – фронтовым корреспондентом) описывал Родину-мать, которая доставила ему столько мучений и горя. «Боже, – писал он в начале двадцатых годов в дневнике, – до чего Ты довёл Россию... В последних истоках мутного света слепо тычется,

ища чёрствую корку, громадный умирающий народ. Чувство головокружения и тошноты стало всенародным. И больше умирают от этой душевной тошноты, тоски и одиночества, чем от голода и сypняка». Но Родина же и исцеляла мятущуюся душу писателя своей неизбывной божественной красотой. Восхищение совершенством Божьего мира и отчаянье от разрушающего этот мир человеческого несовершенства станут скрытыми пружинами творчества Константина Паустовского.

Он, хоть и получал ордена, много публиковался, ухитрился практически ничего не написать о Сталине и величии КПСС. Иван Соколов-Микитов в письмах, правда, критиковал Паустовского за то, что тот выбрал безопасный, «медоносный» путь в литературе, то есть писал в основном о природе и красотах окружающего мира, а не о страдании, мечтах и надеждах существующих в этом мире людей.

Это было так и не так. Ранний роман о Первой мировой войне «Романтики» по внутреннему напряжению и кристальности стиля ничем не уступает романам Олдингтона «Смерть героя» и Хемингуэя «Прощай, оружие». Не менее интересны и тома «Повести о жизни» – своеобразной летописи эпохи. Редколлегия журнала «Новый мир» была неправа, посетовав Паустовскому на монотонность и вялость последних глав «Повести...». Писатель обиделся. Он творил для вечности, а разгорячённые идейной борьбой либеральные «новомирцы» ждали от него публицистическую «злобу дня». Паустовский не боялся «злобы дня», но опять-таки передавал её через чувства. Как удивительно точно и выпукло описал он свой страх в одной из глав «Повести...» о Грузии, когда в его гостиничный номер через люк в потолке пытался проникнуть сумасшедший маньяк, явно собиравшийся (без малейших на то причин – вот что потрясало автора!) его убить. Паустовский умел транслировать малейшие нюансы человеческих переживаний, но только не социальный или политический пафос. Если надо было за кого-нибудь заступиться, к примеру, за главного режиссёра Театра на Таганке Юрия Любимова, он предельно просто (запись телефонного разговора сохранилась) объяснил ситуацию тогдашнему советскому премьеру Косыгину: «С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности страны. Если вы снимете Любимова, распадётся театр, погибнет большое дело».

Паустовский долгие годы преподавал в Литературном институте, учил писательскому мастерству Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Юрия Трифонова, Владимира Тендрякова, других ставших известными и популярными литераторов. Стиль Паустовского ощущается в романе Трифонова «Утоление жажды», в описаниях природы у Юрия Бондарева, в прозе Владимира Тендрякова. Результатом его педагогической деятельности стали заметки о сущности и смысле писательского труда – «Золотая роза».

Паустовский – один из немногих известных писателей, не подвергшихся репрессиям в советское время, но получивший мировое признание. Он был трижды номинирован на Нобелевскую премию. В первый раз ему перешёл дорогу Шолохов. Председатель Нобелевского комитета будто бы позже сказал Паустовскому: «Я и король голосовали за вас». Во второй – эксперты засомневались в психологической глубине и критических (мало ругал советскую

действительность) мотивах в его творчестве, в третий – помешала смерть.

В годы «оттепели» Паустовский однозначно примкнул к либеральному лагерю творческой интеллигенции, подписывал письма Брежневу против реабилитации Сталина, выступал в защиту Даниэля и Синявского, Солженицына. Составленный им литературный альманах «Тарусские страницы», куда он включил таких полузапретных авторов, как Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Юрий Казаков, Надежда Мандельштам, вызвал гнев партийного руководства. Часть тиража пустили под нож, но в истории советской литературы альманах остался, наряду с «Одним днём Ивана Денисовича», символом краткого периода послесталинского свободомыслия.

«Трещали и рушились миры... Таковы были первые уроки революции. Такова была первая встреча русской интеллигенции лицом к лицу с её идеалами. Это была горькая чаша. Она не миновала никого. Сильные духом выпили её и остались с народом, слабые – или выродились, или погибли», – писал Паустовский в «Повести о жизни». Можно спорить, остался или нет Паустовский с народом. Но невозможно спорить с тем, что он выпил свою «горькую чашу» и не утратил силу духа, сохранив посланную ему Богом золотую телеграмму таланта.

Самуил Маршак: Не по заказу, а по любви

Самуил Маршак по праву считается классиком советской литературы, прекрасным переводчиком, автором любимых читателями всех возрастов детских стихов. Сочинять, как признавался Маршак в воспоминаниях, он начал раньше, чем научился читать. Жизнь евреев в России в то время регламентировалась разного рода, иногда оскорбительными, ограничениями, поэтому юному Маршаку пришлось прилагать немало усилий и прибегать к помощи влиятельных людей, чтобы получить хорошее образование за пределами черты оседлости. Приехав на каникулы в Петербург, где обосновался и устроился на работу его отец, Маршак свёл знакомство со знаменитым критиком и искусствоведом Стасовым. Тот помог начинающему поэту перевестись в престижную столичную гимназию, одну из немногих, где преподавали древние языки. «Познакомившись с моими стихами, Владимир Васильевич подарил мне целую библиотечку классиков, – вспоминал позже Маршак, – а во время наших встреч много рассказывал о своём знакомстве с Глинкой, Тургеневым, Герценом, Гончаровым, Львом Толстым, Мусоргским. Стасов был для меня как бы мостом чуть ли не в пушкинскую эпоху».

Дом Стасова был в начале двадцатого века «местом силы» русской интеллигенции, где встречались, спорили, делились планами писатели, профессора словесности, композиторы, художники. Маршак познакомился здесь с Фёдором Шаляпиным и Максимом Горьким. На даче Пешковых в Ялте молодой поэт потом прожил целый год. После революции 1905 года Горький, опасаясь репрессий, выехал с семьёй за границу. Маршак вернулся в Петербург. Дружба с Горьким во многом определила его последующую жизнь.

В первое десятилетие двадцатого века Маршак много путешествовал. Это

было время обострённого внимания общества к «еврейскому вопросу» (публикация «Протоколов сионских мудрецов», дело Бейлиса). В 1904-м умер считавшийся родоначальником и теоретиком сионизма Теодор Герцель. Маршак откликнулся на это событие пафосным стихотворением «Над открытой могилой», а спустя три года издал сборник стихов «Синода». В 1911-м году Маршак с группой еврейской молодёжи посетил Иерусалим и Палестину. «Дед приехал сюда в 24-летнем возрасте с другом, поэтом Яковом Годиным, – писал живущий в Израиле внук поэта Алексей Сперанский-Маршак. – Они исходили тогдашнюю Сирию и Палестину, жили в палаточном городке. Он направлял в Петербург, в журнал «Рассвет», свои путевые очерки и писал много стихов, в основном лирических». В той поездке Маршак познакомился с будущей женой Софьей Михайловной Мильвидской. Вернувшись в Россию, они поженились, после чего отбыли на два года учиться в Англию. Маршак вспоминал, что «...пожалуй, больше всего подружила меня с английской поэзией университетская библиотека. В тесных, сплошь заставленных шкафами комнатах, откуда открывался вид на деловитую, кишевшую баржами и пароходами Темзу, я впервые узнал то, что переводил впоследствии, – сонеты Шекспира, стихи Вильяма Блейка, Роберта Бёрнса, Джона Китса, Роберта Браунинга, Киплинга». В Англии Маршак изучал местный фольклор и баллады. «Переводил, – как потом признавался, – не по заказу, а по любви – так же, как писал собственные лирические стихи».

После революции в двадцатые-тридцатые годы он руководил детскими литературными журналами «Воробей», «Новый Робинзон». У Маршака был редакторский нюх на таланты. Он привлёк к сотрудничеству таких ярких и самобытных авторов, как Борис Житков, Виталий Бианки, Евгений Шварц. Позже Маршак вместе с Горьким основал первое в СССР издательство детской литературы «Детиздат». Литературой для детей Маршак занимался не только по призванию, но и по здравому размышлению. Его не мог не тревожить собственный, терпимый в двадцатых, но опасный для тридцатых годов background юношеского увлечения идеями сионизма. «Отсидеться» за обложками детских книг в роковые тридцатые не удалось. Многие сотрудники «Детиздата» были арестованы, самому поэту пришлось спешно перебраться из Ленинграда в Москву. Переводы классической поэзии в тревожные предвоенные годы стали для Маршака своего рода убежищем, а для советских читателей – мостом в мировую культуру. В переложении сонетов Шекспира, стихотворений Роберта Бёрнса Маршак достиг подлинного совершенства. Кстати, и автор «Чиполлино» Джанни Родари стал известен в СССР после того, как Маршак перевёл на русский язык его стихи о том, как важно учиться ремеслу, быть честным, приносить пользу людям. Они были опубликованы ещё при жизни Сталина.

Отец народов благосклонно относился к поэту, ценил его стихотворные подписи к карикатурам на фашистов и политические памфлеты. За них в 1942 году Самуил Маршак получил первую Сталинскую премию. У вождя было двойственное отношение к деятелям культуры еврейской национальности. Он был внимателен к ним в годы войны (собирали в США пожертвования на советскую армию) и – когда создалось государство Израиль. Но это го-

сударство не оправдало надежд Сталина. Грянула борьба с космополитизмом. К счастью, она не затронула Маршака, в отличие от Переца Маркиша, Льва Квитко и других членов ЕАК (Еврейского антифашистского комитета).

В годы «оттепели» Маршак вместе с Ильёй Эренбургом, Александром Твардовским, Константином Паустовским, Вениамином Кавериным выступал за «социализм с человеческим лицом» и «демократизацию нашей жизни», как писали тогда прогрессивные публицисты. В эти годы он вновь посетил Англию и другие страны. В дни, когда решался вопрос давать или не давать Ленинскую премию по литературе Александру Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича», Маршак выступил «за», опубликовав одобрительную рецензию в «Правде». Но это не помогло.

Маршак умер в июле 1964 года, не дожив месяца с небольшим до свержения Хрущёва и конца эпохи «оттепели». Он ушёл из жизни как признанный классик советской литературы, лауреат нескольких Сталинских и Ленинской (1962 год) премий. Заслуги Маршака признавались и в других странах. За переводы он был удостоен звания Почётного гражданина Шотландии. Незадолго до смерти, ссылаясь на многолетнее заболевание лёгких, Маршак просил у ЦК разрешения на долгую поездку в солнечную и тёплую Италию, но партийное руководство посчитало это нецелесообразным.

При всём уважении к большому поэту всё же следует отметить, что в авторской лирике Самуил Маршак был не так силён, как в стихах для детей и переводах. Хотя и там встречаются пронзительные, выстраданные строки: «Когда, как тёмная вода,/ Лихая, лютая беда/ Была тебе по грудь,/ Ты, не склоняя головы,/ Смотрела в прорезь синевы/ и продолжала путь/». Ну а переводы сонетов Шекспира, лирики Бёрнса, детские стихи – «Дом, который построил Джек», «Вот какой рассеянный», «Мистер-Твистер», «Дама сдавала в багаж», «Где обедал воробей» и многие другие, читают и будут читать взрослые и дети, пока жива поэзия и издаются книги.

Валентин Распутин: Уроки правды

Валентин Распутин родился в марте 1937 года, а умер в марте 2015-го. Его земляки, ссылаясь на разницу во времени между Москвой и Иркутском, утверждают, что Распутин родился и умер в один и тот же мартовский день. Как и другие писатели-деревенщики (хотя его творчество выходит далеко за рамки этого литературного направления) Распутин пришёл к выводу, что советский социализм, несмотря на все свои недостатки, больше подходил для России, чем сменивший его «периферийный» олигархический капитализм. По мнению писателя, этот капитализм совершенно не учитывал вековую психологию и трудовую мотивацию народа. В своей публицистике и поздних рассказах Распутин объяснял, что в русском сознании, наверное, со времени отмены крепостного права и промышленной революции второй половины XIX века поселилась ненависть к тем, кто (по Марксу и Ленину) наживается на чужом труде, присваивает себе то, что создано руками народа. Кто одним своим существованием (дворцы, яхты, миллиарды, семья за границей и т. д.) оскорбляет народные представления о справедливости как мере всех вещей.

Уже в первом значительном произведении «Деньги для Марии» Распутин показал, как уродуют и калечат деньги души «малых сих». Правоверная советская литературная критика поначалу не одобрила и его повесть «Живи и помни». Симпатичные человеческие черты в образе скрывающегося от фронта в бане дезертира показались ей совершенно неуместными. Как и переживания старухи Анны в «Прощании с Матёрой». Страна строила каскады гидроэлектростанций, а тут плач по какой-то затопленной деревне. Перестроечный «Пожар» тоже не обрадовал тогдашнюю, увлечённую «новым мышлением», партийную элиту, точь-в-точь как герои повести деятельно включившуюся вскоре в разграбление имущества объятого перестроечным пожаром СССР.

Распутин – наследник отрицающей капитализм русской литературы. О «свинцовых мерзостях» этого строя писали: Толстой, Достоевский, Чехов, Гаршин, Решетников, Успенский, Лесков, Некрасов, Горький. В тогдашней литературе сложилось настоящее антикапиталистическое, антинигилистическое направление. Классики показывали, как низовая Россия, ментально и экономически не воспринимающая капитализм как хозяйственную систему, а либерализм как основу общественных отношений, по воле верхов чахнет от язв капитализма и либерализма. Помимо этого, в либерализме они обнаруживали мощнейшую антинациональную направленность. Валентин Распутин, как мог, продолжал в своём творчестве эти традиции. Он с редкой художественной убедительностью выражал мысли зажатых русских низов о правде, справедливости, неудовлетворённости существующими реалиями. Его, вынужденно воздавая официальные почести, не любили ни советская, ни постсоветская власть. Он часто с горечью повторял, что народ и власть живут в разных мирах. Для всех, кто его знал, Распутин всегда был незабываемым моральным авторитетом, много сделавшим для сохранения русской культуры и русской (озеро Байкал) природы. Творческое наследие писателя невелико, но лучшие его произведения: «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Уроки французского», «Что передать вороне?» останутся с нами навсегда.

Борис Полевой: Дирижабль из советского ангара

Борис Полевой – классик советской литературы, многолетний редактор популярного журнала «Юность» – родился в Твери и всю жизнь был связан со своей малой родиной. Из Твери были его заместитель по журналу – комсомольский работник и поэт Андрей Дементьев, ответственный секретарь – журналист и будущий редактор журнала «Крокодил» Алексей Пьянов. Себя и земляков Полевой, посмеиваясь, звал в редакции «тверскими козлами». Начал Борис Полевой (настоящая его фамилия Кампов) как краевед-бытописатель. Сборник «Мемуары вшивого человека» заметил Максим Горький, открыв юному автору путь в литературу. Перебравшись в Москву, Полевой довольно быстро встроился в мейнстрим соцреализма, издав в 1939 году книгу «Горячий цех», отмеченную критикой тех лет, как «добротный рассказ о трудовых подвигах советских людей, о формировании в процессе труда духовного и морального облика советского человека». Собственно, в эту формулировку укладывается всё последующее творчество лауреата многих премий, орденоносца,

Героя Социалистического Труда Бориса Полевого: романы «Золото», «Доктор Вера», «На диком берегу». Всесоюзную славу ему принесла написанная в 1946 году «Повесть о настоящем человеке». Образ потерявшего ноги, но вернувшегося в строй героя-лётчика Алексея Маресьева превратился в один из главных символов советского патриотизма. Знаменитая фраза: «Но ты же советский человек!» долгое время была едва ли не ключевой в воспитательной работе советской пропаганды. В семидесятые-восьмидесятые годы она переместилась в сферу (по Бахтину) смеховой народной культуры. Это чётко уловил системный «разрушитель» советских мифов Виктор Пелевин, описавший в романе «Омон Ра» военное авиационное училище, где курсантам в массовом порядке ампутируют ноги и заставляют танцевать на протезах «Барыню».

В повседневной жизни Борис Полевой был простым и демократичным человеком: обедал вместе с коллективом редакции в подвальной столовой комплекса издательства «Правды», любил крепкое словцо, понимал юмор и никогда не налегал на идеологию, с одной стороны понимая её условность, с другой – будучи в глубине души ей искренне преданным. Журнал «Юность» считался либеральным, в нём печатались Василий Аксёнов, Анатолий Гладили, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, но Борис Полевой потратил много сил и энергии, чтобы довести до ума и опубликовать отвергнутую другими журналами повесть шахтёра из Донбасса Владислава Титова «Всем смертям назло!». После взрыва в шахте Титов стал инвалидом (сильнейшие ожоги и ампутация рук), но нашёл в себе мужество победить депрессию, запечатлеть на бумаге пережитое необычным способом – зажав карандаш в зубах. Можно только догадываться, каких трудов и мучений это ему стоило. Про другую повесть – о вольной жизни детей советской элиты «Молодые дирижабли» Карена Шахназарова (в редакции сомневались: печатать – не печатать, всё-таки сын большого партийного начальника) Полевой твёрдо сказал: «Эти дирижабли не для нашего ангара». Он имел в виду журнал, но можно было брать шире: советского ангара.

Было бы несправедливо «сдавать в утиль» всё творчество Бориса Полевого. Он прошёл войну корреспондентом «Правды» (двухтомник «Эти четыре года»), освещал Нюрнбергский процесс, как многолетний председатель советского Фонда мира встречался со многими выдающимися деятелями своей эпохи (сборник воспоминаний «Силуэты»). Сегодня «Повесть о настоящем человеке» вернулась в школьную программу. Дирижабль из советского литературного ангара вновь оказался востребованным.

Корней Чуковский: На именинах у «Тараканище»

Всесоюзный «дедушка» Корней Иванович Чуковский слыл обаятельным и душевным собеседником, но не любил приходивших к нему на дачу в Переделкино без предварительной договорённости посетителей, главным образом искренних почитателей его таланта. Засекал время, а потом горестно вздыхал: «Украли два часа жизни!» – вспоминала известная писательница Наталия Ильина. Особенно обидело её, что Чуковский и не подумал пригласить её к столу, где горничная как раз расставляла тарелки и нарезала колбасу. Он во-

все не был добрым и ласковым сказочником, каким кажется на многочисленных архивных фотографиях. Обожал детей, но после того, как они уходили, долго был мрачен – вспоминал рано умершую дочь, легендарную Мурочку. Разобранные поколениями советских людей на цитаты «Муха-цокотуха», «Мойдодыр», «Бибигон», «Федорино горе» и прочие гениальные стихи сочинялись им в минуты отчаянья. Любимая дочь уходила (у неё была неизлечимая форма туберкулёза), а он не мог ей помочь ничем, кроме стихов. С детьми у Чуковского вообще были большие проблемы. До сих пор исследователи по-разному трактуют его письмо Сталину (1943 год), где поэт призывает строго наказывать и изолировать от общества малолетних хулиганов. Одни полагают, что таким образом Чуковский хотел оградить нормальных (здоровое большинство) детей от зловредного влияния. Другие – что он ненавидел распущенность и хамство, и таким образом предупреждал вождя, что дети – вовсе не «цветы жизни», а юные граждане, которые, как и взрослые, должны уважать закон и порядок. После смерти Мурочки Чуковский перестал сочинять весёлые стихи, переквалифицировался в пытливого детского психолога, написал знаменитую книгу «От двух до пяти».

Происхождение (мать – русская женщина из народа, отец – богатый еврей), связанные с незаконнорождённостью моральные издержки и социальные ограничения сделали из Корнея Чуковского (Николая Корнейчукова) космополита, гражданина мира. Он выучил по самоучителю английский язык, работал корреспондентом одесской газеты в Англии, полюбил эту страну, охотно переводил англоязычных поэтов. Вернувшись в конце 1904 года из Англии, Чуковский перебирается в Петербург, где, вдохновлённый революционными событиями, начинает издавать сатирический журнал «Сигнал». В журнале публиковались: Александр Куприн, Надежда Тэффи, Фёдор Сологуб. Вышло всего три номера. Четвёртый был остановлен цензурой, а сам Чуковский арестован. За девять дней, проведённых в тюрьме, он, как позже признавался в дневнике, глубоко прочувствовал отношение власти к задевающей её сатире.

В «серебряный век» литературные таланты Чуковского расцвели. Он показал себя резким и эпатажным критиком-многостаночником, едким и не всегда объективным колумнистом ведущих изданий. Знался со многими «звёздами»: Мандельштамом, Ахматовой, Маяковским. Дружил с Репиным, тот ссудил его деньгами для покупки дачи в Куоккале (нынешнее Репино) по соседству с собой, вёл ёрнический домашний журнал «Чукоккала». На страницах самодельного журнала рисунками, стихами, эпиграммами, афоризмами отметились выдающиеся писатели, поэты, художники, композиторы.

С большевиками отношения у оставшегося после революции в России Чуковского сложились напряжённые. «... в Гублите, – писал он в дневнике 1 августа 1925 года, – запретили «Муху-Цокотуху». «Тараканище» висел на волоске – отстояли. Но «Муху» отстоять не удалось. Итак, моё наиболее весёлое, наиболее музыкальное, наиболее удачное произведение уничтожается только потому, что в нём упомянуты именины!!!» Сейчас в это трудно поверить, но в то время в СССР были запрещены, как религиозные пережитки, не только именины, но и празднования Рождества, Нового года, установка украшенных игрушками и звёздами ёлок. Критиковать Чуковского вскоре взялась сама

Надежда Крупская, запустив в оборот термин «чуковщина». Вдове Ильича не понравился «Крокодил». «Вместо рассказа о жизни крокодила, – возмутилась она, – дети услышат о нём невероятную галиматью». К цензурным неприятностям вскоре добавились другие, куда более серьёзные. В 1926 году дочь Чуковского Лидию арестовали и выслали в Саратов за изготовление листовок анти-советского содержания. В 1938 году расстреляли её мужа Матвея Бронштейна – учёного, занимавшегося теорией квантовой гравитации. Лидия Корнеевна Чуковская – талантливая писательница – стала убеждённой и последовательной «диссиденткой», одним из лидеров правозащитного движения в СССР. Да и сам Чуковский был в политическом смысле, хоть и прозорлив, но не всегда осторожен. В архивах КГБ сохранился донос о высказанном им в частном разговоре мнении, что, покончив с деспотизмом Гитлера, мировому сообществу рано или поздно придётся разбираться с деспотизмом советским.

По духу «внутренний эмигрант» в стране советов, Чуковский всю жизнь с пристрастностью исследовал творчество Николая Некрасова, метафизически завидуя ломовой прямоте «певца народного горя». За книгу «Мастерство Некрасова» он был удостоен в 1962 году Ленинской премии по литературе. Чуковский видел куда более масштабное горе в советской стране, но петь о нём (за пределами дневника) не решался, уходя в журналистику, литературоведение, общественную деятельность. В годы хрущёвской «оттепели» он выступал за «демократизацию», презирал литературных «черносотенцев», считал повесть «Один день Ивана Денисовича» Солженицына судьбоносным «прорывом» русской литературы к правде. Поддерживал не только молодых литераторов-западников – Вознесенского, Аксёнова, Ахмадулину, но вообще всё живое и талантливое в тогдашней литературе. Подписал оставшееся без ответа письмо деятелей культуры Брежневу против реставрации сталинизма. Переживший несколько волн партийной критики в сталинские годы, в последующие «вегетарианские» времена Корней Чуковский, зная себе цену, совмещал официальное признание, ордена и премии со сдержанным вольномыслием. Власть в свою очередь прощала ему и общение с Солженицыным, и дочь-диссидентку Лидию. Свои заслуги на ниве скрытой борьбы с режимом Чуковский, впрочем, не переоценивал. В раскрепощённые дни «оттепели» в стихотворении про наводившего ужас на огромных зверей «Тараканище» поклонники поэта увидели намёк не только на «кушающего деток» Сталина, но и на самовоспроизводящиеся особенности взаимоотношений народа и власти в России. Чуковский честно уточнил, что сочинил это стихотворение в годы, когда Сталин не был на вершине власти. Зато сам вождь на партийном съезде клеймил коммунистов за трусость, «едва только зашуршит за печкой какой-нибудь таракан». Сталин точно читал «Тараканище» и, возможно, вспоминал, как развил эту тему Осип Мандельштам: «Тараканьи смеются усища и сияют его голенища». Сталинских премий по литературе Чуковский не получал.

По итогам прошлого года Корней Чуковский оказался самым издаваемым автором книг для детей. Его замечательные, но с глубокими и местами нелцеприятными встроенными смыслами стихи оказались современным детям и родителям ближе и понятнее, нежели гендерно нейтральные толерант-

ные вирши переводных авторов. В России настоящая поэзия для детей – это жизнь, а она всегда добрая и злая, жестокая и милосердная, честная и лживая, страшная и прекрасная. Корней Чуковский, вопреки тому, что видел вокруг себя, в адресованной детям поэзии верил в победу добра.

Константин Симонов: Вновь на передовой

Константин Симонов был яркой личностью эпохи сталинского «великого стиля» в культуре и литературе. Своё сложное с тогдашней точки зрения дворянское происхождение он искупал бешеной энергией, желанием везде успеть, личной храбростью. В 1936 году первые его стихи были опубликованы в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь». Через три года он, уже как военный корреспондент, рисковал жизнью на Халхин-Голе, а после – с первых дней – на фронтах Великой Отечественной. Он чудом остался жив в боях под Могилёвом, где советские бойцы уничтожили тридцать девять немецких танков. Там по завещанию был развеян его прах. Возле камня с памятной табличкой всегда лежат живые цветы.

Константин Симонов писал прозу, сочинял пьесы (самая известная – «Парень из нашего города»), сценарии, но прославился как поэт открытого чувства. Такая поэзия всегда востребована в дни испытаний. Константин Симонов, Александр Твардовский, Александр Межиров, Семён Гудзенко, Борис Слуцкий, другие поэты-фронтовики смогли перековать смертельный опыт человека на войне в высокую поэзию, вырвавшуюся на оперативный простор народной души. Они художественно воплотили индивидуальное личностное «я» миллионов идущих в бой людей в общенародное «мы». Стихотворения Константина Симонова, «Жди меня», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», многие другие на тему любви, смерти, солдатского долга стали поистине народными. Солдаты и офицеры вырезали их из газет, переписывали от руки.

Константин Симонов был обласкан властью. Он получал ордена, Сталинские премии по литературе, редактировал журнал «Новый мир» и «Литературную газету». Сразу после войны по заданию партии ездил по Европе и Америке, убеждая известных писателей-эмигрантов вернуться на родину. Его сопровождала жена – известная, любимая народом артистка Валентина Серова. Она будто бы шепнула задумавшемуся над предложением Ивану Бунину, чтобы он ни в коем случае не совершил этой ошибки. По возвращении Симонов отметился в гонениях на «безродных космополитов», Анну Ахматову и Михаила Зощенко. Когда больной и униженный Зощенко на собрании писателей в Ленинграде попросил оставить его в покое, Симонов произнёс историческую фразу: «Товарищ Зощенко бьёт на жалость...». На смерть вождя народов Симонов откликнулся строчками: «Нет слов таких, чтоб ими рассказать, // Как мы скорбим по Вас, // товарищ Сталин». И после, когда уже вполне можно было промолчать, он в общем хоре деятелей культуры осуждал Пастернака, Солженицына, академика Сахарова...

Симонову хватило мужества честно проанализировать свой жизненный путь в публицистической книге «Глазами человека моего поколения». Он был

искренен и когда верил в вождя, и когда пересмотрел своё к нему отношение. Разобравшись со Сталиным, он написал ряд правдивых романов о войне: «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето». Во многом благодаря Симонову увидел свет шедевр Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», был переведён на русский язык и напечатан роман Хемингуэя «По ком звонит колокол». Симонов всегда откликнулся на просьбы фронтовиков, писал письма в инстанции, защищал несправедливо обиженных. Он пробил в печать «непроходную» военную повесть Вячеслава Кондратьева «Сашка», выступал против запретов спектаклей Театра на Таганке и «Современника», отводил «цензурную руку» от многих талантливых произведений. И это только вершина «айсберга» его полезных дел.

Сегодня поэзия открытого чувства, а вместе с ней мастер этого жанра Константин Симонов, вновь на «передовой» литературы и истории.

Сергей Михалков: Возвращение Дяди Стёпы

Сергей Владимирович Михалков прожил долгую и интересную жизнь. Литератор-многогранник (детский поэт, баснописец, драматург, автор трёх вариантов государственного гимна); большой литературный начальник (многолетний председатель Союза писателей РСФСР); государственный деятель. В ареопаге советских писателей он занял место «красного графа» Алексея Толстого: дворянское происхождение; недюжинный литературный талант; усердное служение власти. Хотя в биографии Михалкова в силу возраста не было эмигрантского прошлого, которое, как считали недоброжелатели (и завистники) отмаливал граф, слава СССР и Сталина.

Сергей Михалков был рано обласкан властью, получил первый орден Ленина в 1939 году, в двадцать шесть лет. Опять же завистники увидели в этом комплимент за опубликованное в «Известиях» стихотворение «Светлана», будто бы понравившееся отцу и вождю. Сам поэт считал это выдумкой.

Образ милиционера Дяди Стёпы на долгие годы стал архетипом советской детской литературы, а сам Дядя Стёпа превратился в народного героя. В образе гражданина «по прозванию каланча» Михалков одновременно возвысил власть и народ. Власть в лице Дяди Стёпы защищала, учила, воспитывала народ. Сам же Дядя Стёпа воплощал в себе лучшие, одобряемые властью черты советского человека. Дяде Стёпе не удалось стать Василием Тёркиным, но он успел побыть пограничником, сходить после подписания пакта Молотова – Риббентропа в освободительный поход Красной Армии в Польшу.

Михалков был разный. Как детский поэт он интуитивно понимал природу ребёнка, примеряя на себя детское восприятие мира. Его непосредственность была искренней, привлекала к нему людей. Михалков обладал даром очаровывать власть. Он верой и правдой служил поочерёдно всем генсекам и президентам СССР и России. Он делал это без насилия над собой, полагая, что государство и богом (народом) назначенная власть существуют не для того, чтобы превратить жизнь подданных в рай, а чтобы удержать её от схождения в ад, который точно настанет, если не будет власти и государства.

Всё так, но много лет Михалков талантливо и с выдумкой вёл знаменитый

киножурнал «Фитиль», бесстрашно бичующий недостатки советской системы. Он всё видел и всё понимал. Писательский начальник и государственный деятель, Михалков клеймил позором диссидентов, Солженицына, Сахарова, но при этом не оставлял без внимания поступавшие на его имя жалобы и прошения, используя регалии, помогал коллегам, поддерживал молодых талантливых авторов. Он был сыном своего времени, и сегодня идущие следом поколения воспринимают канувшую в лету Атлантиду по имени СССР в том числе и по его стихам.

Сергей Михалков был счастлив в детях и внуках. Они добились многого своими талантами, переняв от отца и деда правильные взгляды на жизнь. Приёмный сын Андрон Кончаловский вспоминал, как отец поддерживал его, передавая с лётчиками банки чёрной икры, когда он (без явного позволения со стороны властей) искал режиссёрского счастья в Европе и Голливуде. В СССР икру в то время можно было достать, в Америке же она стоила бешеных денег.

Лучшие стихи Михалкова вошли в школьные хрестоматии. Многие строчки, к примеру: «А у нас в квартире газ. А у вас?» обрели, спустя десятилетия, неожиданный, но актуальный смысл. Другие, этого же, сочинённого в 1947 году, стихотворения строчки: «А у нас сегодня кошка родила вчера котят» удивительно точно передают информационную атмосферу социальных сетей. И таких «странных сближений» в поэзии Сергея Михалкова великое множество. Истинный поэт всегда чувствует будущее.

Сергей ГУРЕЕВ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

О ТОМСКЕ

Что б ни писали исторически
О Томске в прежней суете,
Он русский центр географический
По широте и долготе.
Как бы сейчас его не мерили,
Обрезав с каждой стороны,
Какой он раньше был губернией?!
Почти шестая часть страны!
На севере дружил он с ненцами,
На юге уходил в Китай.
На Енисее с поселенцами
Он корчевал таёжный край.
Четыре века, как мгновение,
Во глубине сибирских руд
Храним тепло и вдохновение,
Терпенье и не скорбный труд.
Наш город – он живёт размеренно,
Не царь, не бог, не господин.
Вокзалов по стране не меряно,
Но есть любимый – «Томск-один».
И вот сегодня в новом качестве
Звучат знакомые слова:
В Москве есть томское землячество,
А в Томске – теплоход «Москва»!

РОДОСЛОВНАЯ

Не приучен наш народ
Быть с семейным древом.
Где мой корень? Чей я плод?
Из какого чрева?

Из которых я кровей,
Где вы, бабки-дедки?

В биографии моей
Не хватает предков.

Кто основу заложил,
По чьему примеру
Октябрёнком с детства жил,
Позже – пионером?

Ни с французским не знаком,
Ни с татарским игом.
Один дед был кулаком,
А другой – комбригом.

Не в моём роду князья,
Это безусловно.
Боже правый, кто же я?
Кто по родословной?

Кто создал моё чело,
Кто – семья и школа?
Или город и село?
Или серп и молот?

Не срастался я с Литвой.
Не братался с немцем.
Не прижился корень мой
С остяком и ненцем.

Нет в истории моей
И казацкой шири...
Неужели я еврей
Западной Сибири!?

Азиатом я не стал,
Европейцем – тоже.
Видно, аист заплутал
С моей тяжкой ношей.

Чахну я день ото дня,
Весь закис от грусти.
Может быть, нашли меня
В квашеной капусте?

Может, вышло так само,
Без семьи, без роду
На себе нести ярмо
Целому народу?

А ответ совсем простой,
Общий, а не личный –
Породил меня «застой»,
Скушав литр «Столичной».

Потому на всех похож
Я «системасиськи»
Среди наших милых рож
Нищенских, российских.

Потому который год
Под диктовку, внятно
Слово «русский» весь народ
Пишет в пункте пятом.

Я простой ингредиент
Всей советской хрени,
Как гнилой интеллигент
В первом поколении.

Даже выброшен за борт
Хромосомным грузом,
Я – прижизненный аборт
Бывшего Союза!

Вот и корчу сироту
От такой нагрузки.
Может, внуки прорастут
Среди новых русских?

Может Рак или Телец –
В смысле гороскопа –
Им поможет наконец
Выбраться из ж...?

январь 1995

СИБИРЬ

Сибирь – и соло, и созвучие,
Уже давно пишу в тетради я.
А как поёт, а как озвучена,
Когда она ещё и радио.

Что гвозди русские и пряники?
Про нас не меньше песен сложено.
Мы сами драть умеем драники
Не в «Доме-2», а как положено.

Не греют нас программы новые
И все фиглярочки-проводочки,
Сибирь всегда была здоровою,
Когда она ещё под водочку.

И с удивительной природою,
И с богатейшими запасами.
И с духом крепкими народами,
Не покорёнными «лампасами».

В Сибири с Ермака до Путина
Лихие люди и раздольные,
Уздой, Ордою не опутаны,
Когда они ещё и вольные.

Европам нужно лет до ста расти
Со всеми теми геморроями,
А мы с рождения до старости
Живём последними героями!

Живём до самоокупания,
И каждый раз – святое правило:
Сибирь – она всегда компания,
Когда теперь ещё и «Авиа».

Да что там, без понтов и гавриков
Мы звёзды рассыпаем веером.
А что у них штампуют фабрики,
Сродни шаблонному конвейеру?

Что нам – опять в портки и рубища,
Какая, к чёрту, антология?
Я б не тревожился о будущем,
Когда б ещё не экология.

Нет, господа, совсем негоже нам
Гулять по Англиям-Болгариям.
У нас здесь тоже унавожено –
Снега не белые, а карие.

И реки чем-то полноводные,
А можно и на горы пялиться.
Сибирь всегда была походною,
Когда она ещё под пятницу.

Четвёртый век – этап не маленький,
Уже по имени и отчеству.
А где-то там цветочек аленький
И Ломоносово пророчество.

И мы живём, желанья тиская
О нашей предсказанной участи,
Что прорастёт зерно сибирское,
А с ним российское могучество.

И это будет, без сомнения!
Пусть кое-кто кричит: «Уродина!».
Сибирь – источник вдохновения,
Когда она ещё и Родина!

январь 2002

Светлана УЛАНОВА

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

* * *

У моей кровати
Странные повадки.
В ней я засыпаю
И во сне летаю.

Дождик всех с утра замучил,
Загрустила Маша:
– Зацепилась, видно, туча
За антенну нашу...

Это чудесно, когда на окошке
Солнцу в глаза улыбается кошка.

За спиной у Ксюши ранец,
На щеках горит румянец,
Не играет Ксюша в куклы –
Ксюша учит в школе буквы!

В ЛЕСУ

Лиса

Поселилась на страничке
Ярко-рыжая лисичка.
Ходит к зайцам, птицам в гости,
А за ней пушистый хвостик,
Не нужны лисичке тапки –
Ходят тихо лисьи лапки.
И в лесу среди зверей
Не найти её хитрей!

Белки

Для обеда белочке
Не нужны тарелочки.

Не по вкусу им пельмешки –
Белки любят грызть орешки,
И живут не в тереме,
А в дупле на дереве.
Надо белок навестить
И орешком угостить.

Медведь

Знают взрослые и дети –
Очень любят мёд медведи!
Мёд на пасеке спрошу –
Всех домашних угощу!
Одного я не пойму:
Отчего и почему
Сладкий мёд не кушает
Медвежонок плюшевый...

Сова

– Что нахмурилась, Сова,
Разболелась голова?
Солнышко – для всех отрада!
Почему же ты не рада?
– Просто я ночная птица,
И ночами мне не спится:
Я на дереве сижу
И во все глаза гляжу.

Заяц

Кто там скачет на лужайке?
Это наш знакомый заяк!
Шубку серую надел...
Быть в обновке захотел.
Есть у зайчика секреты –
Он меняет шубку к лету.
Это только зайчик знает,
Где он шубки покупает.

Ёжик

Кто там ножками стучит,
Чёрным носиком сопит,
Глазки словно бусинки,
Сам такой малюсенький!
Он пришёл издалека,
Съел тарелку молока.

Но не взять его на ручки –
Есть у ёжика колючки.

НА ФЕРМЕ

Хрюни

Хрюни в лужице резвятся.
Как же им не замараться?
В грязи розовый бочок,
Ножки, ручки, пяточок.
Мама не ругается,
Мама улыбается:
– Нам для кожи, между прочим,
Эта грязь полезна очень!

Петухи

У курочки-наседки
Скоро будут детки.
Папа-петушок поёт,
Деток песенкой зовёт:
Где же вы, ребятки,
Славные цыплятки,
Жёлтые комочки –
Сыновья и дочки?

Козы

Козёл в козе души не чает.
Колокольчик ей вручает.
– Это, – говорит ей он, –
Наш с тобою телефон.
Ты подарок мой храни,
Будет скучно – позвони!
А коза кивнула:
– Бе-е!
Я уже звоню тебе-е!

Гуси

Гуси друг за другом ходят,
В тренировке день проводят –
Целый день идут гуськом
Наши гуси босиком.
И зимой суровой
Будут все здоровы.

ФРУКТЫ-ОВОЩИ***Ананас***

Для меня, тебя, для нас
К нам приехал ананас!
Это вовсе не игрушка
С хохолочком на макушке.
Ананасы там и тут
На деревьях не растут.
Ананас растёт на грядке –
Сочный, спелый,
Сладкий-сладкий!

Морковь

Оранжевую, гладкую,
Сочную и сладкую
Надо кушать зайчикам,
Девочкам и мальчикам.
Если хочешь подрасти –
Ты морковкой похрусти!

Лимон

Посмотри, какой лимон!
Не беда, что кислый он!
Много фруктов – он один
Самый главный витамин!
Солнышком согретый,
В дом приносит лето!
Лечит от болезней
Наш лимон полезный!

Тыква

Не играет с нами в прятки,
И сидит на нашей грядке.
Ростом очень велика –
Всем видна издалека.
Напиталась солнышка –
Сладкая до зёрнышка!
Это тыква наша!
Славной будет каша!

ТРАНСПОРТ***Трамвай***

Слышно мне: «Тук-тук, тук-тук!» –
Это рельсов перестук.
Я кричу: «Трамвай, привет!».
Прозвенел он мне в ответ:
«Ты прости меня, мой друг,
Это мой последний круг.
Еду рельсовой тропой
До трамвайного депо».

Подъёмный кран

Есть на стройке великан –
Это наш подъёмный кран.
Груз возьмёт его «рука»
И поднимет в облака.
Оглядит он всё кругом
И построит новый дом.
Дом большой – многоэтажный...
Кран подъёмный – очень важный!

Грузовик

Грузовик в жару и вьюгу
Привезёт песок и уголь.
У него огромный кузов,
Возит он большие грузы.
И меня катает тоже,
А стоит в моей прихожей.
С ним на улицу хожу –
За верёвочку вожу.

Автомобиль

Он не любит апельсины,
Он питается бензином.
Он наш самый лучший друг,
У него особый звук:
У него сигнал: «Би-би!».
Это наш автомобиль!
Подрасту – как папа, буду
На машине ездить всюду!

Ольга КОМАРОВА

КОНФЕТНЫЙ АНГЕЛ

* * *

Будь ты алмаз,
ты рассекал бы стекло,
и витражный мастер
строил бы миражи.

Будь ты графит,
ты бы писал на стене
или на белой бумаге
тексты длиною в жизнь.

Но ты – глина,
белая глина,
со следом башмака на щеке,
смятый кувшин.

Есть только шанс у тебя,
шанс у кувшина, –
стать дудкой Божьей
и, после Обжига,
петь для глубин
и вершин.

* * *

Сибирский негр Никита Зонов
шёл с перевязанным локтём,
на нём ушанка из бизона
и эспаньолка уголком.

Куда ты, шут, не брёл, но бредил?
Где звуки пробовал на зуб?
Почто ты ущелил соседа
и был с ним груб?

А шёл Никита в чисто поле.
И ударялся оземь там.
И соколом летел на волю,
ко всем стихам!..

ОРФИЧЕСКОЕ

триптих

1.

Ты спал и плакал сегодня во сне
о всех, почивших в чужой стороне,
о всех, проигравших в любовной войне
и просто – в войне.

Ты спал и плакал, и звал меня.
И я воскресала, твой зов храня,
и выносила тебя из огня,
и снова ты спал и плакал.

2.

Орфей оглянулся, –
и Эвридика тает...
Он выходит из ада
по каменистой тропке
мимо кустов шиповника,
сгорбившись от отчаянья.
Слёзы срываются с каменного
подбородка.
Ноги его крепки
в летучих сандалиях.
Руки крепки. Но лира
почти бесполезна.
Сквозь стену его плача
тенью бесслезной
ей не пробиться...
И Эвридика тает...

3.

Орфей, здравствуй.
Всё-таки ты бессмертен!..
Снова пришёл за своей Эвридикой?
Ищешь среди живущих,
не нашёл среди мёртвых?
Нет, эта мысль не кажется мне дикой.
Я вот тоже долго искала
своего Орфея.
Под землёй искала, в садах
и на Спящей башне...
У него – моя лира!

И, сердцем его владея,
я могла бы поведать миру
о чём-то непреходящем...
Но не нашла!..
Все мы – заложники мифа о доброй фее.
Ну, иди, ищи свою Эвридику.
А я останусь ждать своего Орфея
на этой поляне солнечной,
усыпанной голубикой.

МЫ, ТРОЕ

Девушка в шляпке
с бумажным цветком,
в платье в горошек
с приталенным пиджачком,
на велосипеде с дамским седлом,
с красною рамой: мама.

Дяденька плотный
с бритым лицом,
в косоворотке и босиком,
с засученными штанами,
в пиджаке с карманАми, –
держится молодцом: будет отцом.

В кокон спелёнутый
крупный младенец
с красным орущим лицом
на подоконник скатился яйцом,
пал и уснул, снул.
«Ах, потерялся!», – дом обыскался!..
Вдруг кто-то снизу сипло ревнул:
«Й-а-а! Й-а-а!» – я.

ГУ

Мне два года.
Я блондиночка,
белёсая, как лунь,
и живу в деревне Шаберды,
Удмуртия, июнь.
И мои босые лапки
по дороженьке пылят.

И гусей большое стадо
по дороженьке пылит.
Вдруг огромный белый Гусь
разогнал в деревне грусть.
Надо мною он взорлил,
Затрубил-заголосил,
приземлился на макушку!
Мол, нашёл себе подружку!
Вот попала я впросак!..
Вот же наглый ты, гусак!
Папа с бабушкой спасли:
Растащили, разнесли!

Это первая картинка
из двухлетия моего:
гусь поехал на блондинке,
Га-га-га и Ого-го-го!
Я, конечно, ни гу-гу,
не заплакала.
Только слёзки, у-гу-гу,
сами капали.

Ты мне память отворил.
Ты мне долю объявил:
Что со Звуком подружусь!
Губы. Гули. Гусли. Гусь!..

* * *

Красивый восточный грустный
мастер с грифом: «Женат»
творит в своей будочке узкой,
а рядом сидит жена.
Она и заказ ваш примет,
И цену укажет, и срок.
И от себя накинёт,
коли каблук высок.
Красивый восточный мужчина
глянет из-под бровей...
Дал ты мне, господи, сына...
Дай ему жён добрей...

* * *

А время – уходит.
Стихи остаются.

В них плачет любовь
в небо посланной птицей.
И девочка плачет,
и плачет старушка.
А мальчик играет
с серьёзной игрушкой,
с серьёзною миной,
с небесною ратью,
играет, играет,
не наиграться...

* * *

Смысл найдёшь спозаранку,
кинь же пятак под пятку.
А умирать рано,
да и не ново, так-то.

Время великой битвы
чёрного ветра – с белым.
А на арену рвётся
ядерная королева.
Так что лежим – тихо,
молимся, чтобы мимо
прогрохотало Лихо,
протелепала мина.

* * *

Снайперы снимут сапёров.
Наши – их.
Ночью ползут минёры.
Танк – стих...
Жухнут сады окраин,
стонет-стынет земля.
Кто в этой битве крайний?
Ты. Я.

* * *

Этот удар пропускаем, сердце.
Сердце, молчи.
Мимо проходит не Он,
только его лучи.
Нимб его.
Пламя его вокруг ног.
Сердце пушистое,
как эдельвейс-цветок.

С пальцев стекают синие
ёжики – нити огня...
Ты ли, любовь моя, – снова –
мимо меня?

Теперь уже поздно.
Теперь уж иной свет
примет в объятья там,
где пока нас нет.

И всё же, тебя провожая
взглядом прощальным
в земной путь, –
будь, говорю я, любимый мой,
будь!..

* * *

Часовой механизм повреждён.
Время битвы есть время бойни.
На вершине вращения времён
я сажу под часами без боя.

КОНФЕТНЫЙ АНГЕЛ

Памяти Виктора Малинина.

Ты приходил походкой ветреной –
прожжённый солнцем капитан, –
и угощал меня конфетами, –
и прочих дам...

Ты брал гитару, – струны плакали, –
и голос, дребезжа, летел, –
мужики, бывалоча, крякали,
когда ты пел.

А пел – о долюшке – судьбинушке,
об участи земной,
да о заре, заре-малинушке,
да о земле, земле родной.
И вот уходишь, не простившись,
«В поля, на волю, на простор»,
конфетный ангел, много пивший,
битюг усталый,
ветер гор.

Александр Муленко

КОРОЛЕВСКОЕ СЕРДЦЕ

экологическая сказка

«И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да ещё писателя? А ещё обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне всё кажется и мерещится, что всё это могло случиться действительно...»

Из рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке»

1. На Большой Аккемской горе

Повсюду стелился смог и таял снег...

Пролетая над миром, Снежная Королева заметила, что на Большой Аккемской горе, где она отдыхала во время далёких странствий, появилась новая трещина. Какая-то теплота надрубила ледник, и его язык таял сильнее обычного. Бурлила вода, перекатывая тяжёлые камни. Подвинулся оползень, прихваченный к склону морозом несколько дней назад. Волшебница удивилась. Вся её недавняя работа пошла насмарку. «Я ошиблась в расчёте стужи», – смекнула она и погнала своих коней в чертоги острова Шпицберген, чтобы вернуться с холодным ветром.

Дымили заводы. Чадили машины. Гремели войны. От острова оторвался айсберг, поднявший кучу брызг. Когда из мира уходит волшебная сила, становится горько, и вековые льды тогда размягчаются от слёз. Уровень моря поднимается всё выше и выше. Это опасно. Чтобы всемирный потоп не повторился, нужно не плакать, а трудиться. Так обучали в школе морозного ремесла.

Со свежим северным ветром волшебница примчалась обратно к зияющей трещине ледника и предотвратила его разлом. Попутно спасла от гибели двух неосторожных котят снежного барса – «ирбисок». Она подхватила их перед самой пропастью, куда они катились по склону, покусывая друг друга, выясняя, кто из них сильнее и старше.

2. Плакса

Эта история произошла накануне Нового года в центре нашего Королевства – в его столице. Все малыши из приюта ушли на Главную Ёлочку страны за подарками, а Леночку не взяли.

– У тебя насморк, – строго сказала нянечка.

За окошком бегло мерцали разноцветные уличные огни, стреляли хлопушки. Леночке казалось, что ликует весь мир. Было обидно. В обед бессовестный Димка отобрал у неё яблоко и съел. Когда она рассказала об этом повару, Дим-

ка не на шутку рассердился и обозвал Леночку некрасивым словом. Так ругаются пьяные дяди во время драки. Мальчишка кривлялся, угрожая девочке кулаком из угла, в который его поставили взрослые. Лена расплакалась. «Рёва-корова», – дразнились дети.

– Ты много хныкала нынче, – добавила нянечка, одевая их на прогулку. – Простынешь ещё на улице, отвечай за тебя.

В довершение ко всему вечером дежурившая в приюте вахтёрша подумала, что малыши вернутся домой накормленные печеньем и ужинать не будут. Она съела их кашу. Этой ленивой женщине тоже хотелось чего-то бесплатного от страны. Когда упитанная сторожиха уснула, забытая всеми Леночка тихо оделась и, чтобы не разбудить храпевшую даму, двигаясь на цыпочках, осторожно покинула приют.

Скоро она нашла каток и увидела небольшую ёлочку, покрытую гирляндами. Разноцветные лампочки загорались и гасли попеременно. От этого казалось, что огоньки бегают друг за другом, играя в пятнашки. Сверкая, вертелись блестящие шары. Гремела музыка. На льду танцевали артисты. Каждый второй из них был Дедом Морозом. Молодцеватые волшебники катались около ёлочки на коньках. Раскачивая мешками, они извлекали из них игрушки и дарили их детям. Зрители дружно хлопали в ладоши. Это было доброе представление, за которое хорошо заплатили родители малышей, получивших подарки. Леночка тоже аплодировала артистам, но ни один дедушка так и не подъехал к ней, и ни одна Снегурочка не угостила конфетой.

3. Справедливость

Седой генерал из королевской охраны торопился в новый зеркальный замок, куда ожидали на праздник великих гостей. Он знал, что министры и магнаты появятся к полуночи, к бою часов. Но ранее приедут артисты, спортсмены и иные шуты из королевской гильдии, чтобы до утра развлекать славословием всю страну. Генерала ожидала нелёгкая служба. Проезжая на джипе около ёлочки, где ещё недавно дарили детям подарки, водитель резко затормозил. Из-под колёс на обочину кинулась бедно одетая девочка. Ползая на коленках, она увлечённо собирала фантики от конфет и не сразу заметила подъезжающую машину. Строгий генерал приказал шофёру остановиться, открыл окошко.

– Ты чья? – спросил он у девочки.

Леночка испугалась и, заикаясь, рассказала о том, как Димка её ограбил.

– Нужно было доложить об этом старшему воспитателю.

– Я доложила...

– И что же?

– Нянечка поставила Димку в угол...

– А яблоко-то он вернул?

– Он его съел и пообещал меня прибить этой ночью, потому что я – сука.

– Вот что, девочка, через час я буду на балу у короля – в самой верхней инстанции страны, и доложу о тебе... Садись в машину!

Да призадумался. По инструкции необходимо было девочку отмыть от вся-

кой грязи и сделать ей министерский анализ крови, но это было невыполнимо. Главную королевскую поликлинику закрыли на выходные.

У въездных ворот генерал приказал Леночке дожидаться его «во что бы то ни стало», а охране: «не прогонять эту девчонку далеко от дворца».

– Я обязательно разберусь, справедливость восторжествует, жди яблок.

С этими словами он исчез за кремлёвской стеной.

4. Гильдия короля

Король был в хорошей форме. Он всегда в хорошей форме.

– Дорогие друзья! – начал король свою праздничную речь. – В канун Нового года мне радостно принимать гостей в новом сказочном замке, построенном из уникального материала.

Всю жизнь Король следил за собой. Через тонко пошитое бельё светилось его спортивное тело – мускулистое, гибкое, стройное – привлекательное для женщин и юнцов, посвятивших себя физкультуре и спорту.

– Нам удалось найти и собрать воедино уцелевшие осколки Волшебного зеркала, неосторожно разбитого учениками Великого Тролля. Из них мы построили замок.

Залпом ударили фотовспышки.

– Немало осколков лежало без дела за рубежом. Но в суровый для королевства час мои магнаты не поскупились, и сегодня страна накануне великих свершений. Мы выкупили осколки. Через эти стены видно в радужном свете всю нашу жизнь.

Седой генерал оказался около короля и поведал ему о девочке, у которой сегодня отобрали яблоко и манную кашу.

– Нет ли у нас для неё гостинца? – спросил старик.

– Это не предусмотренная бюджетом статья, – отрезал король.

– Мы совсем не печёмся о детстве.

Глава государства подошёл к зеркальной стене. Её амальгама на время растаяла, делая стекло прозрачным. По ту сторону замка цвели ромашки. Леночка держала в руках три спелых яблока.

– Она? – важно спросил король.

– Как будто она... Но, Ваше величество, стена искажает правду. На дворе-то – зима.

– Ишь ты, какой марксист оказался, – рассердился король, – мараешь тут пол, понимаете ли, и портишь людям праздник. Измена!.. – заорал он. – В каталажку его! В «нулёвку». Лишить его пенсии и наград!

Молодые охранники ретиво налетели на бывшего шефа, надели ему наручники, намяли бока. Громко ударили куранты, грянула музыка, артисты пустились в пляс.

5. Мамка нашлась

Чтобы ходоки за правдой не оставались без крыши над головой, около замка построили гостиный домик из льдинок. Но в ту самую праздничную ночь какой-то пьяный неаккуратный водитель его разбил. Домик рассыпался, об-

нажив гирлянду из трёх маленьких лампочек. На его развалинах сидела Леночка в ожидании справедливости. Лампочки излучали тепло. Первую девочка долго гладила рукавичками, грея руки. Ей пригрелось большое яблоко, отобранное Димкой. Глядя на вторую, она подумала, что это нарядная куколка, которую заведующая приютом прячет в кладовке от лишних глаз, а третью лампочку Леночка положила на кофточку около сердца: «Это маленький рыжий котёнок, живущий в подвале». Как-то она его погладила во время прогулки и получила нагоняй от воспитательницы, но трепетное тепло животного было едва ли не самым лучшим воспоминанием в жизни – мамки она не знала. Леночку принесли в приют в корзинке какие-то люди, обнаружив в лесу. Когда генерала лишали пенсии и наград, как по тревоге привратник заглянул в монитор. Ему показалось, что девочка хочет себя убить электрическим током. Он отключил рубильник, питающий гостинный домик.

Пролетая в эту минуту рядом, Снежная Королева почувствовала озноб. Кони остановились. Новый дворец был холоднее шельфовой льдины.

– Эй, государственные мужи, – крикнула Королева. – Девочка умирает.

Над воротами замка вспыхнула надпись: «Приём по семейным вопросам проводится после предварительной записи в Департаменте социальной защиты каждый четверг с 16 до 17 часов». Снежную Королеву прошиб нездоровый пот. Впервые в жизни она рассердилась и стала трясти железную дверь. Но та не поддавалась. Отрывая свою прилипшую руку от дьявольского металла, Волшебница увидела на ней кровь. Она сочилась из-под надорванной кожи пальцев. Холодное мастерство Королевы оказалось теплее стены, из-за которой доносилось ядовитое ликование троллей. Удручённая женщина поглядела на девочку, обняла её. Леночка открыла глаза.

– Это твои лошадки? – спросила она.

– Мои, – ответила Королева.

– А есть у тебя котёнок?

– Их даже два – ирбисы.

– Они такие же тёплые, как и ты?

– Горячие, дочка...

– Можно я их поглажу?

– Конечно... Мы их увидим через несколько минут.

Как же не таять льду от соли человеческих слёз? Мечта Королевы осуществилась. Её приёмную дочку Леночку-йети можно увидеть в Катунских горах. Она выполняет ответственную работу – спасает беспомощных бабочек и букашек. Ветер заносит их на снежные склоны. Девочка собирает полумёртвых насекомых в большую банку и уходит с ними на разнотравье – в долину, где эти букашки оживают и опыляют цветы. Рядом с нею два барса – два тёплых друга. Они безобидны и добры...

Ольга Аникушина

ЖЕМЧУЖИНЫ

Миха шёл к деду, сшибая палкой лес крапивы. Пыхтел, рубил сплеча, рычал:

– Так тебе! Гадюка рыжая – язык поганый! Глаза таракит! Ведьмачка! Сгнилых болот жабонЯ пучеглазая! Ишь, строит, как своего.

Босые ноги загрубели за лето, но ядрёная трава жгла огнём, впивалась как тусом. Мальчишка бубнил себе под нос:

– Ну и хорошо! Ну и пусть, – безжалостно растирал пятками до сока ни в чём не повинную зелень. И снова входил в раж, вспоминая мачеху:

– Чтоб ты свой хвост покусала и сдохла, гадюка. Нашла телкА! – Пацан яростно вгрызлся в зелёную волну, – учителька треклятая! Так тебе! Получай, стервь! – За ним сразу плотно смыкалось жгучее море, но он не замечал. Пусть! Разве это боль? Злоба внутри была крепче:

– Своих заведи, дура, и на верёвке их води перед людьми! И этот тоже: под её дуду пляшет. Бабий каблук. Давай-давай!

* * *

Дед жил недалеко – огурцом докинуть. В два шага долететь по просёлочной дороге. Но Мишка решил пройти задами огородов. Пар выпустить, а уж потом идти к дедуне.

Деда Матвей не поощрял ни нытьё, ни жалобы, ни другую слабость. Морской волк в отставке. Покачала его жизнь на волнах. В молодости бороздил африканские воды, бывал в Индии, Индонезии, Японии. Но это только так называлось «побывал»: на берег почти не сходили, не положено.

В последние годы службы Матвея Ивановича забросили на Дальний Восток, в Охотское море. Ну а пришло время, и списали вместе с его «Смелым». Лет пятнадцать назад это было. Что делать? Поехал проведать сына. Зашёл в деревню, да так и остался: бросил якорь на берегу Амура, аккурат между двух сопок.

Флотским друзьям с тёплых морей Матвей Иванович по телефону хрипел в трубку:

– Нет, ты меня в пехоту не записывай! Был морским волком, стал дальневосточным красным: буанзу, водятся здесь такие.

– ??

– Да, моя «родня». Ни человек, ни жизнь за рыжий хвост не схватит.

Седая шевелюра и правда отливала былым медным огоньком.

* * *

Случай был в первую школьную осень Мишки: как-то ввалился он к деду чумазый, в рваной футболке, с расквашенной губой.

Вечером после баньки он сидел рядом с дедом, пил липовый чай и признался довольным голосом:

– Ванька берега попутал. Рыжим обозвал, ну я его по сопатке двинул.

Дед рассмеялся:

– Тебя похвалили, а ты кулак об доброго человека зачем-то шлифанул.

Внучок не ожидал такого поворота, и хлопал на деда широко открытыми глазами:

– Обозвал ведь.

– Не обозвал, правду сказал. А сильные что с правдой делают? Держат как награду: достойно, какая бы тяжёлая ни была. А Ванька с тобой не тяжестью поделился, а радостью. – Дед замолчал, промокнул лоб полотенцем и стал слушать, как банная истома медленно бродит по телу.

– Какой радостью? – Мишка хотел понять, куда дед клонит.

– Мы – рыжие – особая порода. Приметные. Выделила нас жизнь. А почему? Потому что любит, – он провёл рукой по молодой солнечной макушке.

– Вот Ванька твой это и увидел, что судьба фору тебе подогнала. Давай «краба». Мальчишка протянул ладонь и внимательно слушал, примеряя новость на себя.

– Смотри. Обшили медью нас, как паруснику днище, – дед загнул мизинец, – это раз. – А что это даёт? Посильнее других будем. Нас голыми руками не возьмёшь, дерево такое не подточить короедом, – загнул безымянный, – два! Зараза никакая не пристанет, – моряк собирал уверенность внука в твёрдый кулак. – Ход супротив других намного лучше, – три. Мощнее мы, понимаешь? Такое судно заранее тактически выигрывает бой, – четыре! Нас издали видно, что мы – огонь! Вот жизнь людей вокруг и предупреждает, с кем они имеют дело, с какой силой, – это пять! Так что не забывай про парусник внутри. И рогом шевели, кумекай: когда ставить стаксель, штормовой парус, а когда лучше убирать его и отдать плавучие якоря. Лови попутный ветер. За рифы Ванькины не цепляйся, своим курсом иди.

– А на другой руке расскажешь про рыжих?

– На другой руке ты мне сам расскажешь лет через двадцать. Понял?

– Понял.

– Ну вот и хорошо.

Любил Мишка эти разговоры с дедом. После них любой шторм штилем становился, а детская душа шла попутным ветром на всех парусах.

* * *

Отец и сын жили бобылями долго. Невестка померла в родах одиннадцать годков назад. Мишку нянчили на пару. Соседка Клава, мать многодетного семейства, помогла с мальчонкой, – выкормила вместе со своим девятым. И бежал теперь Миха упитанным розовощёким кабанчиком по деревне, как юнга на корабле: везде свой.

И вот нагрянули перемены. В прошлом году из района прислали новую учительницу. Рыжеволосый командир в юбке сразу пришёлся по сердцу семье Фёдоровых. Людмила Борисовна смело заступила на семейную вахту. Никто особо не сопротивлялся «Лисёнку». Никто, кроме Миши.

Откуда ни возьмись, вместе с ней пришёл контроль. «Вольный ветер поймали в клетку, – так чувствовал мальчишка. – Шаг не ступи без её ведома. И постоянно всё ей не так».

Всё чаще внук сбегал ночевать к деду. Не задалось – не заладилось. Вот и сегодня нашла коса на камень.

Мишка прорвался через заросли крапивы к тропе, что вела к озеру. Замахнулся и запульнул палку далеко, как мог. Скинул всё с себя и вошёл в воду, резко присел и поплыл размашисто. Только в озере почувствовал, как тело горит от крапивы. Полежал на спине, глядя, как затихает вечернее солнце, унося и его злой пожар. Нырнул ещё несколько раз. Всё, теперь можно и к деду на глаза. Остыл.

* * *

Дед ничего не спрашивал. Сидел на кухне у окна, очки торчали поверх седого чуба, сверкали тусклым биноклем. За ухом карандаш примостился. Матвей Иванович поглядывал на шахматы, над ходом кумекал. С другой стороны стола на доске остывала чугунная сковородка с островком аппетитной жареной картошки с салом и яичницей. Для Мишки. Выходит, ждал. Дед глянул мельком:

– Молоко достань. Плесни мне полстакана.

Мишка ел и поглядывал, как дед вяжет шарф вслепую. Нитка тянула клубок, тот подпрыгивал в кастрюле на полу, – чтоб никуда не убежал без спросу.

– Деда, кроме тебя в деревне никто из мужиков не вяжет. Это ж девчачье дело.

– Глупость не морозь, – дед ухмыльнулся, – те же узлы, только не морские, а сухопутные. Я ими дорогу на сушу вязал. Море – оно ведь терпение любит испытывать. А дело? Есть только одно женское дело – рожать. А остальное – человечье дело.

Мишка вспомнил беременное пузо мачехи. Будто арбуз носит. А батя над ней квохчет. Вспомнил, нахмурился и отмахнулся.

Картошку так вкусно только дед жарил. С молоком – песня. Миша доел и понёс сковородку с ложкой к раковине, буркнул, не поворачиваясь:

– Останусь?

– Оставайся.

– А расскажешь?

– Чего рассказывать-то?

– Про море. Как спас Иошито.

– Японца? Да что рассказывать-то? Нёс вахту после шторма. Ты же знаешь всё. Случайно его заметил. А капитан скомандовал: «Шлюпку за борт».

– И всё? Ты по-другому говорил.

Дед отложил вязание, задёрнул занавески и пошёл в сторону баталерки – кладовой. Вернулся с небольшим туеском, величиной с ладонь, и поставил на стол.

– Что это?

– Кисет японский.

Дед Матвей посмотрел на внука из-под кудлатых седых бровей:

– Только, чур, никому.

– Никому, – заговорщическим эхом повторил Мишка.

Дед открыл шкатулку и аккуратно вытряхнул на ладонь три камушка вытянутой формы. Они переливались: два были чёрно-зелёного цвета, и ещё фиолетовый. Мишка завис над ладонью:

– Похожи на зубы большой рыбы. Что это?

– Почти угадал. Жемчуг.

– Нет. Жемчужины круглые, а это палочки, – возразил внук.

– Это самый дорогой жемчуг в мире: зубья «морского ушка». Сокровище.

– Чьё ушко?

– Моллюск такой. Держи.

Мишка взял перламутровые драгоценности и рассматривал их в свете лампы:

– Откуда они, деда?

– Иошито подарил. В благодарность за жизнь. Настоящий морской жемчуг.

Дикий.

– А какой ещё бывает?

– Разный. Его теперь на фермах выращивают.

– Как дядя Паша – коров? – хохотнул мальчишка.

– Нет. Прямо в море. Про это и хотел сказать. Чтобы вышло что-то путное из этой затеи, перво-наперво делают большие металлические клетки. Это самое главное. Иначе не видать никакой драгоценности.

Миша слушал, не сводя глаз с морского чуда. Сколько лет дед хранил их, и ни разу не показывал. А тут... С чего бы это?

– Понимаешь, клетка нужна, чтобы защитить малышей от нападения осьминогов, морских звёзд и других врагов.

– А потом?

– А потом, когда они подрастут за год, им подселяют зёрнышко перламутра, которое очень мешает и не нравится. И возвращают в море. Они ворчат, возмущаются, пытаются выкинуть, прогнать его из своего дома, но ничего не выходит. А вот когда они смиряются, начинается самое чудо.

Мишка внимательно слушал, а дед Матвей продолжал:

– «Морское ушко» начинает оборачивать шершавую песчинку самым ценным, что у него есть. Покрывает её перламутром слой за слоем. У них всё, как у людей: не каждый может принять новое. Да ещё сделать из помехи драгоценность. Треть неизбежно погибает.

– Почему?

– Из-за самолюбия, наверное. Говорю же, всё как у людей. Только сильные сердцем могут из неприятности сделать красоту. Зачем вечно страдать, что песчинку тебе подкинули? Пустое. Наверное, жизнь дана, чтобы каждый свою жемчужину вырастил, любую неприятность принял и в добро переиначил. Понял?

Мишка молча кивнул.

Дед раскрыл кисет:

– Давай положим на место. Придёт время, и ты подаришь невесте перстень с самой дорогой жемчужиной.

Мишка набычился:

– Не будет никакой невесты. Мне и так хорошо.

– Будет. Если, конечно, захочешь узнать, что такое любить не только себя...
Пошли спать. Поздно уже.

* * *

Миха лежал в темноте и смотрел, как танцуют за окном на ветру тени деревьев. Кожа горела крапивным пожаром.

Сон подкрался, и замелькали перед глазами мокрый японец, еле живой, жемчужины, морские глубины, металлические клетки.

В одной из них сидел Миха, в другой – папа со своей любимой лисичкой с огненным хвостом.

Вдруг в клетку к Михе кинули арбуз и затолкали лису. Она превратилась в Людмилу Борисовну и строго посмотрела, достала указку. Он выскочил, за ним погнался осьминог, трогая противными щупальцами. И никто не мог его выручить: ни папа, ни мачеха, как ни старались.

Внезапно появился дед и посмотрел на осьминога, как на цепного пса Полкана. Тот обмяк, уменьшился и стал ластиться к деду по-собачьи. Сделался совсем ручным.

Потом долго плавали всей семьёй от клетки к клетке и набрали полную сковородку жемчуга. И счастливые пошли домой. Папа нёс арбуз, лиса вокруг бегала. Деда шёл рядом. Мишкина рука утопала в его горячей шершавой ладони. И на душе было прозрачно, светло и хорошо.

ЖУРНАЛИСТ, ПОЭТ, КРАЕВЕД

30 ноября – день памяти Павла Петровича Сухачёва (1930–1993), почётного гражданина города Асино.

Александр Сухачёв

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

Каждый человек сам себя воспитать должен – ну хоть как я, например, – эту фразу в «Отцах и детях» Тургенев вложил в уста Базарова. А чем плохо – Делай, как я!

Вот такими простыми принципами руководствовался отец в моём воспитании. Тем более, с частыми сменами адресов и населённых пунктов, за десять лет обучения мне пришлось сменить пять школ, плюс постоянные командировки, особо-то на ниве воспитания детей и не разгуляешься. Но главное вложить постарался – честность и порядочность.

Павел Петрович Сухачёв родился в селе Ново-Кусково Асиновского района Томской области 26 марта 1930 года. А в 1937 году его отца и моего деда – Георгиевского кавалера II степени Сухачёва Петра Александровича по надуманному обвинению арестовали.

Последнее, что у Павлика осталось в памяти – телега, на которой сидит его отец с несколькими товарищами по несчастью, сзади и впереди телеги едут вооружённые конвоиры. На просьбы разрешить хоть бы проститься – вниманья ровно ноль. Они с Мишей Чернышовым добежали до околицы села, помахали ручонками вслед. Больше отца он не видел, а день ареста Петра Александровича – 22.08.1937 запомнил навсегда.

В октябре 1937 года бабушке выдали справку, что муж отбывает срок – десять лет без права переписки на севере Томской области, в Колпашево.

Печать, подпись на документе имелись, она и поверила. В начале лета 1938 года собрала передачу и отправилась на свиданку. На барже.

Местные чекисты ей наплели про полную невозможность осуществить её намерение ввиду тяжести преступных помыслов осуждённого, от которых он и не подумал отказаться. Так что, конечно, дабы не усугублять его положение, бабушке надлежит валить по-тихому отсюда домой и надеяться. А на кого? Товарищи глубокомысленно простёрли пальцы вверх.

Что надеяться больше не на кого, стало ясно зимой 1942 года. Семью почтой известили о смерти Сухачёва Петра Александровича в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) от крупозного воспаления лёгких.

На самом деле деда расстреляли 25.09.1937.

Нашему правосудию понадобилось двадцать лет, чтобы разгрести горы лжи в отношении Сухачёва Петра Александровича:

04.06.1957 военный трибунал Сибирского военного округа Сухачёва Петра Александровича полностью реабилитировал. Вернул доброе имя. Поздно? Да, поздно. Ну что ж, во все времена, и наше не исключение, чести и достоинству изрядно достаётся в драках с человеческими пороками.

В общем, с четвёртого класса Сухачёв Павлик рос самостоятельно. В деревне кривых и скользких дорожек поменьше, чем в городских трущобах, поэтому и шансов оказаться на них тоже заметно меньше, но при желании исковеркать судьбу – дело вполне плёвое.

Но блатной романтикой, с перспективой проехаться по тундре, по широкой дороге по направлению в Магадан или Воркуту, отец не увлёкся.

То ли время было такое тогда, то ли такой характер у отца случился, но он не сломался под увесистыми ударами судьбы.

А взвалил на худенькие плечи мужские заботы по дому, пахал, как папа Карло. Вот как он сам делился воспоминаниями о детстве:

Пришёл из школы я домой,
Запряг корову в сани.
И, взяв с собой пилу, топор,
Поехал за дровами.

Я часто думаю, ну вот откуда у него взялась эта тяга к творчеству?

Крестьянская семья, семья переселенцев из Воронежской губернии, так что за примерами добросовестного отношения к труду далеко ходить не надо. Но в стихосложении, согласитесь, топор и пила если и помощники, то совершенно слабые. А увлечение рисованием? Ведь он серьёзно мечтал поступить в художественное училище.

Но то ли клеймо сына врага народа перевесило дарование, то ли дарование и вправду не дотягивало до талантливости.

В общем, с живописью не сложилось. Посему, закончив семь классов в 1946 году, отец поступил учиться в Томский политехникум, овладевать специальностью техника-механика.

И вот ведь как бывает: на той же Соляной площади, только в Томском инженерно-строительном институте с 1973 года постигал азы профессии инженера-строителя уже и я.

После окончания учёбы отец работал по специальности в Красноярском крае. Затем служба в армии. Его призвали в октябре 1950 года.

После армии, в ноябре 1952-го, отец вернулся в колхоз. Работал автомехаником. Тогдашний заведующий Ново-Кусковским клубом Юрий Барков, зная о его склонности к стихосложению, нет-нет да и «мобилизовывал» его для написания сатирических частушек на местные темы для новогодних концертов.

Надо сказать, что эти частушки в исполнении участников художественной самодеятельности пользовались немалым успехом. И как правило сопровож-

ждались дружным хохотом зрителей. И дело здесь было не в каких-то их литературных достоинствах, а опять же – в содержании.

Ведь критиковались конкретные люди за их конкретные, не очень благовидные деяния, хорошо при том известные односельчанам. Звучит, например, такая частушка:

Серафим всё жил да жил.
Начал церемониться.
И теперь в который раз
Он с женой разводится.

Перепополненный зал старого тесного клуба сотрясается от хохота, а самому «имениннику», сидевшему тут же, естественно, было не до смеха.

В Ново-Кусково отец встретил свою будущую жену – Марию Алексеевну Мизгиреву, мою маму.

У неё детство совсем не задалось, а испытаний выпало на долю – врагу не пожелаешь! До 1934 года Мизгиревы проживали в деревне Лодейка недалеко от города Великий Устюг, что в Вологодской области. Семья большая, чтобы прокормить пятерых детей, приходилось много работать. Мать умерла, и отец снова женился, потому как одному справляться с детьми и хозяйством было трудно.

Вскоре началась коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Мизгирева Алексея Осиповича раскулачили в 1934 году. Наверное, у местных активистов план по раскулачиванию горел, вот и попал в число кулаков многодетный отец. Маме в то время было всего шесть лет. Её папу сослали в Плесецк Архангельской области, где сейчас военный космодром.

А пятерых детей, от которых сразу же сбежала мачеха, отдали в детдом. Нравы среди воспитанников мало отличались от шкидовских, только своего Макаренко не оказалось. Потому принцип – кто не успел, тот опоздал реализовывался повсеместно, старшие обирали малолеток, такой вот естественный отбор. Ко всему привыкает человек? Мама помаленьку и попривыкла, и приспособилась, а с 14 лет в Кичменгско-Городецком районном мельничном управлении начала работать. Как бы дальше сложилась мамина судьба – трудно сказать. Ведь уже шла война. Но – нечасто, однако бывает, вдруг у судьбы кончается чёрная краска, становится нечем малевать чёрные полосы, образуется белая прогалина.

С фронта вернулся её старший брат – Иосиф Алексеевич Мизгирев, вернулся, получив тяжёлое ранение, в результате остался без руки. Подлечился, нашёл сестру, и они уехали в Томск, где мама поступила учиться в педучилище. По окончании её распределили работать в Ново-Кусковский детский дом. Теперь она уже рисовала белые полосы в жизни малышни, во всём заменяя тем родителей.

И вот ещё интересный факт – две родные мамыны сестры – Клавдия и Лидия – тоже всю жизнь проработали учителями. Не озлобились сами, в детстве нахлебавшись лиха, а наоборот, всё делали для того, чтобы их лихо больше никому не перепало.

Когда я смотрю сегодня фотографии, то просто поражаюсь, сколько же маленьких ребятишек сначала выводили палочки, потом буквы, потом складывали буквы в слова под диктовку первой в их жизни Учительницы, моей мамы.

И дед, и мама репрессированы на основании Постановления ЦИК и СНК СССР. В 1934 году их в административном порядке необоснованно выслали за пределы района.

Реабилитировали на основании ст. ст. 2 и 8 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

У обоих моих родителей начало жизни не сильно задалось. Но судьба подарила шанс на перемены, и они его использовали. В 1953 году состоялась их свадьба.

Что ж, а я продолжу про отца. В 1956 году «Причулымская правда», редактором которой был в то время Иван Лукич Семёнов, объявила литературный конкурс среди местных авторов на лучший рассказ, очерк, стихотворение. Победителям были обещаны первая, вторая и третья премии в размере соответственно 300, 200 и 150 рублей теми, старыми деньгами.

Отец решил поучаствовать. Быстренько сочинил три стихотворения в юмористическом духе, которые назывались «Тётка Дарья», «Шоферам», «Нахлебник».

Все они были опубликованы. А при подведении итогов конкурса Сухачёву Павлу Петровичу присудили первую премию.

После первой публикации его стихи довольно часто стали появляться на страницах «Причулымки». А вскоре и в областных газетах.

Тем временем Иван Лукич начал нацеливать отца и на чисто газетные материалы. И как-то незаметно, ненавязчиво сделал из него довольно активного селькора. На страницах «Причулымки» наряду со стихами стали появляться его зарисовки об односельчанах, деловые корреспонденции на разные темы.

Стал бы отец журналистом-профессионалом? Не знаю.

Думаю, во многом выбор отца предопределило знакомство с Вилем Владимировичем Липатовым, который в январе 1958 года приехал в город Асино и проработал заведующим отделом писем и культуры в районной газете «Причулымская правда» по май 1958 года. Посиделки в редакции, неспешные разговоры за чашкой чая и не только (в основном, и не только), вот так отец получал бесценные мастер-классы от будущего классика. Нрава, как и у него, непокладистого. Уловил некое родство душ.

Да и как, собственно, оказался будущий мэтр в Асино: его выгнал из областной газеты «Красное знамя» редактор Владимир Кузьмичёв – не за ум выгнал, не за таланты, а за неумеренное как раз веселье. Иными словами, за пьянку.

Липатов приехал в Асино. Работал в газете, пить и дебоширить стал заметно меньше. Прослыл мастером очерка.

К тому времени стали публиковаться в московских журналах его рассказы, вышла первая книжка.

Асиновская ссылка посему быстро закончилась, и Виль Владимирович вернулся на малую родину, в Читу.

А отец понял: не боги горшки обжигают, поэтому в 1959 году и принял приглашение стать штатным сотрудником газеты «Причулымская правда».

Так одним литсотрудником в газете стало больше, увлечение переросло в профессию. Через некоторое время в асиновской журналистике и дебютировал неравнодушный и увлекающийся человек.

Приведу выдержки из писем Липатова отцу:

Дорогой Павел! Знаю, что ты всё-таки стал газетчиком, и очень рад твоему решению....

Год назад я писал тебе огромное письмо. Это было тогда, когда в «Крокодиле» появилась заметка за твоей подписью. Я прочёл её и написал на адрес колхоза «Комсомолец», но ответа не получил....

Ты, вероятно, прав, когда говоришь, что трудно писать об Оби, сидя в Чите. Именно поэтому в апреле я приеду в Томскую область месяца на три. Командировка уже решена Союзом. Приеду в Асино. Сядем на полторку и махнём в «Комсомолец».

Вот будет-то здорово! По Томской области соскучился страшно... Хочется выбраться в тайгу и ходить по ней сутками. Одним словом, жду не дождусь встречи с Томском. Привет всем моим знакомым. Обнимаю. Виль.

Хотя вырваться из колхоза оказалось не совсем и просто.

Сначала отец попытался уволиться по-хорошему. Пришёл с заявлением к председателю А надо сказать, отношения у отца с ним были далеко не лучшие.

Согласитесь, мало кому нравятся критические выступления в свой адрес на твоём же отчётно-выборном собрании. Что называется – поискать охотников надо.

И вдруг этот критикан вознамерился уйти из колхоза. И не в какую-нибудь шарашкину контору, а в редакцию! Мыслимое ли дело!

В общем, председателя такой вариант никак не устроил.

Короче говоря, дорога в редакцию отцу оказалась перекрытой. Правда, несколько позже он всё же ушёл из колхоза. Причём вполне легальным путём.

Воспользовался тем, что после двухмесячной офицерской переподготовки место его оказалось занято. А требовать восстановления в должности он не стал. Хотя имел на это полное и законное право. На том с колхозом и расстался. Можно сказать, полюбовно. Но теперь в редакцию попасть не удалось, поскольку там не было уже вакансий. Пришлось поработать в автороте.

Но весной 1959 года Иван Лукич опять пригласил, как уже говорилось, отца на работу в редакцию на должность заведующего промышленным отделом. И, хотя отец в то время уже работал главным инженером автороты, уволился оттуда без всякого сожаления. Так он попал в газету, с которой судьба потом не раз его разводила и вновь сводила.

Член Союза журналистов СССР с апреля 1962 года, отец печатался во многих советских изданиях: в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Красное знамя», «Лесная промышленность», журналах «Агитатор», «Мастер леса», «Крокодил», всех и не перечислишь...

Биография Сухачёва Павла Петровича вместила довольно много событий, мест и профессий. Плавал мотористом по Чулыму, работал автомехаником, монтажником, слесарем, мастером и главным инженером ПМК. Трудился и на Севере, осваивал нефтяные месторождения.

Долгое время вынашивал идею написать исторический роман о событиях, происходивших в Ново-Кусково во времена Гражданской войны, и не только вынашивал, но и писал. Книгу не дописал, но работу проделал огромную.

У меня в 2006 году случился инсульт. Месяц в больнице, потом три на реабилитации, в общем, времени подумать о том, правильно ли живу, и что, собственно после меня останется, было в избытке.

Вот я и взялся разбирать отцовский архив, увлёкся, и с сыном Владимиром, помощь которого в освоении компьютера оказалась неоценимой, мы и закончили многолетний труд отца.

Расширили рамки произведения, проиллюстрировали, избавили от категоричных оценок персонажей, оценок, навеянных строгостью райкомовских нравов, привычно вешавших ярлыки и на наших, и на не наших.

Вдумчивый читатель может указать на не совсем правильное предложение: Как это, простите, нравы могут развешивать ярлыки? Не заблудился ли товарищ в грамматике? Ну а я буду настаивать, именно нравы, а мнение людей оставалось при людях, господствовали же нравы. И сегодня мало чего изменилось.

Книга «Справедливость бессмертия» в настоящее время размещена на сайте Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» в Томске. Более ранняя версия опубликована на сервере «Проза.ру».

В 2010 году в Асино вышел седьмой выпуск «Творческого Причудымыя», в котором опубликован полный библиографический список работ Сухачёва Павла Петровича. Он называется «Времена не выбирают» и содержит ссылки на 222 публикации. В общем, жизнь прошла совершенно не зря.

Отец стоял у истоков создания в городе Асино отделения Исторического общества «Мемориал» и был его сопредседателем.

Решением Собрания Асиновской районной Думы № 107 от 08.12.1995 Павел Петрович Сухачёв удостоен звания Почётного гражданина города Асино (посмертно).

Основанием послужило ходатайство коллектива редакции газеты «Наше Причудымыя» от 26 сентября 1995 года:

Коллектив редакции газеты «Наше Причудымыя» ходатайствует перед депутатами Асиновской районной Думы о присвоении Павлу Петровичу Сухачёву посмертно звания «Почётный гражданин города Асино», учитывая его заслуги в историко-просветительской деятельности как автора серии исторических очерков, посвящённых описанию партизанского движения в годы Гражданской войны на земле Причудымыя, строительству Асиновской железной дороги, а также как одного из инициаторов создания Асиновского отделения общества «Мемориал» и его активного участника...

Подписал ходатайство редактор газеты «Наше Причудымыя» Валерий Семёнович Иноземцев.

Город Рубцовск, Алтайский край.

* * *

Павел Петрович ушёл из жизни в возрасте 63 лет 30 ноября 1993 года – на заре перестройки, не успев надыхнуться «ветром перемен», принёсшим долгожданную свободу слова российским СМИ в мятежные девяностые. Он оставил после себя благодарную память земляков, а также творческое наследие, в том числе очерки об истории Гражданской войны в Причулымье. Отрывки из этих литературно-краеведческих работ довольно часто печатались в газете.

А вот рассказы и стихи Сухачёва известны гораздо меньше. Сегодня мы отчасти восполняем этот пробел.

Павел Сухачёв

РОКОВАЯ ОШИБКА

«Многоуважаемая супруга, Олимпиада Степановна! Поздравляю с днём рождения!...» – уверенно вывел на поздравительной открытке Дмитрий Иванович и задумался. Он решительно не знал, что писать дальше. Да и начало ему не совсем нравилось. Суховато получилось. Казённо даже. Подушевные надо бы. Потеплее. Но более подходящих случаю выражений в голову не приходило. Вдохновение отсутствовало. А когда-то ведь оно его посещало. Даже стишками грешил. Правда, не бог весть какими, но сокурсницам они нравились, особенно тем, которым посвящались. Даже в институтской многотиражке печатался. Воспарял к Парнасу прямо. Теперь уже и возраст не тот, не студент, в общем.

«Может, написать, что, мол, исскучался я весь по всем вам в этом доме отдыха?» – лениво соображал Дмитрий Иванович. Но тут же забраковал эту пресную идею. Ещё возьмёт и нагрянет к нему в гости его дражайшая Олимпиада Степановна. Бывшая Липочка. Поднять ему настроение. А такой вариант в данный момент был бы никак не желателен. По одной весьма деликатной причине.

Дмитрий Иванович вздохнул и, так и не придумав ничего более оригинального, подписал: «Ещё обнимаю наших дорогих дочек Юлечку с Кирочкой, а заодно и сына Алика и желаю вам всем крепкого здоровья, счастья и отличного праздничного настроения!».

Размашисто расписался, поставил дату и подпись. Упаковал в конверт.

Затем Дмитрий Иванович взял другую открытку с пожеланиями хорошего отдыха в санатории и принялся сочинять ещё одно послание. И, надо сказать, на этот раз его шариковая ручка забегала по бумаге куда бойчее, нежели при написании предыдущего отправления. Про содержание и говорить не приходится – оно так и дышало лирикой.

Аккуратно прикрыв своё творение от посторонних глаз, Дмитрий Иванович строчил: «Дорогая Люсенька! Спешу засвидетельствовать самую искреннюю к тебе симпатию!...».

Далее шли малопонятные для непосвящённых полунамёки и игривые обороты про её – Люсеньки – неземное очарование.

Дмитрий Иванович воспарил. Ничего не попишешь, при всех его несомненных достоинствах был он не лишён и кое-каких слабостей. В частности, по амурной линии. Находясь при исполнении служебных и общественных обязанностей, он этим своим слабостям воли не давал. Но в свободное от работы и семьи периоды грешным делом приотпускал тормоза.

Оказавшись в доме отдыха, Дмитрий Иванович с первых дней пребывания взял на прицел некую симпатичную блондинку Люсеньку. И принялся настойчиво её обихаживать, не считаясь с расходами. Это была особа весьма своенравная и несколько легкомысленная. Но с очень привлекательными внешними данными, косметика и цветастое платьице дополняли образ. Ну где тут устоять нашему герою.

В конце своего игривого послания Дмитрий Иванович выразил горячую надежду на полную взаимность чувств.

И подписался коротко и ясно: «Твой Дима». Так он в далёкой молодости подписывался. На подобных открытках. Адресованных той же Липочке, ставшей потом его благоверной супругой Олимпиадой Степановной.

Покончив с эпистолярными трудами, аккуратный Дмитрий Иванович всё внимательно перечитал на предмет выявления орфографических ошибок или стилистических заскоков. Не обнаружив таковых, запечатал обе открытки в конверты. Затем на одном написал адрес и опустил его в почтовый ящик, а второй без всяких надписей положил в карман. Всё было спланировано, как надо. Выемку корреспонденции произвели ещё при нём, так что жене его открытку доставят в срок, а Люсеньке он преподнесёт своё эпистолярное произведение лично сам. Так ему было во всех отношениях удобнее. И приятнее.

Теперь оставалось посетить торговые точки, дабы запастись более существенными знаками внимания, и благосклонность Люсеньки ему обеспечена.

В общем-то, Дмитрий Иванович верно угадал путь к её строптивому сердцу. Когда он заявился к ней с пузатым портфелем, набитым до отказа всевозможными гостинцами, в числе коих была и нарядная бутылка армянского коньяка, добытая по великому благу, она даже чмокнула его в щёку.

– Вот это я понимаю! Вот это оттопырится! – ликовала она, суетясь вокруг стола, где гармонично разместились щедрые дары гостя.

Но гвоздь программы ждал даму впереди.

– Прошу принять... – Дмитрий Иванович с галантным поклоном протянул зардевшейся Люсеньке целлофановый пакетик, перевязанный розовой ленточкой. Сверху лежал конверт с открыткой.

Люсенька очень обрадовалась подарку, но приняла его с церемонным достоинством. То есть в первую очередь принялась вскрывать не пакет с подарком, а конверт с письмом, демонстрируя своё несомненное бескорыстие и воспитанность.

Когда же она начала читать эту открытку, то переменялась в лице. Её брови взлетели вверх от изумления. Затем она прыснула в кулачок, потом её будто прорвало:

– О-хо-хо!.. А-ха-ха!.. – раскатилась она, уже не пытаясь сдерживаться. – Ну умора!.. Ну кино!.. Вот отчебучил!.. Живот надорвёшь!

Люсенька хохотала до слёз и никак не могла остановиться.

Дмитрий Иванович смутился, его шокировала реакция обожаемой дамы на его эссе.

– Люся, что случилось? В чём дело?

– Он ещё спрашивает! Ну на, посмотри, что ты мне преподнёс!.. – всё ещё всхлипывая от смеха, протянула ему открытку женщина.

Дмитрий Иванович взял её, взглянул на написанное и обомлел. Кровь бросилась в лицо, на лбу показалась испарина, руки затряслись. На открытке прыгало: «Многоуважаемая супруга...» – и так далее. Надо же так опрафаниваться! Так безбожно напутать!

Выходит, открыточка, адресованная Люське, теперь отправится прямо в руки самой Олимпиаде Степановне. А если принять во внимание крутой нрав супруги, не трудно представить масштабы скандала, что за сим последует. Да если бы только скандал...

Имея на руках столь наглядное свидетельство грехопадения супруга, Олимпиада Степановна, чего доброго, ринется искать на него управу во всех известных ей инстанциях. И, можно не сомневаться, найдёт поддержку и понимание. Тогда кранты его повышению, а с понижением можно поздравлять, к бабке не ходи.

Дмитрия Ивановича обуяла грусть, но он же был руководителем, потому его мозг сначала оценил форс-мажорные обстоятельства, потом выдал решение – надо срочно бежать на почту, авось корреспонденция ещё там.

Дмитрий Иванович махнул Люсеньке рукой и направился к выходу. Ему стало не до амуров. Надолго ли? Это зависит теперь от почты, только её не расторопность может помочь нашему путанику исправить ошибку. Не сделать её фатальной.

Мы же поболеем за него.

Люся не долго оставалась в грустном одиночестве. Вскоре у неё сидел уже другой гость. Он восседал за столом рядом с хозяйкой, воздавал должное коньяку и закускам своего предшественника и от души хохотал над его конфузией, о которой со здоровым юмором поведала Люсенька.

СТИХОТВОРЕНИЯ

НЕ ВЕЗЛО

Мне в жизни как-то не везло.
Что означает невезенье?
Шутя я выбрал ремесло,
Своё не зная назначенье.

Почти всегда я шёл один
Своей извилистой дорогой,
Своих поступков господин,
Увы, к себе судья не слишком строгий.

Я шёл по терниям не раз,
Когда другие шли тропюю,
Пока заезженный Пегас
В пути не встретился со мною.

Себя взнуздать он разрешил
И мелким шагом понемногу
Меня, хромя, потащил
Он на широкую дорогу.

Не дал беспечно разменять
«Души прекрасные порывы»
На незавидный идеал –
Пустой, туманный, некрасивый.

МОЛОДОСТЬ

Свежий ветер дальних расстояний,
Разных дрязг шипучее грязцо,
Радость встреч и горечь расставаний
Бороздят морщинами лицо.

Но, закалку добрую имея,
Трудовыми буднями дыша,
Как и прежде, рвётся, не старея,
Ко всему прекрасному душа.

И когда появятся седины,
Человек не сможет постареть,
Если он нелёгкие вершины
Хочет непременно одолеть.

Если он у близкого порога
Не присел безвольно отдохнуть,
А, себя подстёгивая строго,
Для других прокладывает путь.

Если сердце бьётся учащённо,
Не часами тикая в груди,
Если жизнь идёт не монотонно,
Значит, вечно юность впереди!

И пускай накладывает время
Седину и лучики морщин,
Мы смеёмся молодо над теми,
Кто боится скалистых вершин!

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Горько плачет осень, умирая,
Растеряв былую красоту,
И ложится бледность снеговая
На её пустую наготу.

Зачернён березник сиротливо,
Глухо шепчет тополь над рекой.
Дождь стучит в окошко торопливо
И на землю падает слезой.

В голых сучьях ветер завывает,
Замер крик печальных журавлей.
Потеплей скворешню выбирает
Экспедитор птичий – воробей.

РУЧЕЙ

Склонилась плакучая ива
И смотрится в быстрый ручей,
Шумит он под нею игриво
Меж крупных и мелких камней.

В нём летнее солнце смеётся
И месяц блестит серебром,
Он звонкою песнею льётся,
Свой путь пробивая с трудом.

Он в реку несёт свои воды
И тем уже искренне рад,
Что там катера, теплоходы
Винтами над ним зашумят.

Что силу свою молодую
Он с общею силой сольёт,
И баржу хотя небольшую
Своею струёй понесёт.

Он весел в любую погоду,
А ива уныло мрачна,
На быстро текущие воды
Завидует грустно она.

Покорно склоняется ива
К ручью мокроглазой листвою.

Напор и движенье красивы,
А затхлостью пахнет покой.

ПОЕЗД ИДЁТ НА ВОСТОК

заметки с натуры

Любая дорога волнует слегка,
Ведёт в неизвестные дали.
Она впереди как стальная строка,
Которой ещё не читали.

Навстречу – вокзалы больших городов,
Просторы полей золотые,
Дыханье заводов и гул тракторов –
Всё то, что зовётся Россия.

У каждого в жизни дорога своя.
В вагоне их сходится много.
И всех за собою ведёт колея –
Два рельса железной дороги.

Из отпуска едут на службу солдат
И штурман торгового флота,
Компания шумных парней и девчат
С учёбы спешит на работу.

Кочует куда-то орава цыган,
Флиртует с соседкою парень усатый.
Он едет в Приморье, она – в Магадан,
А может, и дальше куда-то.

Сидит отрешённо заслуженный дед,
В наградах вся грудь ветерана.
Шокирует деда нетрезвый сосед:
Сосёт из горла без стакана.

Какие-то дядьки кайфуют втроём,
Под чай самогон маскируя.
Бабуся горюет о чём-то своём,
Опёршись на руку сухую.

Там дуются в карты, похоже, бичи
Под громкие мат-перематы.
И как проводница на них ни кричит,
А всё озоруют ребята.

Две тётки в Даурию в гости спешат –
Там куча родни и знакомых.
Толкуют о жизни, проказах внучат,
Вовсю критикуют зятьёв непутёвых.

А вон алиментщик на полке притих,
В годах уже, с плешью немалой.
Он бросил всех жён – и своих, и чужих,
И скрыться решил за Байкалом.

Соседи за стенкой с утра завели
Дискуссию о плюрализме,
О судьбах России, сибирской земле,
О ценах, снабжении, социализме.

Как в капле воды, здесь –
Верховный Совет,
С одною лишь только «палатой».
Ни в чём никакого согласия нет,
Зря глотки дерут «депутаты».

Нас время, как поезд, уносит вперёд –
В безбрежные дальние дали.
И пусть нас хоть что-то хорошее ждёт
На каждом попутном вокзале.

ЧУЛЫМ

Он течёт по пути нетопкому,
Моем заново берега.
Наступает ему на горло
Друг и недруг его – тайга.

Изгибается он пружинисто,
Грудью ломится напролом.
Оттого он такой извилистый,
Оттого столько злости в нём!

Зоя Барашева

ШКОЛА ЛИГАЧЁВА

Чтобы управлять, надо хорошо знать дело и отвечать за результаты. Это усвоил каждый, кто работал с Е. К. Лигачёвым. Это – первый и главный принцип лигачёвской школы.

В первые же дни, когда я пришла в аппарат обкома КПСС в качестве заместителя заведующего отделом науки и учебных заведений в 1974 году, меня предупредили коллеги: если позвонит Лигачёв, на вопрос надо отвечать сразу. Если не знаешь, звони через 5–10 минут. Но это уже не хорошо. Значит, надо знать всё в твоей системе.

Я имела опыт работы в школе – 10 лет (причём 1-й год – в школе рабочей молодёжи) и в отделе народного образования г. Томска – 10 лет (1 год – инспектор и 9 лет заведующей).

Это была база. Надо было быстро познавать область, поэтому я много времени проводила в командировках. Причём Егор Кузьмич не любил однодневных, критиковал за них, если они у кого-то случались. Это настраивало на глубокое изучение положения дел на местах, оказание помощи, принятие решений.

Встречи с педагогическими коллективами, руководителями партийных и советских органов, с руководителями хозяйств, совхозов и колхозов (шефами школ) обогащали, раскрывали, какую огромную социальную нагрузку несёт сельская школа.

Быстро разобраться в структуре народного образования в области помогли мне статистические, аналитические материалы, накопленные моими предшественниками в отделе Г. П. Новак и А. Н. Райской. Скоро народное образование области лежало у меня как на ладони.

Это позволяло определить узкие места, проблемы в нашей системе, чтобы решать их. Одной из болевых точек были детские дома и школы-интернаты, где был низкий уровень жизни детей.

Рассказали Егору Кузьмичу об этом. Он побывал в детском доме, школе-интернате и дал нашему отделу задание – подготовить записку в ЦК КПСС. Изучив все документы, принятые правительством по детским домам и другим учреждениям этого типа с начала Советской власти, мы сделали вывод, что за все эти годы ничего не менялось в финансировании и в организации жизни этих детей.

Написали записку на 1,5 страницы. Егор Кузьмич велел сократить до 2/3 страницы (это тоже стиль Лигачёва, которым мы овладели – писать коротко, излагать суть дела, чтобы её прочитал тот, кому она адресована.) С этой запиской он пришёл в ЦК к Л. И. Брежневу.

Совсем недавно прочла интервью Николая Александровича Дебилова, личного секретаря Генерального секретаря ЦК КПСС, проработавшего четверть

века с Брежневым и его преемниками. В канун столетия Леонида Ильича он рассказал о неизвестных фактах из жизни Брежнева Евгению Жирнову (журнал «Коммерсант», сайт «Власть» 18.12.2006 г.).

Там он и говорит о Лигачёве с нашей запиской.

«Брежнев плохо себя чувствовал. Никого не принимал. Помню, просился на приём первый секретарь Томского обкома Егор Лигачёв: дело важное, касающееся детских домов. Так пришлось пойти на хитрость. Говорю: «Леонид Ильич, Лигачёв просится. Что-то серьёзное, но мне не говорит, только вам». – «Пусть зайдёт». Нужную резолюцию Егор получил».

В результате было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 85 от 24 января 1985 года «О мерах по улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в домах ребёнка, детских домах и школах-интернатах».

Это здорово! Это была революция.

Увеличены нормы питания, одежды, расширен ассортимент продуктов, вплоть до красной икры. Разрешено приобретать в детские дома мягкую мебель, ковровые изделия, разрешено покупать одежду в розничной торговой сети. Увеличены средства на ремонт, реконструкцию зданий. Была повышена зарплата сотрудникам.

В Томской области появились семейные детские дома, где дети-родственники разных возрастов жили в одной квартире одной семьёй.

Все министерства получили поручения ЦК и правительства определить своё участие в воспитании детей детских домов и школ-интернатов.

Вот такой вклад внёс Егор Кузьмич Лигачёв в улучшение жизни детей, оставшихся без попечения родителей.

Лигачёв как государственный с большим вниманием относился к народному образованию и культуре – базовым факторам развития общества. И на долгие годы сформировал у руководителей всех рангов, хозяйственников отношение к ним как к всенародному делу. Оно оставалось таким до конца Советской власти. Школы, детские сады, квартиры для учителей на селе строили все: крупные предприятия, колхозы, совхозы. Вопросы строительства, ремонта учреждений народного образования, совместной работы школы и базовых предприятий, особенно сельских, обсуждались в обкоме партии, иногда на бюро.

Томская область неоднократно получала переходящее Красное знамя Министерства просвещения за строительство школ, дошкольных учреждений и подготовку к новому учебному году.

Уже работая в ЦК КПСС, Егор Кузьмич проводил всесоюзное совещание партийных, советских руководителей, работников народного образования по вопросам реализации школьной реформы. Я выступала на том совещании от Томской области уже работая заведующей облоно.

Та реформа 80-х годов предлагала интересную концепцию развития народного образования: идеи разнообразия школы, открытости, демократизации и гуманизации школы, развития творческого потенциала учителей, совместной деятельности учащихся, учителей и родителей, обновление трудового обуче-

ния и воспитания, организации производительного труда в старших классах и профориентации. Общая нацеленность – формирование всесторонне развитой творческой конкурентоспособной личности.

В Томской области совместная работа обкома КПСС, облисполкома, облоно давала хорошие результаты. Педагогические коллективы работали на подъёме.

На предприятиях, в сельском хозяйстве, в строительных организациях было создано пять тысяч рабочих мест для школьников, где ребята вносили реальный вклад в выполнение производственных планов и получали зарплату.

Профориентация на нужные народному хозяйству специальности укрепляла связи школ с шефствующими базовыми предприятиями и вузами.

Опыт Томской области был изучен, обобщён, и мы получили переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР за строительство школ, дополнительных дошкольных учреждений, подготовку к новому учебному году и реализацию школьной реформы.

У Лигачёва не было «важных» и «неважных» проблем. Наряду с вопросами нефтегазового комплекса, лесного и сельского хозяйства, строительства и большой науки он решал проблемы учреждений родовспоможения, строительства пионерского лагеря (маленького «Артека» в Калтае, строительство которого, к сожалению, было заброшено в 90-е годы), ремонта уникальной крыши Ботанического сада и многие другие.

В этом и есть, наверное, суть его служения родине, народу, простому человеку. Этому он учил тех, кто с ним работал. А научив, направлял на самостоятельную работу.

Помню бюро, на котором рассматривался вопрос о формальном ответе чиновника участнику Великой Отечественной войны. Жарко было всем. Это был урок – как надо относиться к простому человеку, как решать его проблему.

У меня до сих пор сохранилось такое представление: если не решается какой-то важный вопрос, надо написать в газету, и он будет решён. СМИ в наше время имели огромную силу, огромное влияние на ход событий в Томской области.

Начинали мы рабочий день с просмотра газет: нет ли материалов по твоей отрасли? Если есть, надо срочно разобраться и дать ответ не позднее трёх дней. Так СМИ под руководством Егора Кузьмича помогали строить социализм. Теперь совсем не так.

Почти шесть лет работала я в обкоме партии. Однажды Егор Кузьмич пригласил меня и сказал: «Есть мнение перевести вас на самостоятельную работу». Вскоре меня утвердили заведующей облоно. И как руководитель системы образования я ощущала постоянную поддержку как в обкоме партии, в облисполкоме, так и на уровне районных, городских, партийных и советских органов. И спрос был большой.

Школа Лигачёва имеет систему: чёткие принципы, требования, раскрывает механизм решения проблем. И надо бы этот уникальный опыт изучать сегодняшним чиновникам, руководителям через систему подготовки кадров, которая сейчас существует.

Анатолий Пшеничкин

КОГДА О НИХ ПОТОМКИ ГОВОРЯТ

*Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд!
И ждём приказа нового.
И пусть не думают, что мёртвые не слышат,
Когда о них потомки говорят!*

*Николай Майоров, лейтенант,
погиб в 1941 г. на Смоленщине*

16 августа 2023 года исполнилось 80 лет со дня героической смерти Шуры (Александрь Сергеевны) Постольской, добровольцем ушедшей на фронт в 1942-м с третьего курса ГРФ ТТИ.

Родилась Шура в г. Кропоткине на Кубани 29 ноября 1921 г. в семье командира Красной Армии Сергея Александровича Постольского, члена ВКП(б) с 1918 г. В семье были брат Владимир и сестра Таня. Шура называла себя казачкой, а свою семью в шутку – «цыганским табором» из-за частых передислокаций воинской части отца. Так, в 1925 г. семья жила в Томске, в школу Шура пошла в 1929-м в Москве, в комсомол вступила в апреле 1937-го в Омске, а окончила среднюю школу № 11 в 1939 году в Иркутске. В школьном аттестате у Шуры было несколько посредственных оценок, что вполне объяснимо частыми переездами семьи. Но в аттестате были и отличные отметки по литературе, геологии и минералогии, военному делу.

В школьные годы Шура была очень активной комсомолкой, особенно в старших классах в Иркутске. Она участвовала в школьной художественной самодеятельности, хорошо пела, любила танцевать. Ей дружно аплодировали, когда она произносила с чувством монолог матери из пьесы «Слава» Гусева: «Дайте мне слово сказать! На весь мир прозвучит моё материнское слово...». Шура побеждала на молодёжных соревнованиях по стрельбе, освоила мотоцикл и трактор на уборке урожая.

После окончания школы в 1939-м году она поступила на химический факультет Томского технологического института. Однако её деятельную натуру, привыкшую к «кочевой цыганской» жизни, не устраивала в будущем рутинная работа химика с колбами, склянками, реактивами. Ей более по нраву, по её характеру была близка романтическая работа геологов. Тем более, что в аттестате у неё были отличные оценки по геологии и минералогии. Как раз в это время у студентов-геологов ТТИ и ТГУ была популярна «Песня геологов» (говорят, написал её студент-геолог ТГУ), и пели её на мотив песни «Моя Москва» И. Дунаевского:

*Нам не мало по свету хаживать,
Жить в землянках, палатках, лесах.
Знать породы, бурить ли скважины,
С молотком пробираться в горах.*

Поэтому, сдав успешно первую сессию, Шура в 1940 г. перевелась на геологоразведочный факультет, деканом которого в это время был доцент Ф. Н. Шахов (чл.-корр. АН СССР с 1958 г.).

В студенческие годы Шура, среднего роста, крепко сложенная, красивая, с внимательным прямым взглядом серых глаз, шатенка с густой шапкой кудрявых волос, была неформальным лидером, девушкой эмоциональной, жизнерадостной, заводилой и любимицей студентов. Она увлекалась спортом, театром, музыкой, прекрасно пела и отлично училась. Участвовала в факультетской художественной самодеятельности и часто выступала в студенческих общежитиях на Кирова, 13 и Советской, 84. Коллективистка, всегда стремилась быть там, где это было нужно не только ей одной. Проходя летнюю геологическую практику в Кузбассе, Шура мужественно вела себя во время аварии на шахте.

Александра Постольская была бы прекрасным геологом и учёным, возможно, первооткрывателем месторождений руд, в её честь могли бы назвать или месторождение, или новый минерал. И Родина по достоинству оценила бы её созидательный труд. Но...

В воскресенье 22 июня 1941 г. в 12 часов по московскому времени в Томске радио внезапно замолчало. И через несколько минут томичи услышали голос Левитана: «Граждане и гражданки Советского союза! Сегодня, в 4 часа утра, без объявления войны германские войска напали на нашу страну». Так началась Великая Отечественная война. 1418 дней и ночей длилась кровопролитная битва, унёсшая десятки миллионов жизней, но наш народ выстоял и победил фашизм.

Свой вклад в эту победу внесли и политехники, совершая в жестокой борьбе с фашистами множество героических поступков. В первые же дни войны 350 студентов, 65 преподавателей и 213 рабочих и служащих института ушли на фронт, 60 из них – добровольцами. 224 политехника погибли, защищая Родину.

Заявление пойти добровольцем на фронт Шура Постольская подала в октябре 1941 г. Но её не взяли. И она вместе со студентами и жителями города строила железнодорожные ветки к новым эвакуированным из центральной России заводам, таскала на железных листах станки с ж.-д. станции. Освоила профессию токаря и на институтском спецпроизводстве изготовляла мины, выполняя норму на 200–400 %. В письме к родным Шура писала, что с удовольствием «стряпает гостинцы» для фашистов. Об ударнице Постольской писала газета «Красное знамя». Она была награждена Почётной грамотой горисполкома Томска и денежной премией. Деньги пришлись как раз кстати и пошли на оплату за учёбу в первом полугодии.

Здоровье, как можно узнать из писем Шуры, иногда подводило её, сказывалась ударная ночная работа у станка и напряжённая учёба (программу не со-

кратили, но сроки учёбы уменьшили), Всё это приводило к перенапряжению сил. Лишь изредка ей удавалось сходить в кино, а выходы в театр, на каток и лыжню – оставались в мечтах. Суровой зимой 1941–1942-го Шура сильно болела. Сессию ей, как ударнице спецпроизводства, декан Ф. Н. Шахов безоговорочно продлевал.

В апреле 1942 г. обстановка на фронтах сильно обострилась. В Красную Армию было призвано несколько сотен томских девушек, в том числе студенток, среди них и Шура Постольская. С каким восторгом встретила Шура извещение о том, что её неоднократные просьбы об отправке на фронт наконец-то удовлетворены. «Мне доверяют, меня берут на фронт!» – писала она в те дни родным. 4 апреля Шура пишет отцу: «Милый папа! В моей жизни произошли изменения: ...еду на фронт!.. Ты воспитал меня патриоткой, мне оказывают доверие, берут на фронт. Я люблю свою Родину, люблю жизнь... но долг зовёт меня на защиту земли родной... Пожелай же мне боевого счастья, отец! Дочь командира Красной Армии должна быть хорошим бойцом». А матери Шура пишет: «Мамочка! Ты только не беспокойся за всех нас. Ты должна гордиться, что сын и дочь, которых ты воспитала, служат в Красной Армии. Будь спокойна, дорогая мамуся, если нужно будет, то твои дети никогда не подведут, так воспитали вы нас, так воспитывает нас комсомол».

Постольская прошла четырёхмесячную интенсивную подготовку в Воронежской военной радишколе, эвакуированной в Новосибирск. Училась только на «отлично», исполняла обязанности заместителя политрука роты, премировалась за отличную стрельбу. На окружном слёте отличников боевой и политической подготовки, где в президиуме вместе с генералами сидел артист, орденосеиц Н. Черкасов, Шура произнесла прочувствованную речь. По окончании курсов Шура получила квалификацию «радист-классик» и звание ефрейтора. Её хотели оставить в школе младшим командиром для обучения нового набора. Но она добилась отправки на фронт.

С августа 1942 г. ефрейтор Постольская находится в действующей армии радистом в двух отдельных полках связи 20-й и 31-й армий. Наряду с основной службой радистом она успешно выполняет политико-воспитательную работу среди сослуживцев. Здесь она была дважды ранена и лечилась в полевых госпиталях.

Перед Новым, 1943 годом Александра писала матери: «...Если я даже не вернусь, то всё равно умру героем, как Зоя Космодемьянская».

После мартовских боёв 1943 г. и очередного лечения в госпитале Шура добивается перевода в мае месяце на передовую. И не только в качестве радиста, но и политработника. Её направляют в 758-й полк 88-й стрелковой дивизии 31-й армии.

Александрю Постольскую избирают комсоргом 3-го батальона 758-го полка. Должность комсорга на войне была не только политико-воспитательной, но и отчасти командирской. Святой обязанностью комсорга и коммуниста считалось первым пойти в атаку.

7 июля 1943 г. Постольскую по боевой характеристике командира 758-го полка принимают в партию. В её характеристике сказано: «Постольская А. С. организовала чёткую работу комсомольских организаций спецподразделе-

ний, принимает непосредственное участие в подготовке разведчиков. В бою действует умело». А 24 июля 1943 г. приказом по войскам 31-й армии ефрейтору А. С. Постольской присваивается звание младшего лейтенанта.

22-летняя девушка, мл. лейтенант Постольская, становится командиром 3-го батальона у бывалых и молодых солдат на передовой. Шура – любимица батальона, бывалые бойцы называли её дочкой, а молодые сильно уважали. Есть свидетельства, что о её смелости в армии ходили легенды. Она умелый политработник. Так, за короткий срок число комсомольцев в её первичной комсомольской ячейке выросло с семи бойцов до семи десятков. Во время наступавших непродолжительных затиший на передовой Шура постоянно находилась среди бойцов. С ними она мечтала о послевоенной жизни, читала им свои стихи, написанные в перерывах между боями. И как только объявляли боевую тревогу, как комсорг и коммунист Александра Постольская с автоматом в руках уже вставала впереди товарищей и увлекала их вперёд на врага.

Июль – август 1943 года... На смоленском стратегическом направлении командование Красной Армии проводит наступательную операцию «Суворов». Противник создал здесь глубоко эшелонированную оборону. Бои шли жестокие за каждую пядь земли с переменным успехом, обе стороны несут большие потери. Вместе с другими дивизиями 31-й армии 758-й стрелковый полк ведёт бои в окрестностях деревни Рыбки Смоленской области. 3-й батальон мл. лейтенанта Постольской, ведя непрерывные бои с фашистами и прикрывая боевые действия соседних частей, оттянул на себя значительные силы противника. Но в ночь на 9 августа у деревни Рыбки батальон оказывается в окружении. Постольская вместе с группой разведчиков-автоматчиков разведывает слабые места в боевых порядках врага. Наконец оно найдено и Шура первая бросилась на немцев с криком: «Бей гадов!». Она бесстрашно ведёт разведчиков в стремительную атаку. Немцы дрогнули и отступили, и в образовавшуюся брешь бойцы батальона вышли из окружения и соединились со своим полком.

16 августа началось новое наступление фашистов и на позиции батальона бросаются свежие крупные силы. Командир 8-й роты тяжело ранен, часть красноармейцев без приказа начинают покидать боевые позиции. Это грозит гибелью всему батальону. И Александра совершает свой второй за неделю подвиг. Она решительно останавливает и возвращает на поле боя две группы покинувших без приказа позиции бойцов, и сходу ведёт их в стремительную атаку с криком: «Вперёд! За мной! Ни шагу назад! За Родину!». Бой продолжался несколько часов и окончился победой. Но радость бойцов была омрачена гибелью их командира. Её похоронили в двух километрах на север от деревни Рыбки в небольшом кустарнике. Боевые товарищи поклялись отомстить за гибель любимицы полка.

За выдающуюся храбрость и отвагу младший лейтенант Александра Сергеевна Постольская была посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени (в некоторых публикациях пишется, что и I степени, что не подтверждено документально).

После смерти в партбилете А. С. Постольской была найдена записка-заве-

щание: «9.8.1943 г. Если погибну, то прошу сообщить моему отцу, что его наказ я выполняла, как подобает коммунисту. Александра».

За день до гибели в бою Шура пишет родным: «Мама, милая мама! Я очень люблю тебя, отца, Танюшку, Вовика, своих товарищей. За это я и воюю, мама!.. Вот я теперь командир, несмотря на то, что я одна, бойцы ко мне относятся прекрасно, они не оскорблены тем, что командир у них женщина, и их такое отношение ко мне заставляет меня быть честным командиром. Если надо, я умру без страха. Так требует наша земля, Родина, которую я люблю безгранично... Да, война принесла всем горе и слёзы, но... плакать нельзя, нужно мстить и мечтать, и не думать только о личных переживаниях, а думать о тысячах погибших и замученных. Мы видели чёрные злодеяния немцев, их нечеловеческие издевательства над женщинами и детьми. Разве я могу думать о сохранении только своей жизни? Нет, конечно...».

Товарищи и родные бережно сохранили фронтовые письма Шуры Постольской, их около 70, которые опубликованы в 1959 г. в издательстве «Советская Россия А. В. Королёвой – «Фронтовые письма Шуры Постольской» (тираж 75 000 экз.). Письма Шуры – живая история военных лет. После выхода книги многие пионерские дружины в СССР носили имя Шуры Постольской, была традиция у томских студентов в честь Шуры Постольской проводить пробеги по улицам города, школьники и студенты писали сочинения о подвиге Шуры Постольской. 210-я Большая горная аудитория в 1-м корпусе по решению Совета ГРФ ТПИ носила имя «Аудитория имени Шуры Постольской». Аудиторию украшал портрет Шуры. Но с распадом СССР как-то это всё забылось: не стало пионерских дружин, носящих её имя, студенческих пробегов в её честь, исчезла табличка с 210-й аудитории и портрет Шуры очутился в подвале корпуса. Но память об Александре (Александра – в переводе с греческого – защитница человечества) сохраняется в наших сердцах, её имя – на памятнике политехникам, погибшим в боях за Родину, и на стеле в Лагерном саду. В деревне Рыбки Смоленской области, где погибла Александра Постольская, есть братская могила и Мемориал в память о павших в боях за освобождение деревни, а школе – музей имени Шуры Постольской.

Вот уже два года инициативной группой сотрудников 1-го корпуса к 9 Мая, к празднованию Дня Победы, у 210-й аудитории выставляется портрет Шуры Постольской, цветы и баннер с историей её жизни и подвига, и стихи А. К. Полюенко, посвящённые Шуре, где есть такие строки:

*Жизнь отдана за честь Отчизны!
Как отдавали свои жизни
Сыны и дочери, отцы.*

В 2013 году томская общественность широко отметила 70-летие со дня героической смерти Шуры Постольской. На радио, телевидении, в местных газетах были обнародованы материалы, освещающие жизненный путь и героический подвиг Шуры. Прошли торжественные собрания в студенческих аудиториях. Возобновилась пробежка студентов по улицам города в честь Шуры

Постольской. Большую работу провёл томский писатель, публицист Виктор Нилов по организации этого мероприятия и сбору материалов об Александре Сергеевне Постольской, которые и положены в основу данной статьи.

Писатель А. М. Борщаговский в антологии «1941–1945. Говорят погибшие герои» пишет, что «...у подвига удивительное свойство, которое с необыкновенной силой обнажает братство людей и преступную бессмысленность войны. В подвиге крепчайшими нитями всё связано в один узел: прошлое и настоящее, настоящее и будущее, и кровь, пролитая за победу».

Уходят в прошлое героические и трагические события Великой Отечественной войны. Но благодарные потомки должны помнить, что они обязаны своей жизнью военному поколению советской страны, которое разгромило фашизм в 1941–1945 гг. и помнить слова благодарности руководителей почти всех стран мира военного и послевоенного времени. Так, премьер-министр Англии У. Черчилль в 1944 г. в послании руководству Советского Союза писал: *«Будущие школьники будут считать себя в долгу перед Красной Армией столь же безоговорочно, как и мы, которым довелось быть свидетелями великопленных побед русского народа»*. А президент США Т. Рузвельт 29 июля 1943 г. выразил своё восхищение стойкостью нашего советского народа: *«Мир не видел большей преданности делу, большей решительности и самоотверженности, чем те, которые были проявлены русским народом и его армией. Спасая себя, Россия спасает весь мир от фашизма»*.

Перед памятью погибших мы должны сделать всё, чтобы подвиг победителей никогда не был забыт, и память о них передавалась из поколения в поколение. Эта память должна быть вечной! Это гражданский долг каждого из нас.

Эмилия Кадетова

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ НАЗЫМА

Мне представилась возможность выразить благодарность дорогому мне человеку – Вере Владимировне Туляковой-Хикмет, доценту кафедры ВГИК имени С. А. Герасимова, которая помогла поверить в себя и наполнить жизнь смыслом. Как говорила она: «Надо уметь объяснять, что с тобой происходит». Или «Ничего, всё получится». По сути, эти слова созвучны с наставлениями Серафима Саровского: «К сохранению душевного мира надо чаще входить в себя и спрашивать, где я». Вера Владимировна хорошо знала жизнь и была из тех редких педагогов, кто учит собой. Она трижды приезжала в Томск по линии Всесоюзного общества «Знание»: в рамках Межвузовского университета искусств читала лекции и показывала фильмы студентам по курсу «История отечественного и мирового кино».

Часто приходилось слышать от папы: «Учитесь жить среди людей». Наверное, крещёный атеист, он как-то по-особому молился, если на моём пути повстречалось столько хороших и достойных людей, у которых было чему поучиться. О Вере Владимировне хочется говорить самые тёплые и нежные слова. У неё был особый талант – с любовью и уважением относиться к тем, кого одаривала своей дружбой. Только поэтому я решилась представить текст из поздравительной открытки с 8 Марта: «Дорогая, очень любимая и родная Милляша. Подмосковные снежные леса напоминают о Томске, и поэтому я часто, с нежностью думаю о Вас. Будьте веселы, удачливы и здоровы. Желаю Вам много сил и всего самого интересного в жизни. Целую, Ваша В. В.»

Моя бабушка в своих внуках души не чаяла, но мне, кудрявой девчонке, говорила: «Не ходи косматой, не смейся людей». В деревенской культуре не принято было открыто любить и хвалить своих детей. Быть приглашенной, жить «серёдка на половинку» закрепилось во мне надолго. Расположение Веры Владимировны меняло меня изнутри, повышало самооценку, хотелось равняться на неё во всём, подражать мягкой, певучей речи. На что она, по ходу нашего разговора, как-то заметила, что «в творческой профессии мы все проходим через подражание, но без своего голоса в ней состояться будет трудно». Был повод задуматься, эмоционально пережить и не раз столкнуться в жизни с такими понятиями, как: «своим голосом», «не своим голосом», «в поиске своего голоса». Насчёт своего не знаю, но другие голоса, с помощью лучших образцов искусства, научилась отличать.

Вера Владимировна умела настроить на успех. К своим студентам относилась, как к родным детям. С двумя из них, яркими и особо одарёнными, я была знакома – это Пётр Луцик и Алексей Саморядов. Они работали в паре, писали сценарии, снимали фильмы: «Окраина», «Лимита», «Дюба-дюба», «Праздник саранчи», «Дикое поле». Ведущий мотив их творчества в новой перестроечной жизни, враждебной и криминальной – дружба превыше всего, «лучше умереть, чем предать своих», честь, совесть и человечность дороже денег, выше

любых авторитетов. Такой позиции придерживалась и Вера Владимировна. Она ими гордилась, радовалась, когда они получали высокие награды – «Золотой Овен» и другие призы на разных кинофестивалях. Их ранний уход из жизни – в 31 год трагически погибает Л. Саморядов, в 40 лет отказывает сердце П. Луцка – для неё был очень тяжёлым и болезненным.

Ещё об одном своём ученике рассказывала Вера Владимировна – Георгии Шевкунове, в настоящее время митрополите Тихоне, епископе Русской Православной Церкви. После окончания сценарного факультета ВГИКа в 1982 году он неожиданно для всех уходит в Псково-Печерский монастырь. Она дважды ездила к нему, с попыткой вернуть в профессию, но безуспешно. «Ему там хорошо», – сказала она. Именно он, тогда наместник Сретенского монастыря Тихон, по просьбе Веры Владимировны, исповедовал, причащал, отпевал и провожал её в последний путь.

В своей книге «Несвятые святые» митрополит Тихон пишет о совпадениях в жизни. Вот по такому сценарию, кем-то написанному, произошло совпадение в жизни ученика и учителя. Совпали в одном лице кинематографист и священнослужитель: у митрополита Тихона несколько документальных фильмов. Из них 18 серий документально-публицистических от первого лица – «Гибель Империи. Русский урок» – своя версия краха Византийской Империи. Не секрет, что митрополит Тихон – духовник Президента В. В. Путина.

В книге «Последний разговор с Назымом» Вера Владимировна поделилась с большой теплотой и любовью о главном событии в своей жизни – счастливой общей судьбе с великим Назымом Хикметом (1902–1963) – турецким поэтом, писателем, драматургом и общественным деятелем, лауреатом Международной премии Мира, члене Бюро и Президиума Всемирного Совета Мира.

При первой встрече в 1983 году в Томске в обществе «Знание» Вера Владимировна подарила мне комплект из двенадцати фотооткрыток и книгу, посвящённую Назыму Хикмету. Автор монографии – Акпер Бабаев, переводчик на русский язык всех его произведений. Книгу я прочитала, но в то время понять и оценить по достоинству такую личность с потрясающей судьбой не смогла. Не доросла. Но четверостишье знала и понимала, о чём:

*Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?*

Это вдохновенное стихотворение написано в Москве в 1921 году, и тогда было революционным воззванием. Оно и сейчас звучит свежо.

Сорок лет спустя я доросла, чтобы открыть для себя действительно великого человека – Назыма Хикмета, для которого Вера Владимировна была «русской любовью», «лебединой песней», «миленькой моей».

Из его биографии известно, что он родился в Салониках, где его дед был губернатором. В 17 лет порывает со своим аристократическим классом и в 19 приезжает учиться в Москву революции и поэзии. Здесь вышла книжка его стихов «Песня пьющих солнце». Возвратился в Турцию коммунистом. Там его

ожидала народная слава поэта и 17 лет тюрьмы с перерывами. В 1951 году Назым Хикмет прибывает в Москву. Отношение к СССР в Турции тех времён было настороженным, а к коммунистам враждебным.

О нём написано много книг при жизни и после смерти. Он сам написал свою биографию. Вот несколько отрывков из неё (перевод Б. Слуцкого).

* * *

*Свой хлеб, слава богу,
зарабатываю только своим горбом.
Врал, потому что стыдился за другого,
врал, чтобы не обидеть другого,
врал иногда и без всякой причины.*

* * *

*Печатаюсь на тридцати-сорока языках,
в тридцати-сорока странах,
в моей Турции
по-турецки
печатать меня запрещено.*

* * *

*Министром не буду,
собственно говоря, и не хочется,
никогда не бегал от пикирующего самолёта,
но зато влюбился шестидесяти лет отроду.
Короче говоря, товарищи,
Если сегодня я подыхаю, как собака, от разлуки,
Зато я жил, как человек.*

Из воспоминаний Назыма: «Я написал одну пьесу в тюрьме – «Легенда о любви». Тогда я молодой был и сам никогда так не любил, как мои герои. Теперь со мной случилась такая же вещь. Я влюбился как чёрт. Здесь у вас это называется лебединой песней. Это последнее, что может сделать моё сердце. В тюрьме я мечтал, мечтал, рисовал перед глазами одну женщину, и вот она вдруг встретилась. Такая женщина, как она, не единственная в мире, но встретилась из них вот она, Вера. И, вы знаете, она очень похожа на женщин моей семьи. Увидел и пропал. Все женщины потеряли для меня свои женские черты. Больше я их не видел».

Назым подарил своей Вере всё, что обещал. И весь мир тоже. Он открыл для «миленькой» своей много городов, много стран, свою страну.

В конце 50-х Вера Владимировна удивила парижан тем, что не умела водить автомобиль. Женщина за рулём в то время во Франции – обычное дело. Как только приехала в Москву, сразу же пошла на курсы водителей. Машину, как бы теперь сказали, водила классно – закрыл глаза и нетрудно представить домашние кресла и мирную беседу.

На фотографиях, где они вместе с Назымом, можно увидеть на ней платок.

Она любила носить платки – зимой шерстяные павлово-посадские, летом шёлковые. Она говорила, что её часто останавливал дорожный патруль, и совсем не из-за нарушений правил дорожного движения, а из любопытства. Даже в восьмидесятые годы у нас в стране нечасто можно было встретить женщину за рулём, а тут ещё в платке, иногда в тёмных очках. Она говорила, что когда ездила по России в поисках талантливой молодёжи для своего курса, ей нравилось общаться с простыми людьми, особенно с женщинами в возрасте. Если она шла по улице и видела, что на лавочке сидят женщины в платочках, то подсаживалась к ним, чтобы просто поговорить.

В своей книге Вера Владимировна вспоминает легендарных людей в самой бытовой обстановке: Маяковский, Зощенко, Пабло Неруда, Твардовский, Шолохов, Шостакович, Симонов, Фадеев, Светлов. Много поведано из жизни столичных литераторов, художников, режиссёров, сценаристов и обычных людей. Одним из обычных людей была и я.

Вера Владимировна ничего не меняла после ухода Назыма. Её квартира – настоящий музей: картины импрессионистов, Матисса, Пикассо, русских и советских художников, сувениры из разных стран, гипсовый бюст Веры Владимировны, выполненный Ильёй Глазуновым, большой обеденный стол, застеленный белой скатертью. В свой день рождения Назым на этот стол каждому гостю клал подарок и говорил жене: «Это моя благодарность за то, что они есть у меня».

Ещё одно стихотворение, посвящённое Вере Владимировне (перевод Б. Слуцкого).

*Самое лучшее море:
то, где ещё не плавал.
Самый лучший ребёнок:
Тот, что ещё не вырос,
Самые лучшие дни нашей жизни:
Те, что ещё не прожиты.
И самое прекрасное из сказанных слов:
То, что я ещё не сказал...*

«Однажды в троллейбусе, – вспоминает Вера Владимировна, – громко признался мне в любви: «О-хо-хо, товарищи, вы не можете себе представить, как я серьёзно люблю эту баба...»

Разница в возрасте этой замечательной пары – 30 лет. Вдовой Вера Владимировна осталась в 30 лет с маленькой дочкой Аней от первого брака, сейчас Аня профессор, преподаватель ГИТИСа.

Современники отмечали редкую красоту Назыма. Константин Симонов так о нём пишет: «Это высокий, красивый рыжеволосый человек, с голубыми глазами и точёным лицом». Вера Владимировна, как я её помню, – яркий тип русской женщины – статная, светловолосая, белокожая, с правильными чертами лица. О таких говорят: «Умная и красивая». На фото видно, насколько они оба красивы, а разница в возрасте придаёт им только ещё большую привлекательность.

Назым готовил Веру Владимировну к своему уходу, оговаривал разные его варианты. Из письма к своей матери: «Ах, мама, мама, если бы ты знала, что я испытал в конце своей жизни! Самую сложную ревность на свете, ревность к будущему моей любимой без меня». Ответ матери, Айше Джелиле: «Ты поэт, Назым, тебе положено мучиться, чтобы писать стихи, так уж пусть это будет от любви». Вере Владимировне не хотелось говорить на тему его смерти, но про себя всегда думала, что «ни за кого больше замуж не выйду». Зарок, данный себе, стал равносильным клятве Назыму.

Оба похоронены в Москве на Новодевичьем кладбище. Памятник Назыму Хикмету – мраморная глыба в человеческий рост, на котором он изображён идущим. Справа, на надгробии, другой памятник – Туляковой Вере Владимировне – небольшой, овальной формы мраморный камень, словно сколок с памятника Назыма, на котором написано имя его «русской любви» – VERA.

Вместе они успели написать две пьесы: «Два упрямца» (1959) и «Слепой падишах» (1963). По сценариям Назыма Хикмета в СССР были сняты фильмы: «Двое из одного квартала» (1957), «Влюблённое облако» (1959), «Мир дому твоему» (1963) и балет «Легенда о любви» (1961) – музыка А. Меликова, постановка Ю. Григоровича. Книга Веры Владимировны «Последний разговор с Назымом» трижды издавалась в Турции, в 2007 году в России.

В 2009 году власти Турции приняли решение о возвращении гражданства Назыму Хикмету. В 2022 году в Москве почтили память великого поэта, которому исполнилось 120 лет со дня рождения. На мероприятии вместе с портретом поэта были выставлены его личные вещи и вещи его жены Веры – шляпа, перчатки, пишущая машинка.

Вот как пишет об этом дочь Веры Владимировны Анна Степанова: «Назым Хикмет – это такой турецкий Пушкин. Он оставил после себя сотни стихотворений, заложил основы современной турецкой поэзии и вдохновил целое поколение молодых талантливых поэтов. Творчество Хикмета – это культурный и литературный мост между двумя странами: Турцией и Россией».

Литературная учёба

В работе областного семинара молодых писателей «Томский класс-2023» поучаствовало не так много авторов. Возрастной разброс участников – от 15 до 47 лет. Были дебютанты, завсегдатаи и даже победители разнообразных поэтических конкурсов. Среди представленных произведений наблюдалось разнообразие жанровых предпочтений и стиливых особенностей изложения. Свообразием нынешнего семинара можно назвать тот факт, что несколько авторов одновременно выступили в качестве поэтов и прозаиков. Практически все начинающие поэты представили стихи на патриотическую тему. Наиболее удачно, на наш взгляд, она осуществилась у Андрея Ледащева и Сергея Романчукова, давно и глубоко размышляющих об этом, опирающихся на фактаж. В целом все работы талантливых авторов послужили предметом для серьёзного разговора о современной литературе.

Ангелина БАН

Я В ДЕТСТВЕ

С горячей буханкой хлеба
И с розовой шишкой на лбу
Смотрю на закатное небо.
Я своё детство люблю.
Я в детстве, а это значит –
Мне всё интересно вокруг.
Я в детстве. Хочу и дурачусь,
Солнце мне светит – мой друг.
«Пора становиться взрослой», –
Меня убеждает родня.
«А шишка откуда?» – вопросом
Так и пытаются меня.
Я радуюсь с солнцем вместе,
Иду я и счастлива тем,
Что вкус уходящего детства
В булке, которую ем.
Не важно, что скажут люди,
Пусть солнце осветит мой путь.
А завтра... а завтра что будет?
Я повзрослею... чуть-чуть.

ПРИВЫКЛА

Карандашом, через мечты
Веду я линию косую,
По памяти тебя рисую,
Не думая, что это ты,
Как кадры творческого цикла.
Зачем? Наверное, привыкла.

Мне трудно ссоры принимать.
Писать не буду, как ни туго,
Не смейся! Оставайся другом!
Не надо ничего ломать.
Молчишь, а я уже поникла.
Зачем? Выходит, я привыкла,

А время отдаляет нас.
Я снова твой портрет рисую,
Дня через три я адресую:
«Привет! Что делаешь сейчас?».
«Привет!» И на лице улыбка...
Ага! Я всё-таки привыкла.

МЯЧ

Однажды как-то поутру
Катился мячик по двору
И думал: «Ах, как это круто!
Сейчас немножко поскачу,
В окно открытое влечу,
Вот будет весело кому-то!».

ПЛЕНЭР

Я – на пленэр. Скорей рюкзак на плечи,
Бегу по улице: «Эй, Солнышко, привет!
На клумбе у меня с цветами встреча».
А солнце лучиком помашет мне в ответ.
На клумбу глядя, я услышу шёпот,
Совсем простые откровения цветов –
Они мне тайны доверяют робко,
Сплетая их в свои венки из нежных слов.

Фиалки зарисую да петунью
И лебеду – врага изысканных манер.
И маргаритки – те ещё шептуньи.
А васильками я закончу свой пленэр.

Андрей ЛЕДАЩЕВ

ЖИЖА

Холодом веет ноябрь.
Техника встала в степи.
Ветер с дождём, а начштаба
Должен нас всех довести
До ППД, где буржуйка
И разогретый обед,
Где моя сумка и койка,
Сон и плохой интернет.
Жижа и грязь – по колено.
«ЗИЛ» уже лёг на мосты.
Гусеницами из плена
Рвут от усилий тросы.
Степь. Чернозём. Непогода.
Холод. Туманы. Дожди.
Мы здесь воюем полгода.
Господи, нам помощи
Вываться с этой ловушки,
Целью не стать для врага.
Эх, не хватает «вертушек»...
Лужи покрыла шуга.
Вот бы морозец сибирский
Слякоть сковал – и вперёд!
Хоть БТР командирский,
Хоть «жигули» – доведёт.
Нет же, я чавкаю жижей,
Под каблуком – чернозём.
Хруст под ногами ледышек...
И по степи мы ползём.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ МАССЕТОЧКА

На фронте то война, то тренировки,
Нет времени черкнуть письмо домой.

А мамки вяжут сети маскировки,
Чтоб чей-то сын остался здесь живой...
Беседуя о жизни и о ценах,
О детях, о заботах бытовых,
О бабушкиных кухонных рецептах,
Они плетут нам сеть для боевых.

Вручную, раскроив обрезки ткани
На «галстучки» и нацепив очки,
По сетке наплетает баба Таня
Умелыми руками «паучки».
В Отечественной потеряла брата,
Его у Тани отняла война.
И детство под плакатом: «Всё для фронта,
Всё для победы!» – помнила она.
Массеть сняла, беззвучно окрестила.
А завтра снова подвиг трудовой.
Мы повоюем, были б только силы.
У нас да у ребят с передовой.

Я аккуратно отодвинул сетку.
Дрон улетел – сегодня без огня.
Ведь от коварной аэроразведки,
Спасибо, защитила ты меня!
От снайперской меня укрыла пули
Массеть, согрета теплотою рук.
С поклоном до земли тебе, бабуля.
Твой не родной,
твой незнакомый
внук.

СПИЧКИ

Город детства, я сегодня здесь проездом.
Помню улицы все вдоль и поперёк.
У прохожего, спешащего к подъезду,
Извинившись, попрошу я огонёк.

Прикурив от сигареты по привычке,
– Благодарствую, – кивну ему в ответ.
Я в окопах вечно экономил спички,
Растянув на день полпачки сигарет.

Замерзал до дрожи под сырым бушлатом,
Под дождём лежал «на фишке» весь в грязи,
Засыпал и просыпался с автоматом,
По утрам молился: «Господи, спаси!».

Землю рыл лопатой, раздирал мозоли,
Снаряжал бэ-ка, таскал мешки с песком,
Отмывал запёкшиеся пятна крови,
Заедал тоску обрыдлым сухпайком.

Видел боль, страдания, бинты на ранах,
Видел, как сознание идёт на дно.
Смерть красива только на больших экранах
Голливудских фантастических кино.

Две недели пролетели незаметно –
Сытый быт, сухая обувь, тишина.
Уезжаю, до свиданья, город детства –
Возвращаюсь в город, где идёт война.

Полина БРОННИКОВА

* * *

Видишь, ручная ведьма пляшет перед толпой.
Рвёт побелевшую кожу,
Так, чтобы искрами вновь
Кровь разлеталась в рожи.
Жуткой ей быть не сложно.
Сложно расправиться с дрожью
Этих проклятых слов.
Видишь, как глупая ведьма плачет в нетрезвые лица.
Слышишь, как сыпется смехом
Бисер стеклянных слёз.
Знаешь, а с тем же успехом
Можно беседовать с эхом.
Можно другим на потеху
Боль обличать в курьёз.
Честно, ручная ведьма знает, что в этом нет смысла
И что нетрезвым лицам
Незачем знать, как пришлось
Спрятать свой крик в небылицах,
Пересобрать на спицы

Душу свою и не спиться,
Даже когда не спалось.
Видишь, ручная ведьма только смеётся и пляшет,
Словно огонь трепещет
На фитиле свечи.
Воск слов стекает из трещин,
Делая облик зловещим
И обнажая те вещи,
Голос которых молчит.
Видишь, ручная ведьма пляшет перед толпой,
Рвёт побелевшую кожу
Так, чтобы искрами боль
Не возвращалась позже.
Шуткой ей быть не сложно.
Сложно расправиться с дрожью
Этих проклятых слов.

Сергей РОМАНЧУКОВ

* * *

Без руля и ветрил нашу лодку несёт,
Новостями растоптан привычный уют,
Нам на днях объявили: дозволено всё –
Дальше фронта уже не пошлют.

В подворотнях по-волчьи завывли ветра,
Ночь черна, а зима не прощает обид,
И плевать абсолютно, кто «против», кто «за»,
Тем, кто в двери твои стучит.

Тех, кто в страхе бежал, не виню ни на миг,
И не смею судить тех, кто всё же в строю,
Как нам жить на краю, не написано книг...
Я не знаю – и просто стою на краю.

Не могу предсказать ни исход, ни итог,
Ни совета, ни проповедь дать не могу,
Буйный ветер Истории валит всех с ног,
Тех, кто вышел, и тех, кто остался в кругу.

Без руля и ветрил нашу лодку несёт,
Новостями растоптан привычный уют,

В сердце горькая правда: дозволено всё,
Дальше фронта уже не пошлют.

* * *

Что нового под небом? Ничего.
Лежу, как двойка в покерной колоде,
Способный повлиять на что-то. Вроде.
При правильном стечении... Всего.

И времени, и мест, и прочих карт,
И игрока, способного на блеф,
И если рядом туз и тройка треф,
Четвёрка и пятёрка в аккурат.
И вдруг тебя на стол кладёт рука,
А из колоды выброшенный джокер
Твердит с обидой, что давно не в покер
Играют наверху, а в дурака.

При правильном стечении всего
Способный повлиять на что-то вроде,
Лежу, как двойка в покерной колоде,
А нового под небом ничего.

* * *

Кружится снег. Лицедей, лиходей...
Люди запутались в стены и двери,
Видишь ты реку и берег за ней,
Или в неё не веришь?

Каждый порой нелюдим, нелюбим,
В сердце любого хоть что-то от зверя.
Видишь ты небо и звёзды над ним,
Или в него не веришь?

Сколько всего впереди, позади,
Сколько осталось? Года? Недели?
Слышишь ты сердце в своей груди,
Или в него не веришь?

Но берег за снежной завесой есть,
Над смогом и тучами в небе – звёзды,
И пока ты дышишь и мыслишь, здесь
Почти ничего не поздно.

Илья ЛЕДЕНЕВ

КАРУСЕЛЬ

Я один на коне оказался,
Не на том, что ведёт к высоте.
Билетёр незаметно подкрался
В этой тихой ночной красоте.

В этот день мы гуляли с тобою,
Позвала ты: «Смотри, карусель!».
Вот я тут. Но до боли расстроен,
Веток листьев смотря акварель.

Ты ушла. Всю неделю ночами
Я сидел всё на том же коне.
И меня постоянно гоняли,
Предлагали и помощи мне.

Но чем в эти смутные сумерки
Вы хотели мне как-то помочь?
Как закончить душевные судороги
В эту длинную майскую ночь?

Если б я от всего отказался,
То давно бы предался воде.
Я один на коне оказался,
Не на том, что ведёт к высоте.

Полина БРОННИКОВА

* * *

– Простите. Шрам на Вашей... эм...

– Грудь. Похож на сердце. Да. А ты наблюдателен и бесцеремонен, когда пьян. Будь осторожнее, такое не все прощают. Но ты прав. Этот шрам действительно имеет форму сердца.

– Это случайность или..?

– Мог бы просто спросить, откуда он. Вечно вы всё усложняете. Сначала смело и нагло ворваться в мою историю с неприличным вопросом, а потом постесняться его задавать – странное решение, молодой человек. Но ты юн, пьян и что-нибудь ещё, что оправдывает такое поведение. В любом случае ты лишь человек. А шрам этот – последний подарок моей первой любви. Первой и единственной. Звучит почти романтично, да? Только звучит.

Я была юна, глупа и по самое сердце влюблена. Он, наверное, тоже любил. Может, и нет. Рыться в его мыслях я не стала. Возможно, чувства ко мне были настолько сильны, что свели с ума. Возможно, я просто была слишком наивна. В любом случае, он хотел остаться моей единственной любовью и, чтобы не позволить влюбиться в кого-то другого, решил выжечь моё сердце.

В этом есть доля логики, ведь стать последним владельцем чего-то можно лишь это что-то уничтожив. Хм... Надо бы запомнить эту мысль, она мне явно когда-нибудь пригодится. Вот именно из таких мыслей и строится наша сила, разве нет?

– Шрам...

– Ну да, шрам... Ах да, шрам! Почти романтичная история. Когда-то человек, которого я искренне любила, решил выжечь мне сердце. Знаешь, я даже добровольно на это пошла. Ах, рассуждения о том, что это станет символом нерушимой вечной любви, что нет силы, способной обесмыслить такой знак, что так мы станем едиными, единственными и вечными. Докажи, что чувства сильнее любой боли. Сейчас думать об этом смешно, а тогда верилось.

Я до сих пор помню тот день. Солнечный и тёплый. Мы долго шли к месту, где всё должно было случиться. Много петляли и путали следы. В моей груди нарастало волнение, которое пытался успокоить голос затуманенного разума: «Мы уходим дальше, потому что это только наше. Свидетели не нужны. Свидетели будут лишними. Это то, через что мы должны пройти сами». Я придумывала оправдания, и сама в них верила. Он шёл впереди, воображение рисовало на его лице смесь счастья и волнения, но что действительно на нём отражалось, мне неизвестно.

Место, где всё случилось, было... милым. Венки, цветы, украшения. Всё слишком сильно походило на ритуал. Так сильно, что нельзя было не заметить. И голос разума, обманутого и обманываемого, старательно подтверждал: «Конечно, это ритуал. А как иначе? Вы хотите создать что-то, что невозможно разрушить извне, а такие вещи обычными силами не сотворить. Это как венчание, но важнее, сильнее, лучше. Конечно, это ритуал!» – и я верила сама себе. Даже в тот момент, когда уродливая ржавая цепь царапала и зажимала

кожу. «Это забота. Будет больно. Я, конечно, справлюсь, но цепь поможет не дёргаться. Это забота. Он помогает мне», – обмани себя, чтобы любимому не пришлось трудиться.

А потом... Белый металл. Белый-белый, белее самой чистоты. Затем боль. Нет, не так.

Затем Боль. Такая, что всё сжимается в один маленький пульсирующий комок и в ушах гудит от собственного крика. Такая, что сознание не выдерживает, проваливается в звенящую бездну пустоты и отвратительной вони.

Конечно, я потеряла сознание. Первым пришедшим ко мне чувством оказалось что-то холодное. Я помню, как, открыв глаза, испытала лишь одно.

Знаешь эту глупую сказку о том, что человек, которого всем сердцем полюбил ведьма, получит её силу?

А знаешь, хватит об этом. Дела давно минувших. Лучше выпьем!

* * *

Старик был смешным, простым и немного глуповатым, если верить тем, кто знал его как соседа. Улыбка да прищур – вот и вся его хитрость. Что с такого взять?

Старик был мудрым и правильным по мнению тех, кого он вырастил. Того, кого он вырастил. То есть меня. Мало кто знал его так. Даже старуха-жена считала то, что не понимала, оговорками, ошибками и глупостями и устала поправлять мужа. Он же простой – что с него взять? Да и сам старик не спешил переубеждать окружающих. «Знаешь, – устало улыбаясь одними губами, размышлял он, – иногда быть дурачком в чужих глазах куда полезнее, чем сверкать перед ними умом. Дурачки-то, что с них взять? Вот и нет с них спросу. А раз нет спросу, значит, и претензий к ним быть не может. Дурак на то и дурак».

Будучи ребёнком, я не понимал старика и, как все, пытался видеть в нём лишь до неприличия простого человека, но что-то мешало, заставляло задумываться над его словами и заселяло в детский ум мысли не по возрасту сложные.

Уже взрослым понял, что замечал за хитрым прищуром мудрый, внимательный к миру взгляд. Замечал, но не осознавал. От старика не осталось фотографий, потому подтвердить это умозаключение мне нечем, но я почему-то в него верю.

Глупо верить в такие вещи, но казаться глупым не страшно – страшно глупым быть. Это тоже его мысль, не моя, но мне очень хорошо запомнившаяся. Всё же старик был мастером говорить: простые слова, мысли и фразы переплетались по его желанию в удивительные в своей точности и звучности выражения, которые просто не могли не отложиться в цепком детском уме. Конечно, не везде и не всегда соблюдались даже самые элементарные интуитивно понятные правила языка, но и это было намеренной игрой с вниманием собеседника. Старик умел, словно сворачивая бумажный лист в трубочку, завернуть мысль так, что слушателю оставалось лишь взглянуть повнимательнее, чтобы увидеть суть. Чем старше становился я, тем больше смысла вплеталось в звучность слов. Старик умел, да. То, что окружающие считали оговорками, вовсе ими не было. Старик говорил так, как думал, а думал он

за рамками грамматических правил. Так умеют думать лишь дураки да дети. Тоже не моя мысль. Его.

Иногда странно осознавать, сколько мудрости, простой и приземлённой, было под носом у его жены, соседей и маленького меня. И мне понятно, почему я её разглядел лишь через многие годы. Непонятно, почему никто из тогда уже взрослых это увидеть не мог. Возможно, старик с его взглядами вписывался в их устоявшиеся картины мира лишь в роли недалёкого чудака. Может быть, они сами оказались глупее того, кого считали воплощением простоты. Я не знаю. Чего-то им не хватило. Чего-то такого, что появилось у меня. Возможно, это вложил сам старик. Жена его, наблюдая, как тот часами сидел с маленьким мной и выслушивал мои проблемы, переживания и самые несущественные детские глупости, вскоре пришла к выводу: «Его мозгами только с детьми и возиться». А он и не спорил.

И я спорить не стану. Только старику хватало ума и терпения, чтобы понять всю глубину детской трагедии; сочувствия и простоты, чтобы принять все тонны детских чувств и эмоций; спокойствия и упрямства, чтобы разобраться и решить детскую проблему детским путём. Он не стремился показаться взрослым и меня не побуждал взрослеть быстрее. Возможно, благодаря ему я и не потерял что-то маленькое, неуловимое и хрупкое, чего не оставалось у мудрых и взрослых тогда людей.

Иногда кажется, что разговор со стариком ещё раз, уже таким взрослым, каким я являюсь сейчас, был бы невероятно увлекательным. Стал бы удивительным опытом, после которого мой разум сделался бы ещё более светлым и чистым. Но... Мало того, что это невозможно, ведь старика нет уже много лет. Даже десятилетий. И я уже не ребёнок. Взрослый во мне понимает, что в детстве деревья были выше, а старшие мудрее просто потому что такими их видели детские глаза. Да и память имеет привычку медленно и незаметно искажать прошлое, делая его карикатурно приятным. Велика вероятность, что сейчас старик оказался бы самым обычным стариком, а разговор – самым обычным разговором. Пусть всё остаётся так, как есть, и ребёнок во мне и дальше верит, что за вечной глуповатой улыбкой прятался хитрый и уставший прищур.

Старик был смешным, простым и немного глуповатым.

Старик был мудрым и правильным.

Старик был.

Екатерина МАЛАХОВСКАЯ

ПРИЮТ

отрывок из романа

Машина остановилась около белого здания с деревянным крыльцом. Надя увидела табличку над входной дверью с цветастой надписью «Берёзка» и заплакала в голос. Раньше мама часто пугала Надю тем, что сдаст её сюда.

На крыльце появилась невысокая женщина, улыбнулась и позвала Надю.

– Здравствуйте, – Надя вышла из машины. Лицо женщины нравилось Наде, казалось красивым.

– Меня зовут Елена Михайловна. Я воспитатель в группе девочек. У них сейчас тихий час, но когда они проснутся, я всех с тобой познакомлю.

Внутри оказалось уютнее, чем снаружи. Не было никакого белого холодно-го цвета. Вправо и влево уходил длинный коридор. С обеих сторон от входной двери стояли большие полки под обувь. Надя разулась и аккуратно поставила свои голубые резиновые сапожки рядом с другими детскими ботинками.

Невысокий потолок, лампочки спрятаны в плафоны молочного цвета, от чего свет мягкий и приятный, стены обиты охристыми лакированными рейками. Повсюду чувствуется сладковатый древесный запах. Линолеум изноженный, отчего скользкий и блестящий.

Надя вслед за Еленой Михайловной повернула направо, и они оказались в просторной комнате с большим серым диваном и двумя креслами.

– Сейчас подожди, я пойду заполню бумаги, а к тебе пока придёт наш врач Ольга Владимировна и осмотрит тебя, – женщина говорила, и от неё шло такое тепло, которое может почувствовать только ребёнок. – Всё хорошо, договорились?

– Да, – Надя закивала.

– Ну хорошо, – Елена Михайловна подмигнула.

Надя села и провела рукой по бархатной поверхности обивки, осмотрелась. Было тихо. В аквариуме, который побольше, копошились в сене морские свинки с красными глазами. Стена за телевизором вся была увешана вышивками в рамках. Надя тут же вспомнила, как бабушка учила её вышивать крестиком. Она снова заплакала, но уже беззвучно.

Вдруг в проходе шевельнулась штора, и оттуда показалось лицо, а затем и вся голова.

– Привет! Тебя только что привезли? – зашептала голова.

– Привет. Да.

– Родители пили?

– Нет. Я с бабушкой живу.

– Бабушка сдала?

– Нет.

– А что тогда?

– Мама била, а я отказную написала.

– Ты сама от мамы отказалась? Ты хочешь в детский дом?

– Нет, я хочу с бабушкой жить.

– А, понятно. Как тебя зовут?

– Надя. А тебя?

– Вика! Я бы протянула тебе руку, но выходить нельзя из комнаты во время тихого часа. Нас скоро будить будут. Тебя оформят, и кушать вместе пойдём потом. Ладно, я лягу обратно, а то сейчас Елена Михайловна придёт уже. Пока! – голова скрылась. Надя даже не запомнила, как она выглядела.

Прошло несколько минут, и в комнату вошла высокая худощавая женщина с кудрявыми светлыми волосами, прихрамывающая на левую ногу. Она проверила, нет ли у Нади вшей и чесотки.

– Всё чисто. Я забираю её в душ. – Ольга Владимировна встала с дивана.

Они с Ольгой Владимировной пошли по уже знакомому коридору, но в

другой конец здания. В конце коридора справа была дверь, через неё врач с девочкой попали в другой коридор. Наде казалось, что она в лабиринте. Ольга Владимировна толкнула дверь. Белый свет резко ударил в лицо, отчего в глазах замелькало. Там было душно и пахло мылом. Душевая комната с кафельным полом была большой, как будто в ней должно было быть ещё что-то помимо серой батареи, тонких влажных труб и деревянной решётки.

Ольга Владимировна дала Наде кусок мыла, серое вафельное полотенце, на концах которого бахрома торчала так, будто её накрахмалили, и бязевый халат, свёрнутый с чистым бельём.

– Давай свою одежду.

Надя разделась и прикрылась руками.

– Всё, мойся, только сильно не плескайся. Потом вернёшься сама в группу к Елене Михайловне. И мыло ей отдашь. – Ольга Владимировна вышла, закрыв за собой деревянную крашеную дверь, и тонкий скрип лязгнул эхом под толчком.

Надя встала на холодную и скользкую от влаги решётку. Повернула краны, и на неё закапала вода. Сначала прохладная, потом горячее. Она смогла отрегулировать комфортную температуру воды и распечатала мыло. Резкий химический запах цветов ударил в нос. Девочка сначала намылила волосы, потом всё тело. Вода стекала, и кожа становилась скрипучей. Она быстро вытерлась жёстким полотенцем, от которого пахло белизной. Надела бельё и халат. Иностранная ткань неприятно раздражала тело. Она завязала полотенце на голове по-турецки, как всегда делала мама, и толкнула дверь. Около порога стояли розовые резиновые сланцы.

* * *

Надя быстро привыкала к местному распорядку. Она подружилась с той девочкой Викой и всюду ходила с ней. Иногда привозили новых детей, кого-то забирали родители. Для всех детей всегда находились дела: кто-то ухаживал за рыбками и морскими свинками из живого уголка, кто-то был ответственным за полив цветов.

Надю впервые отправили в прачечную. Она знала, что девочки постарше ходили туда относить грязное бельё. Елена Михайловна разрешила сходить ей, но двумя заходами: в один Надя не утащила бы два мешка. Сам мешок был тканый и вмещал с десяток простыней и наволочек, второй такой же – пододеяльники.

Прачечная стояла во дворе рядом с баней. Это было одноэтажное здание с маленькими голубыми рамами окон и белыми стенами. У основания здания, прямо по побелке, напелз густой изумрудный мох, и казалось, будто прачка берёт своё начало глубоко под землёй.

Когда Надя подошла к двери, замешкала: постучать или просто открыть. Постучала – тишина. Постучала громче – опять ничего. Дёрнула за ручку. Тяжёлая деревянная дверь туго открылась, пружина нехотя растянулась и резко сжалась, когда Надя проскочила внутрь. Вперёд уходил коридор, пахло горячим влажным хозяйственным мылом и немного белизной. На щеках Нади появилась испарина. Она глубоко и часто вдыхала вкусный запах, пока в носу не защипало.

Медленно пройдя по коридору, Надя позаглядывала в комнаты слева и справа: где-то стояли широкие увесистые стеллажи прямо поперёк окон, из-за чего солнечный свет преломлялся сквозь банки с жидкостями и рассеивался на бетонном сером полу; кое-где на расстеленном картоне лежало постельное бельё.

Надя вошла в комнату в конце коридора, она была самая большая. Оттуда и доносился гул стирающих машинок. Она видела по телевизору машинки-автоматы, но эти были другими. Огромные серые махины, расставленные вдоль стены, с такими же огромными стеклянными окнами, за которыми вращалось бельё в белой пене.

– Привет. Сегодня один мешок, что ли? – громкий голос раздался справа и немного напугал Надю.

– Здравствуйте. Нет, там ещё один, я сейчас принесу. – Надя пыталась взяться за мешок поудобнее и не знала, можно ли его ставить на этот бетонный пол.

– Кидай туда, – женщина показала в левый угол за Надей, где уже были такие же мешки. – И спроси, сколько штук выдать чистого, может, у вас там прибавление.

– Хорошо, – наконец Надя освободила руки и ощутила новое чувство лёгкости, будто руки плавно парят в невесомости.

Когда она вернулась к Елене Михайловне, та сказала, что сегодня привезут новенького мальчика в детскую группу, поэтому можно сразу взять на него постельное, а в их группе всё без изменений – пятнадцать.

Во второй раз с мешком справиться оказалось легче, и Надя уже быстро вернулась из прачечной.

Наступил вечер, девочки готовились к ужину, мыли руки и собирали волосы в хвосты и косы. Надя нашла взглядом Вику, чтобы вместе пойти в столовую. Сегодня на ужин была перловка с мясом, винегрет и компот. Когда девочки проходили мимо кухни, увидели большие разносы с блестящими булочками и запечатанные в полиэтилен коробки с ряженкой – это на вечер.

Дети ели быстро, мальчики просили добавки, девочки тоже хотели, но стеснялись. Воспитатели следили за младшей группой: кто-то из малышей капризничал и не хотел есть. Самых маленьких сажали на колени и кормили с ложечки.

После ужина по будням всегда был просмотр фильма, в этот раз Елена Михайловна принесла диск с Гарри Поттером, чему все были ужасно рады. В общей комнате все уже рассаживались и выбирали самые удобные места: с краю дивана, потому что там подлокотники, на кресле – потому что там можно сидеть одному, на полу перед телевизором, потому что так будто в кинотеатре.

– Кто сегодня хочет посидеть перед сном с малышами? – Елена Михайловна ещё не включила фильм.

Кто-то отвёл глаза, потому что сильно хотелось смотреть кино, некоторые стали переглядываться. Надя и Вика посмотрели друг на друга.

– Давайте резче выбирайте, а то не успеем посмотреть до отбоя! – Андрей, самый старший из группы мальчиков, уже расселся в кресле с пультом в руке.

– Так, пульт мне сюда давай, я не помню, чтобы разрешала брать его, – Елена Михайловна протянула руку.

Андрей покорно встал, но цокнул.

– И не цокай мне тут. Девчат? – Елена Михайловна ещё раз обратилась к группе девочек.

– Я.

– Я пойду.

Надя и Вика почти одновременно отозвались.

В младшей группе уже выключили свет. Маленькие кровати стояли по периметру – всего двенадцать. Посередине комнаты – диван – для воспитателя. Сейчас на нём сидели напротив друг друга Вика и Надя и рассказывали друг другу страшные истории. Все дети спали, кроме новенького. Его привезли сегодня. Коле было три с половиной года: голубые глаза и белые волосы – маленький ангелочек. В эту ночь он не плакал, но ворочался. Вика прервала Надю и подошла к кровати Коли.

– Ты чего не спишь, – она села на край кровати и легонько положила ладонь на одеяло. Коля затих и сделал вид, будто спит. – Давай спи, уже поздно. Видишь, все уже спят.

Вика вернулась на диван.

– Первую ночь всегда страшно.

– Да. – Надя вспомнила свою первую ночь, когда плакала так, что тошнило, и зарывалась в подушку открытым ртом.

Коля вдруг сел на кровати.

– Мама, – он потёр пальцами глаза.

Надя подбежала к Коле.

– Коля, Коленька, всё хорошо, мама скоро придёт, – она села к нему на кровать, обернула мальчика в одеяло и взяла на руки. – Закрывай глазки, засыпай.

– Мама. – Слабый свет фонарей за окном падал на лицо ребёнка, в его ресницах что-то блеснуло. Надя легонько вытерла слёзы Коли и свои тоже.

Оксана ОСТАНИНА

СИНИЙ БЫК

Солнечный луч выхватил из сумрака комнаты осунувшегося мужчину и замер. Пантелеев опустил голову, прячась от назойливого света, и уставился в столешницу парты, на которой сам лет двадцать пять назад накарябал неприличные слова. Их замазали, но контуры «дурака» проступали через многолетний слой чужой учёбы. Напротив, на возвышении кафедры, за потёртым столом сидели коллеги.

– Я долго откладывал собрание комиссии по расследованию несчастных случаев. Надеюсь, ты сам осознаешь, сделаешь выводы, но нет. Туристы стоят на ухах. «Пантелеев опять набирает команду и в пятый раз идёт покорять Карагымский прорыв!». Я буду ходатайствовать о лишении тебя должности инструктора, – поднялся со своего места назначенный председателем Иволгин. Он давно уже не был в походах. Погряз в административной рутине, обрюзг и забыл о свежести майской холодной воды.

– Ты не можешь так поступить. Вы лишаете меня жизни, – жалостливо посмотрел на суровые лица членов комиссии Пантелеев.

– Жизни? Мне до сих пор непонятно, почему каждый раз выживаешь лишь ты, – скривился Иволгин. – Таких ребят угрохал.

Пантелеев закрыл лицо руками, чтобы скрыть усмешку, и подумал: «Завидуете, сволочи. Вчера восхищались, а сегодня отчитываете, как нашкодившего мальчишку».

Он собрался с мыслями и продолжил.

– Я уже объяснял. Да вы и так всё знаете. В протоколе есть, – поднял он с парты лист бумаги. – Река Аргут, пройдя через Карагым, делится на два притока. Один вольётся в Катунь, а другой упадёт в «котёл» под чёрным камнем. Там любому крышка. Сожрёт.

– Это мы и без тебя знаем, – бегло посмотрел Иволгин на часы, а затем на Пантелеева. – Все мы были на грани, но не все выжили, поэтому Карагым для нашего клуба закрыт. Вопрос не обсуждается. Мне пора.

Вслед за председателем встали и покинули кабинет члены комиссии. Только Марья Павловна, лет сорок проработавшая в клубе, неизменно суховатая, поджарая, с исчерченным мягкими морщинами лицом, всегда носила спортивный костюм и трекинговые ботинки, меняющиеся вместе с технологиями, подошла к Пантелееву и по-отечески погладила по голове.

– Не Аргут ломает людей, Костя, горе и недоверие. Не хотят с тобой больше сплавляться. Обожди сезон-другой и возвращайся. Детей на обучение возьми. Я ребят подберу. Готовь себе смену.

– Не могу я, – зыркнул Пантелеев и, вцепившись руку Марья Павловны, сполз со стула. Встал на колени и зашептал: – Мне надо к Карагымскому прорыву. Через десять дней я должен быть там, иначе конец.

– Даже не думай, – оттолкнула его Марья Павловна. – Никого из наших. Никого. Если не уймёшься, я распоряджусь, чтоб тебя на порог не пускали. снаряжение не получишь. Без бубля в Аргут не сунешься.

– Да пошла ты, – встал Пантелеев с колен и навис над Марьей Павловной. – Я не хочу быть как ты. Наложил в штаны от страха и сидишь в кабинете. Когда ты последний раз была на реке? Не надо мне рассказывать про детские соревнования. Никто из вас не способен пройти Карагым. Только кичитесь моими, слышишь, моими наградами. Никто не может повторить мой успех.

– Я пойду, – услышали они голос и обернулись.

В дверях стоял Микитин Захар: крепкий, высокий парень двадцати лет.

– Даже не думай, я тебя не пущу, – строго посмотрела на него Марья Павловна. – Отец твой погиб, и ты за ним? Карагымский прорыв слишком сложный. Он вне категории.

– Я знаю, и разрешение мне ваше не надо. Всё снаряжение есть, машина – вездеход. Хоть утром в поход.

Пантелеев улыбнулся и двинулся к Микитину.

– Не ожидал. Весь в отца. Любишь адреналинчик.

– У Никиты даже могилы нет. Ты и сына угробить хочешь? – встала между ними Марья Павловна, но на неё никто не обратил внимания.

Микитин и Пантелеев пристально смотрели друг на друга, словно изучали

противника перед схваткой. На секунду Марье Павловне показалось, что драки не избежать.

– Я еду с вами, – выпалила она, и добавила: – Кто-то же должен фиксировать прохождение.

– Лады, – усмехнулся Пантелеев и расправил плечи. – Когда выдвигаемся?

– Мне надо три дня на сборы, – выдохнула Марья Павловна.

* * *

– Таня, я ничего не смогла сделать. Он сам предложил, – рыдала в трубку Марья Павловна.

– Знаю, Маша. Все глаза выплакала. Ничто Захара не остановит. Пять лет к походу готовился. Я и резала снаряжение, и жгла. В другой город его увезла. Он втихую от меня всё готовил.

– Ещё есть время. Я буду рядом. Попробую уговорить отказаться.

– Дай бог, буду молиться за тебя и за сына.

Мария Павловна положила трубку и посмотрела в окно. Грязный апрель прыгал по лужам и серым истлевшим сугробам. С последнего этажа высотного дома виднелась ещё скованная льдом река. Она дарила спокойствие, усмиряла гневливый характер и напоминала в минуты бессилия, что всё течёт, а значит, проходит: и детство, и молодость, и смелость.

С двенадцати лет Мария занималась водным туризмом. Пошла с подругой в клуб за компанию и прикипела. То ли Лилька, то ли Нинка, сейчас уже и не вспомнишь, бросила через месяц-другой, а Маша связала с туризмом всю свою жизнь. Своих детей Бог не дал, как и мужа. Не срослось. Зато скольких воспитала. Того же Пантелеева, которому уже сорок. Он из первого набора, самого памятного. Сама зелёная, восемнадцать годочков, и подростки десяти-двенадцати лет. Такие же, какой недавно была она. Много через неё детишек прошло, но первые врезались в сердце.

Пять лет уже Марья Павловна не водит в походы детей. Лишь смотрит на скованную льдинами реку. Ходит весной на речушку с «мальками», учит ходить на байдарках, но большая вода ей не по силам.

«Зачем же ты вызвалась? – корила она себя. – Все планы нарушишь. Соревнования на носу, ребята беспризорными останутся».

Сердце сжалось, забило испуганной птицей и вырвалось криком. Память вновь унесла её на Аргут. В тот злополучный день, когда Никита, Ник, Никитос... Его не нашли. Не смог справиться с белой водой. Пантелеева вместе с обломками бубля вынесло к плоскому камню. Никита навечно остался в водах Аргута.

После случившегося Марья Павловна не была на Алтае. Что-то сломалось в ней вместе с крепкою рамой подвижного бубля. Вина повисла на шее, сложила гордые плечи: не усмотрела, не научила, не помогла. И неважно, что Никите уже тридцать пять. Он так и остался учеником.

Вернувшись, она пряталась от Татьяны (жены Никиты) и колкого взгляда Захара, пришедшего в клуб вслед за отцом. Маша хотела уволиться. Не могла выносить запах сиротства. Слава богу, Татьяна вернулась с сыном в родной городишко.

«Мне дан второй шанс», – повторяла Марья Павловна, влезая по шаткой стремянке на антресоли. Она достала пыльный пакет, спрятанный за сломанной пластиковой ёлкой, и, спустившись, принялась проверять снаряжение.

* * *

Пантелеев спал плохо. Вздрагивал, крутился и шарил под кроватью в поисках полной бутылки перцовки. Пил из горла, крикал и снова крутился. Курил. Сон всё не шёл.

Стоило закрыть глаза, и Пантелеев чувствовал остриё большущего рога. Видел, как болтается то, что осталось от тела Никиты, Романа, Петрухи и Васьки, как стекают кровавые струи по шерсти быка. Капают в воду, расплываются кляксами. Слышал дыхание монстра. Синий бык звал его. Требовал новую жертву. Вспенивал добела реку.

С середины апреля Пантелеев боялся воды. Пил газировку и сок, но чаще брал пиво. Не мылся. Ходил по бордюрам, опасаясь холодной тёмной воды, бежавшей с сугробов. Видел противную морду быка даже в кружке с водой. Отказался от чая и врал, что боится сглазить поход.

Пятый год он боролся с собой и сдавался. Полз к Карагыму, тряся от страха и выходил сухим из воды. Год доживал и снова сжимался от дикого страха. Вода пахла зверем, манила к себе, звала погрузиться поглубже.

Жена отказалась терпеть.

– Что происходит? – спросила она в первый год.

– Я не сказал тебе сразу. Тогда на реке должен был выжить Никита. Меня затащило под камень. Я выменял его жизнь на свою, – сбросил с души груз Пантелеев и хлопнул стакан. Стало хуже.

– Ерунда, – отмахнулась жена. – Это не повод ходить с грязной шеей. Ты пахнешь.

– Не могу. Он заберёт меня, если не принесу ему жертву.

– Кому? – спросила она, оторвавшись от варки борща.

– Быку.

– Ты бредишь или опять перепил? – взорвалась жена.

Были анализы и даже уколы, отчего Пантелеев притих. Тайно набрал влажных салфеток и, спрятавшись в ванне от грозного взгляда, тёр своё тело под звуки открытой воды.

Потом был поход и новая жертва. Карагымский прорыв забрал себе Ромку. Пантелеев давал интервью, став снова героем.

Он больше не спал. Видел, как тянется к свету из пены Роман, слышал капель в подземной реке.

Он мог бы стать храбрым. Набрать себе ванну и лечь, закрывши глаза. Всплыть в Тойбодыме. Вернуться к быку, выкупить сердце, но Пантелеев был трусом. И снова искал себе жертву, пятую жертву.

«Всё получилось. Никита встретится с сыном», – вздохнул Пантелеев и погрузился в пьяный угар.

* * *

Захар вновь просматривал записи прохождения Пантелеевым Карагым-

ского прорыва. Загружал в программу новые данные и с нетерпением ждал результата. Не зря он закончил физико-математический факультет. Сотни сценариев, тысячи вариантов, собранных за несколько лет. Захар знал, на что он идёт и как поведёт себя бубль. Вот только в реальности всё случится впервые. Один шанс, второго не будет. Пантелеев не даст. Один шанс – один победитель.

Захар посмотрел на фото отца, стоящее на столе, и подмигнул ему, словно ожидая ответ: «Всё будет хорошо, да? Да».

Сложенное в углу снаряжение с грохотом рассыпалось по ковру и закатилось под стол. Захар выругался и принялся складывать шаткую пирамиду. Он помнил дату покупки каждого карабина, каждой верёвки, особенно бубля, собственного бубля. Бесконечные подработки, бессонные ночи ради одного дня, одного часа, мгновения.

Захар брызнул под язык мелатонин, как уже делал не раз, и, покрутившись, уснул.

Вскочив раньше будильника, он принялся собираться, и уже в машине задумался, за кем ехать в первую очередь. Захар боялся остаться один на один с Пантелеевым. Мог не сдержаться, накинуться на него с кулаками.

Марья Павловна, маленькая, как девчонка, волокла огромный рюкзак с прыгающим на боку котелком.

– О нём-то я позабыл, – улыбнулся Захар, поздоровавшись.

– Опыт, – улыбнулась она и, сев на заднее сиденье, погладила Захара по спине.

Пантелеев, серый от бессонных ночей и вымотанный трусостью, выкатился налегке и, зыркнув на Захара, буркнул приветствие.

– Не передумала? – ухмыльнулся он, глядя на Марию Павловну.

– А что мне? Кашеварь да снимай.

Половину пути они ехали молча. Пантелеев разомлел от горячего воздуха, щедро выдуваемого из печки, и наконец-то расслабился. Всё получилось, а значит, следующий год – его.

Захар косился на счастливого Пантелеева и время от времени смотрел в зеркало заднего вида на Марию Павловну. Она застыла напряжённой пружиной.

«Они же не доверяют друг другу, – думала она, повиснув между сидений и глядя в лобовое стекло. – Так нельзя. Лишь команда поможет в опасности. Иначе выживет только один. Один!» От осознания будущего её передёрнуло. Стыд вспыхнул румянцем. Мария Павловна желала Пантелееву смерти. Она уже выбрала победителя и принялась хаотично строить стратегию. Захар должен выжить.

Двенадцать часов пути тянулись бессовестно долго. Серые пейзажи сменяли один за другим, встречая туристов голыми остовами дремавших деревьев. Одинокие камни складывались в холмы, переходящие в горы.

– Маральник! – воскликнула Мария Павловна, увидев фиолетовый пятилистник. – А там подснежники! Останови.

– Цветов этих, как грязи, – буркнул Пантелеев. – Доедем до стоянки, налью буешья.

Захар погнал дальше. Он рад бы остановиться, но Пантелеев был прав. Разбить лагерь, дотянуть до утра. Сердце забило быстрее. По рукам пошла дрожь.

– На стоянке, так на стоянке, – заметила Марья Павловна волнение Захара и погладила его по спине.

* * *

Пока установили палатки и организовали костёр, горная тьма упала на лагерь. Туристы расселись вокруг огня и молчали слушали, как бурлит в котелке консервированная каша с тушёнкой. Тишину разорвал стук копыт. Из темноты показалась лошадиная морда. Конь всхрапнул, заржал и целиком выкатился на свет. На взмокшей спине сидел сухонький старикан.

– Жакши! – поздоровался он и ловко спрыгнул на землю. – Отару я потерял. Не встречали?

– Нет, – развёл руками Захар. – Не видел.

– Ты мало что видишь, – погладил тонкую бороду старик. – Смотреть научился, а видеть нет. Черно всё вокруг.

– Черно, – качнул головой Пантелеев. – Ночь на дворе. Если бы мы отару нашли, давились бы кашей с тушёнкой?

– Чужое любишь? – засмеялся старик.

– Каши, чаю? – засуетилась Марья Павловна, приглашая к костру.

Дед неспешно привязал лошадь к ближайшему дереву и сел к костру, приняв у Марьи Павловны алюминиевую чашку и кружку. Он молча ел, поглядывая через нависшие веки на сидевших около костра и слушал. Пантелеев распределял обязанности на завтрашний день.

– Туристы, значит, – выскреб старик тарелку хлебом.

– Туристы, – ответил Захар.

Дедок ему не понравился. Появился из ниоткуда, овец якобы ищет, а сам не торопится: ест, уши развесил, трясёт бородой, словно козёл.

– Хороший чай, чёрный, – заулыбался старик и достал из куртки кожаный мешочек, извлёк из него кусок блестящего лаком дерева и поднёс ко рту.

Свет наполнился стоном.

– Что это? – не сдержал любопытства Захар.

Музыка проникала в самую душу, дёргала струны, сливалась из сердца слезами, взмывала над пламенем гордым орлом и вновь разбивалась о землю.

– Это комуз, – прекратил мучить душу старик. – Нравится?

– Нравится, – ответила за всех Марья Павловна. – А вы сказания местные знаете? Люблю деткам между делом рассказать.

– Знаю.

Старик убрал комуз и протяжно запел:

Журчаньем ручья скатилась с горы Весна.

Наполнила спящие реки.

Рябью покрыла поля.

Всё тлен.

*Вырастут горы из праха и вновь возвращаются к нижнему царству.
Тянутся к матери жизни Умай.
Смотрит на белую воду Алтая турист, знает конечную точку маршрута.
Бурный Аргут разбивает себя о камень, падает в воды Катуня.
Или уносит под мёртвую глыбу тебя.
Синий бык ожидает у берега тихой реки Тойбодым.
Держит в губах твоё сердце.
Оступился, свернул – и прощай белый свет, синий сомкнул свои губы.*

Пантелеев поёжился и махнул рукой, привлекая внимание:

- Кончай, старик, тоску наводить.
- Пускай поёт. Красиво, – одёрнула его Марья Павловна.
- Не хочешь песню. Сказом отблагодарю.

*Три великие рыбы держат земную твердь. Поклонится средняя из великих.
Накроет землю потоп. Спасёт нерадивых мать жизни Умай. Если оступишься,
скачишься в мглу, упадёшь на большие рога. Тёмные воды подземной реки
держат быка. Страж он подземного мира, сборщиком скорбей пристроен. Смо-
жешь ли ты его обмануть?*

- Прекрати, – вскочил Пантелеев. – Голос у тебя противный. Ерунда кака-
я-то: рыбы, потоп...
 - Синий бык, – рассмеялся Захар.
 - Встретишь быка, в белёсых глазах его страх. Выбор...
 - Спать, – плеснул из котелка в костёр Пантелеев, оборвав старика. – За-
втра тяжёлый день.
 - И то верно, – ответил старик, поклонился, встал, отвязал лошадь, вскочил
на неё и растворился за кругом костра.
 - Зачем ты так? – недовольно посмотрела на Пантелеева Марья Павловна.
 - Зачем, зачем? – передразнил её Пантелеев. – Сейчас поёт, а ночью бубль
на лошадь – и домой. Ищи потом старика.
 - Вполне, – согласился Захар. – Спать надо.
- Они залезли в одну большую палатку, улеглись по спальникам и быстро уснули.

* * *

Захару всю ночь снилась морда быка. Он смотрел на Захара белёсыми глазами без зрачков и протяжно играл на комузе.

Марья Павловна вздрагивала во сне и что-то шептала. Она пыталась вопросами вчерашнего старика, спрашивала конечную точку маршрута. Старик, как болванчик, качал головой и тихо смеялся в длинную бороду.

Пантелеев спал крепко. Наслаждался покоем после долгих бессонных ночей. «Всё сложилось лучше некуда, – думал он засыпая. – Машка свидетелем будет. Ей точно поверят. Парнишка сам напросился. Бубль его, сама всё проверит. Завтра я стану свободным».

Утро не задалось. Вопреки прогнозу налетел сильный ветер. Солнце скрылось за тучей. Моросил мелкий холодный дождь.

Марья Павловна билась с костром. Дерево тлело, но не давало огня. Она

стояла над кострищем и приговаривала: «Давай, миленький, ну давай». Пыхнуло, затем ещё один раз, и затрещали мокрые угли.

– Может, вы не пойдёте? – разливала Марья Павловна чай. – Я подтвержу, что прошли Карагым. Все будут живы. От тебя, Костя, отстанут. Захару разряд повысим. Пройдём ниже в своё удовольствие.

– Нет! – в один голос закричали Пантелеев и Захар.

– Сегодня надо идти. Нельзя откладывать, – поменялся в лице Пантелеев. Прикрывая горячность, продолжил. – Работа у всех. Что там майских? Три дня. Возвращаться бы надо. У тебя дети. У Захара, небось, тоже дела.

– Есть такое, – подтвердил Захар. – Да и нечестно будет. Я сам должен пройти. Отец не смог, но я.

Захар уставился на Пантелеева и замолчал.

– Отец бы точно этого не хотел... и мать, – вклинилась Марья Павловна, перехватывая инициативу.

– Победы бы его отец не хотел? – прищурился Пантелеев и обнажил жёлтые от никотина зубы.

– Идём сегодня. Это не обсуждается, – поднялся со своего места Захар и принялся разворачивать бубль.

– К обеду погода наладится. Эрлик всегда меня дождиком встречает. Сначала хмурится, потом потирает сытое брюхо, – посмотрел на небо Пантелеев и принялся собирать алюминиевую раму бубля.

– Эрлик? – приподняла брови Мария Павловна.

– Местный божок, забей, – пренебрежительно махнул рукой Пантелеев. – Подольём ему водочки в водичку, и всё будет чики-пуки.

К обеду действительно распогодилось. Выглянуло солнце, осветило берег реки, заиграло на пенных барашках взбешённых волн и спряталось в кроне высоченной сосны. Каменистый берег принял приветливые очертания. Даже чёрные, вылизанные рекой камни казались наспех слеplенными из пластилина.

Захар залюбовался рекой, перевёл взгляд на бубль и вздохнул. Два огромных колеса-камеры и лёгкая рама. Марья Павловна проверяла крепления рамы и давление в огромных бубликах. Подёргала страховочные верёвки, крепость карабинов, тщательно осмотрела вёсла.

– Я сяду справа, – выпалил Захар, помнивший, что все погибшие сидели слева.

– Пожалуйста, – безразлично пожал плечами уверенный в себе Пантелеев.

Захар усомнился в собственных силах. Он верил, что место определяло победу. Сейчас же вдруг осознал: был ещё один фактор, давший Пантелееву силу.

– Откажись, – подошла к нему Марья Павловна.

– Нет, – твёрдо ответил Захар, застёгивая спасательный жилет и поправляя шлем.

– Тогда возьми запасное весло. Пригодится.

Захар кивнул и засунул его под жилет.

Сев на своё колесо, Захар кивнул Пантелееву и Марье Павловне. Оттолкнулся веслом и почувствовал, как воды Аргута понесли его в середину реки. Несколько минут решат исход нескольких лет.

Пантелеев бодро командовал. Впереди показался «котёл», деливший Аргут пополам. Опасный порог был в нескольких метрах. Берега сузились в каменное горло. Река взбесилась. Захар следил за движениями Пантелеева. Тот резко оттолкнулся от камня и развернул бубль, оказавшись справа.

Весло Захара ударилось о каменную стену, треснуло. Колесо потянуло под камень. Пантелеев смеялся так громко, что на секунду затмил грохот воды.

Захар достал второе весло и отточенным движением вернул бубль в исходное положение. Если бы Пантелеев не согласился поменяться местами, Захар провернул бы этот трюк перед самым порогом.

Через белую пену не разглядеть Пантелеева, но Захар чувствовал: тот терялся.

Пантелеев зацепился за камень и стукнул по раме, надеясь оторваться, отправить Захара прямо в центр «котла».

Колесо Захара подпрыгнуло, надломленная рама сложилась пополам и с треском пошла назад.

«Не угадал!» – крикнул Захар и вцепился в стропы колеса Пантелеева, утягивая его за собой. Пенная вода накрыла обоих, закрутила в водовороте. Захар видел пузырьки воздуха, инстинктивно хватал их ртом и чувствовал тяжесть воды.

Река расступилась. Захар почувствовал твердь. Набрал полную грудь затхлого воздуха и поперхнулся. «Выжил, – крутилось у него в голове. – Вынесло. Не прошёл, но выжил». Тишину разорвал пронзительный крик. Захар вскочил.

Под ногами дрожала река. Она не текла, дребезжала. Посреди воды на скале сидел вчерашний дедок.

– Я привёл новую жертву, – услышал Захар Пантелеева.

– Ты не признал меня, – корил его старикан.

– Признал, признал, – целовал Пантелеев сапог. – Не хотел выдать тебя и себя, великий Эрлик. Боялся спугнуть твою жертву. Отец его верно служит тебе.

– Хочешь опять откупиться? – пнул его Эрлик и поднял правую руку вверх.

– Ты не должен был возвращаться. Синий бык держит в губах твоё сердце.

Синяя вода вздыбилась, и из неё показались рога. Захар собирался отпрянуть, но замороженно застыл. Показалась голова быка, размером с колесо обозрения. Огромные белые глаза смотрели вверх. В толстых губах его билось посиневшее сердце.

– Я принёс жертву. У нас уговор, – скулил Пантелеев.

– Уговор, – согласился старик. – Ты кидаешь мне слабых, сам покоряешь Катунь. Ты не прошёл. Он сильный – воин.

Старик поднял руку и ткнул скрюченным пальцем в Захара.

– У воина есть выбор, – обратился к Захару старик. – Отдай убийцу отца Тойбодыму, и я подниму тебя в среднее царство. Будешь жить дальше. Один год – одна жертва. Хорошая плата за жизнь.

– Ты обменял их на жизнь? – сдвинул брови Захар, посмотрев в глаза Пантелееву.

– Я хотел жить, – скулил Пантелеев. – Ты тоже захочешь.

– Я хотел бы увидеть небо, – ответил Захар. – Но попрошу об одном: дай мне увидеть отца.

– Этого нет в договоре, – отмахнулся Эрлик.

– Этого нет в договоре ублюдка, – улыбнулся Захар.

– Согласен, – кивнул в ответ Эрлик. – Что же мне делать с этим? – пнул он сапогом Пантелеева.

– Это ваш договор, – поклонился Захар.

– Да будет так.

Синий бык замычал, сердце Пантелеева задрожало, и нижнее царство наполнили звуки комуза.

– Расступись, Тойбодым! – крикнул Эрлик. – Верни верхним мирам первую жертву.

Река задрожала и выкинула на камень отца.

– Спасибо, сынок, – прошептал тот.

Тело опало, эластичный костюм обтянул ставшие голыми кости.

– Сомкни свои губы, – повернулся Эрлик к быку.

Пантелеев взвыл, раздался хлопок. Захар закрыл от страха глаза и почувствовал ветер. Тёплое солнце настырно дёргало веки. Он приподнялся и осмотрелся. Вновь незнакомая местность, но река ожила. Руку дёрнуло, потом ещё раз. Захар посмотрел вниз и увидел в воде гидрокостюм. Потянул за верёвку. На камень плюхнулась ткань. Выплеснуло белые кости.

– Господи! – закричал Захар.

Эхо разнеслось над рекой и потонуло в бурлящей воде.

* * *

Мария Павловна видела, как закрутило бубль, как пронесло его под большой камень и, глядя через экран профессиональной камеры, принялась молиться. Колёса бубля кидало из стороны в сторону. Взлетел кусок рамы, одна камера прижалась к другой.

Резкая боль пронзила руку. Ладонь раскрылась, и фотоаппарат упал на каменистый берег. Красный муравей сантиметра три в длину нагло шевелил усиками, готовясь к новой атаке.

Мария Павловна смахнула обезумевшее насекомое и подняла камеру. Экран был разбит. Она перевела взгляд на реку. Бубль исчез, растаял в белой воде.

Марья Павловна побежала к центру Карагымского прорыва. На воде билась о камень пустая камера бубля: ни Пантелеева, ни Захара. Она замерла, всматриваясь в воду. Второй камеры не было видно. Мария Павловна побежала дальше, к тому месту, где всегда находили Пантелеева, но камень был пуст.

«Сон и точка маршрута. Конечная точка, – бормотала она, – Карта!» Прибежав в лагерь, Марья Павловна принялась искать карту, которая валялась рядом с котелком. Последний перевернуло ветром, и огромное пятно расплозлось по плотной бумаге.

«Надо вызвать помощь», – вслух произнесла Марья Павловна и потянулась к радиотелефону, но тот не подавал признаков жизни. Всё к одному: бубль, камера, карта, телефон.

Мария Павловна схватила карту и принялась оттирать липкий слой гречки. Лишь одно зёрнышко накрепко прикипело к бумаге.

«Точка! – закричала Мария Павловна. – Скажи, старик, это конечная точка маршрута?» В небе заклекотал ястреб. Марья Павловна вспомнила легенду о Горном Старце.

«Старец, охраняющий горы, существует в физическом теле. Нет вчера, нет завтра. Есть вечность, – крутилось в голове Марьи Павловны. – Старец может являться пастуху и охотнику, табунщику и спасателю».

Добежав до места на карте, она принялась крутить головой в поисках выживших, и молилась, чтобы в этот раз им был Захар. Взмыли вверх птицы, и Марья Павловна побежала к обрыву. На выступающем над водой камне сидел промокший Захар. Рядом с ним лежал потёртый гидрокостюм.

– Захар! – закричала она. – Ты жив.

– Он менял наши жизни. Бык сомкнул свои губы, – повторял он, трясаясь от холода. – Я нашёл папу, видишь, нашёл.

Пикнул радиотелефон, висящий на поясе. Появилась связь. Марья Павловна вызвала спасателей. Пока сотрудники МЧС паковали кости и опрашивали поникшего Захара, она сняла с шеи крестик и повесила на самую низкую ветку молодой сосенки. Это была конечная точка маршрута.

По возвращении провели экспертизу. Кости действительно принадлежали Никите.

После официальных похорон Марья Павловна больше не встречала Захара. Татьяна была довольна. Муж похоронен, и сын успокоился.

Несколько раз Марья Павловна ездила на Аргут, но Горный Старец больше не появился. Сосна подросла, подняла к небу блестящий на солнце крестик, рассказывая всем о конечной точке чужого маршрута.

**Ольга Николаевна
АНИКУШИНА**

Родилась в 1970 году в Томске. Окончила философский факультет Томского государственного университета. Кандидат философских наук.

С 2019 года автор художественных миниатюр. В 2021 году награждена медалью «Фёдор Достоевский. 200 лет». Финалист конкурса «Писатель года - 2021» в номинации «Детская литература».

Живёт в Томске.

**Зоя Георгиевна
БАРАШЕВА**

Родилась 29 апреля 1933 года в семье рабочих в г. Минусинске Красноярского края. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ в 1955 году. Работала учителем, инспектором, завотделом народного образования в Томске (1964–1974), в 1974–1980 – в обкоме партии, затем возглавляла отдел народного образования Томской области.

С 1991 по 2004 год директор созданного ей детского дома «Орлиное гнездо». Под её руководством создавались школы-комплексы и велось строительство школ и жилья для учителей. Награждена знаком «Отличник народного просвещения», удостоена почётного звания «Заслуженный учитель школы РСФСР» (1985). Член Совета старейшин Томска.

**Евгений Анатольевич
ВЯЗАНЦЕВ**

Родился в 1948 году в Новоалтайске Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Автор восьми книг лирики, поэм, стихотворений в прозе и афоризмов. Переводы стихов издавались в Сербии и Черногории в различных журналах и антологиях. Две поэтические книги вышли в Сербии на сербском языке. Неоднократно печатался в журнале «Начало века».

Живёт в Барнауле.

**Ефим Аронович
ГАММЕР**

Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге, окончил отделение журналистики

ЛГУ в Риге. Автор 28 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская (Москва, 2008), «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2007).

Кроме того, является старейшим действующим боксёром планеты. Вернувшись на ринг в 1998 году в возрасте 53 лет, выступал в боксёрских турнирах до 70, тридцать раз подряд стал чемпионом Иерусалима. Член правления Международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний kaleйдоскоп» – радио «Голос Израиля».

Живёт в Иерусалиме.

**Сергей Петрович
ГУРЕЕВ**

Родился 12 февраля 1955 в Новосибирске. С 1972 живёт в Томске. Окончил Томский государственный университет. Кандидат биологических наук (1984), ведущий научный сотрудник НИИ ББ ТГУ. С 1998 года – основатель и президент Компании «Вита плюс». Основные профессиональные интересы – проблемы экологии и здоровья человека. В студенческие годы – один из создателей и активных участников театра миниатюр ТГУ «Эстус». Активный участник КСП «Пьеро» (с 1975). Постоянный участник творческого объединения «Томский Перекрёсток».

**Дмитрий Александрович
ИВАНОВ**

Родился в 1961 году в Томске. Окончил отделение журналистики филологического факультета Томского государственного университета (1984).

Публиковался в журналах «Сибирские Афины», «Начало века» и других. Автор двух сборников – художественной прозы и публицистики.

Член Союза журналистов России. Живёт в Томске.

**Эмилия Григорьевна
КАДЕТОВА**

Родилась в селе Каргасок Томской области. Окончила Томское культпросве-

тучилище, была заведующей лекторием Томской областной организации общества «Знание». В 1991 году окончила Институт кинематографии (ВГИК) в Москве по специальности «киновед». Работала в областном художественном музее лектором-искусствоведом. В последнее время преподавала культурологию в ТУСУРе, а также читала лекции в томском планетарии.

Выпустила сборник стихов «Позови себя по имени».

Живёт в Томске.

**Юрий Вильямович
КОЗЛОВ**

Родился в 1953 году в Великих Луках. После окончания Московского полиграфического института служил в армии на Чукотке. Затем работал в журналах «Юность», «Огонёк», газете «Россия». С 1995 по 2001 годы работал в пресс-службе Государственной Думы, затем возглавлял пресс-службу Совета Федерации. В настоящее время главный редактор «Роман-газеты».

Известный российский писатель, автор многих книг прозы, лауреат престижных литературных премий. Автор романов «Колодец пророков», «Почтовая рыба», «Враждебный портной», повестей «Геополитический романс», «Коридор». Произведения Козлова переведены на многие иностранные языки.

Живет в Москве.

**Ольга Григорьевна
КОМАРОВА**

Родилась в Ижевске в 1957 году. Окончила исторический факультет Томского государственного университета. Журналист, эссеист, конферансье, актриса.

Автор поэтических книг «Вечные странники» (1999), «Любовная песнь волчицы» (2007). В 2015 году вышла в свет двойная билингва: перевод на английский книги Ольги Комаровой «Вечные странники» и перевод на русский книги американской поэтессы Джоэл Эверетт «Странное и чудесное» – «Две женщины – один мир» (Новосибирск, 2015).

Публиковалась в российских и зарубежных изданиях.

Член Союза писателей России.

Живёт в Томске.

**Олег Валентинович
ЛАПШИН**

Родился в 1963 году в посёлке Шпалозавод Парабельского района Томской области. Выпускник механико-математического факультета Томского университета, доктор физико-математических наук, работает в Томском научном центре ведущим научным сотрудником.

Автор поэтической книги «Лировый месяц» (1994), сборника рассказов «Набор сувениров», книги «Виниловый человек». Печатался в журналах «Юность», «Начало века» (Томск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «После 12» (Кемерово).

Член Союза российских писателей.

Живёт в Томске.

**Александр Иванович
МУЛЕНКО**

В прошлом – огнеупорщик. Был участником Чернобыльской кампании 1986 года, во время которой работал в Лукьяновке на строительстве домов для переселенцев из зоны аварии. Последние пятнадцать лет своей трудовой деятельности Александр Муленко обучал строительным специальностям осуждённых в колонии строгого режима. В настоящее время – инвалид, пенсионер.

Автор книг «Волшебное озеро», «Остров Иванушкина Миши», «Счастье в яме», «Должник. Амнистия. Ни свежего чая, ни курить», «В преддверии праздника». Член Союза писателей России.

Живёт в городе Новотроицке Оренбургской области.

**Анатолий Яковлевич
ПШЕНИЧКИН**

Родился в 1936 году в с. Варгатёр Чаинского района Томской обл. В 1943–1951 годах воспитывался в Кругловском детдоме Колпашевского района. В 1955-м окончил Осинниковский горный техникум (Кемеровская обл.), после службы

в армии (1955–1958), в 1968 г., окончил заочно ГФ ТГУ по специальности «геологическая съёмка и поиски полезных ископаемых».

А. Я. Пшеничкин является известным в кругах геологической общественности учёным, он – один из основателей Томской школы минералогов. В январе 2020 года вышло второе издание антологии стихов о минералах «Поэтическая минералогия». Первое издание «Поэтической минералогии» (2014) получило заслуженное признание на международных книжных выставках-ярмарках в Москве (2014), Париже (2015), Лондоне (2017), Барселоне (2018), Нью-Йорке (2019), Гонконге (2019), Вене (2019).

**Георгий Васильевич
ТОРОЩИН**

Родился в 1941 году в селе Белояровка Верхнекетского района Томской области. Окончил Томский лесотехнический техникум. Вся трудовая жизнь связана с производственным объединением «Контур». Печатался в коллективных сборниках литературного объединения «Экспромт», издал книгу стихотворений «Скажу о жизни» и книгу стихотворных пародий. Постоянный автор журнала «Начало века».

Живёт в Томске.

**Светлана Владимировна
УЛАНОВА**

Родилась 2 января 1967 года. Окончила Кузбасский политехнический и Томский архитектурно-строительный университеты. Много лет проработала на шахте инженером-маркшейдером, в настоящее время – инженер-эколог. Одна из организаторов всероссийского литературного фестиваля им. А. Бельмасова и руководитель городской литературной группы «Прометей». Главный редактор альманаха «Свет Прометея».

Публиковалась в российских журналах и антологиях.

Участница семинара на международном совещании писателей в Каменске-Уральском 25–28 мая 2015 года, участница совещания писателей «Мы выросли в России» в Бугуруслане в 2016 году.

Выпускница литературных курсов ЧГИК 2020 года.

Автор книг стихотворений: «На тонких струнах любви», «Кольчугино колечко», серии книг для детей: «Весёлые трафареты». Член Союза писателей России.

Живёт в городе Польшаево Кемеровской области.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2023 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 27.11.2023 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1